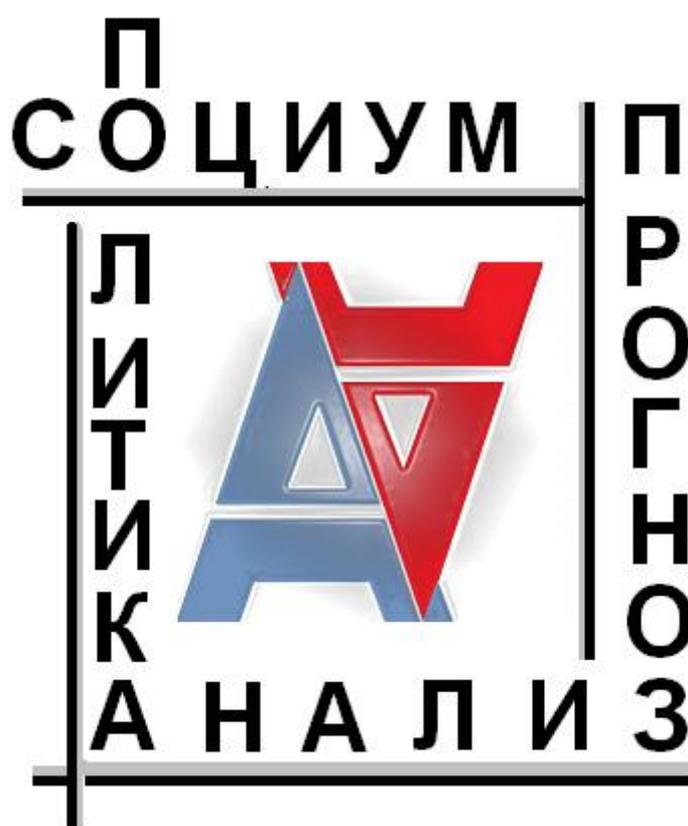

Политическое управление

Научный информационно-образовательный электронный журнал

Сетевое электронное издание

2012. № 01(02)

ISSN 2221-7703

УДК 32: 304: 330: 340: 351/354

ББК 66 (60, 63, 67, 71)

П 50

Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. [Сетевое электронное издание, ISSN 2221-7703]. 2012. № 1(02). URL: <http://www.политуправление.рф> (копия - URL: <http://www.pu.virmk.ru>).

Political management: Scientific Information and Education Web Journal [Network electronic edition, ISSN 2221-7703]. 2012. № 1(02). URL: <http://www.политуправление.рф> (copy - URL: <http://www.pu.virmk.ru>).

Вопросы политического управления обществом всегда привлекали внимание ученых со времен зарождения политической науки. Эти проблемы рассматривались в трудах древних мыслителей, философов Возрождения и Нового времени, современных политологов.

Сравнивая модели политического управления в условиях глобализации, можно сказать, что демократический проект управления в век глобализации рассматривается многими современными учеными и политиками в качестве цели преобразования мирового порядка, которая может быть реализована в процессе конструирования мира всеми участниками этого процесса. Однако он содержит ряд императивных требований, которые признаются отнюдь не всеми политическими лидерами и государствами. Демократизация политических отношений является идеалом, который вступает в противоречие с прагматическими интересами и устоявшимися ценностями.

Журнал ставит своей целью формирование базы знаний об управленческих процессах в современном обществе, социально-экономических и политико-правовых системах, философско-политических учениях и о картине мира в целом через призму политического управления.

Редакционный совет (Editorial Board):

Андропова Ирина Владимировна, доктор политических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования, заведующая кафедрой Связей с общественностью (Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара). Andronov Irina V, Doctor of Political Sciences, professor, honored worker of higher education, Head of Public Relations (Volga State University of Telecommunications and Informatics, Samara)

Блудов Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления (Тамбовский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Тамбов). Bludov Andrew M., Doctorate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration (Tambov branch of the Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Tambov)

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук (Саратовский государственный университет им. Г.П.Чернышевского, г. Саратов). Vilkov Alexander, Doctor of Political Sciences, professor, head of the Department of Political Sciences (Saratov State University. GR Chernyshevsky, Saratov).

Санжаревский Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления (Тамбовский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Тамбов) - председатель совета, редактор. Sanzharevsky Igor I., Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Administration (Tambov branch of the Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Tambov) - Chairman of the Board, Editor .

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кафедра политических наук) *Shestov Nicolai I. Doctore of Political Sciences, Professor National Research Saratov State University. NG Chernyshevsky, Cathedra of Political Science*

Шуклинова Марина Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления (Тамбовский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Тамбов) - секретарь. Shuklinova Marina V., Doctorate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Public Administration (Tambov branch of the Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Tambov) - Secretary.

ISSN 2221-7703

Содержание 2012 - № 1 (02):

Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы (Теоретический семинар, Саратовское региональное отделение Российской ассоциации политической науки, 1 июня 2011 г.)/ <i>The role of media in addressing the mismatch of "agendas" in Russia to the problem (Theoretical seminar the Regional Branch of the Russian Political Science Association, 1 June 2011)</i> Обсуждаются вопросы: «Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории? Какие разновидности «повестки дня» целесообразно выделять? В какой мере современное российское общество с имеющимся у него ресурсом знаний о политике, с ресурсом мифов, идеологий и коммуникаций способно формулировать «повестку дня» и предоставлять, таким образом, исходный материал для дальнейшей работы СМИ? Какова роль СМИ в установлении и регулировании различных «повесток дня»? Что отличает (и отличает ли вообще) в этом плане Россию от других государств? Чем это может быть вызвано? Каким образом можно исследовать роль СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти? Насколько уместным здесь может быть сравнительное изучение опыта России и США?	5
Институты и функциональные особенности гражданского общества в СССР-РФ (Барашков Г.М.)/ <i>Institutions and Functional Features of Civil Society in the USSR and Russia (Barashkov G. M.)</i> В статье рассматривается становление институтов гражданского общества в СССР – Российской Федерации, их специфика, функциональная особенность, и влияние на политические процессы исследуемого периода.	26
Экономическая политика должна обосновываться научными исследованиями, а не догмами теории (Комченков В.Ф. Сагындыков К.Б.)/ <i>The economic policy should be proved by scientific researches, instead of dogmas of the theory (Komchenkov V. F., Sagyndykov K.B.)</i> В статье на основе вертикальных и поперечных группировок статистических данных за 2000-2010 г.г. по России и Казахстану обосновывается несостоятельность теоретических догм, содержащихся в учебниках по экономике и управлению, на которых ныне основывается монетаристская экономическая политика.	42
Становление органов местного самоуправления как фактор развития политической коммуникации в России: историко-правовой аспект (Семина Н.А.)/ <i>Formation of local governments as the factor developments of political communications in Russia: historical and legal aspects (Semina N. A.)</i> В статье рассмотрен историко-правовой аспект развития коммуникационной составляющей политического процесса в контексте становления института местного самоуправления. Особое внимание уделено выявлению исторических особенностей функционирования местного самоуправления в XIX – XX вв. с целью преемственности элементов исторического опыта для модернизации современной политической системы.....	47
Деятельность тамбовских дворян Давыдовых в корпоративных организациях дворянства в XIX – начале XX в. (Шуваев Д.А.)/ <i>Activity of the Tambov gentry Davydovs in the corporate organizations of nobility in XIX – early XX century (Shuvaev D.A.)</i> Статья посвящена известному Тамбовскому дворянскому роду Давыдовых. Автором исследована сословная служба дворян Давыдовых в XIX – начале XX в.	53
Политическая философия: Учебно-методическое пособие для студентов гуманитарных специальностей (Шестов Н.И.) / <i>Political Philosophy: Training manual for humanities students (Shestov N. I.)</i> В учебно-методическом пособии в сжатой форме рассматриваются теоретические и методологические аспекты политической философии. Работа издана в авторской редакции	62
Разъединенные Штаты Европы (пер. с англ. Шапиро О.Р.)/ <i>The Divided States of Europe (transl. from Eng. Shapiro O .R.)</i> Статья является переводом публикации аналитика Stratfor по Евразии Марко Папича (США), опубликованной 28 июня 2011 года в « <i>Stratfor Global Intelligence</i> »	104

Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы. (Теоретический семинар. Саратовское региональное отделение Российской ассоциации политической науки 1 июня 2011 г.)

Theoretical seminar "The role of media in addressing the mismatch of" agendas "in Russia to the problem" (The Saratov Regional Branch of the Russian Political Science Association 1 June 2011)

УДК 32.01

Вопросы для обсуждения:

1. Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории? Какие разновидности «повестки дня» целесообразно выделять?
2. В какой мере современное российское общество с имеющимся у него ресурсом знаний о политике, с ресурсом мифов, идеологий и коммуникаций способно формулировать «повестку дня» и предоставлять, таким образом, исходный материал для дальнейшей работы СМИ?
3. Какова роль СМИ в установлении и регулировании различных «повесток дня»? Что отличает (и отличает ли вообще) в этом плане Россию от других государств? Чем это может быть вызвано?
4. Каким образом можно исследовать роль СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти? Насколько уместным здесь может быть сравнительное изучение опыта России и США?

Questions for discussion

1. What is considered "agenda" in the political science understanding of this category? What kind of "agenda" it is expedient to provide?
2. The extent to which contemporary Russian society with its existing resources of knowledge about politics, with a resource of myths, ideologies, and communications can formulate the "agenda" and provide, therefore, the raw material for further work the media?
3. What is the media's role in establishing and managing the various "agendas"? What distinguishes (and distinguishes if at all) in this regard, Russia from other countries? What can be the reason?
4. How can we investigate the role of media in the processes associated with the formation and existence of "agendas" of society and government? As far as relevant here may be a comparative study of the experience of Russia and the U.S.?

В семинаре приняли участие: Шестов Николай Игоревич, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского, председатель Саратовского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (РАПН); Барышков Владимир Петрович, д-р филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института дополнительного профессионального образования СГУ; Вилков Александр Алексеевич, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; Егоренков Дмитрий Анатольевич, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; Казаков Александр Александрович, канд. полит. наук, ассистент кафедры политических наук СГУ; Кузнецов Игорь Иванович, д-р полит. наук, доцент кафедры истории и теории политики МГУ им. М. В. Ломоносова; Мартынова Юлия Анатольевна, канд. филол. наук,

доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации СГУ; Санжаревский Игорь Иванович, д-р полит. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ; Сергеев Сергей Геннадьевич, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; Скороходова Ольга Сергеевна, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; Суслов Юрий Павлович, д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук СГУ; Чекмарев Эдуард Владимирович, д-р полит. наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина; Овчарова Ольга Геннадьевна, д-р полит. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной академии права; Богданов Артём Владимирович, аспирант СГУ; Некрасов Артём Викторович, аспирант СГУ.

Вступительное слово

Н.И. Шестов, д. полит. н., профессор

Добрый день, уважаемые коллеги! По сути, предложенный для нашего обсуждения доклад представляет собой заявку некоторых теоретических позиций, которые, по его мнению, могут быть интересны и которые можно как-то по-новому обыграть в рамках научного исследования более высокого уровня. В этой связи я бы хотел, чтобы наше обсуждение пошло по линии предложений и рекомендаций: как связать отдельные с виду разрозненные сюжеты, каким образом рассмотреть определенные позиции, чтобы они зазвучали актуально и по-новому для политической науки и, возможно даже, для политической философии. По традиции, сначала мы предоставим слово докладчику, затем он ответит на заданные ему вопросы, после чего каждый из присутствующих сможет высказать собственное мнение по обозначенным вопросам.

Доклад: «Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы»

А.А. Казаков:

Добрый день, уважаемые коллеги! Прежде всего, хотелось бы поблагодарить вас за интерес, проявленный к подготовленному мной докладу. Ваше мнение для меня действительно очень важно.

В современной политологической литературе термин «повестка дня» является достаточно устоявшимся и широко используемым. Не вдаваясь в научные нюансы данной категории и учитывая ее историческое происхождение (от англ. – agenda), приведем наиболее общие ее определения, предложенные Словарем современного английского языка издательства Лонгман: «перечень тем, подлежащих обсуждению»; «совокупность мер, которые необходимо принять»; или «вещи, которые у всех на устах». Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту этого образного термина, в сегодняшнем политическом дискурсе «повестка дня» обладает гораздо большим количеством смыслов, нежели принято ей отводить в обыденной речи. Причем расширение ее семантического наполнения происходило постепенно – на протяжении XX и XXI веков – по мере развития теории массовой коммуникации.

Отправной точкой в актуализации феномена «повестки дня», на наш взгляд, можно считать изучение воздействия материалов СМИ на общественное сознание классиками коммуникативистики: У. Липпманом («Общественное мнение», 1922 г.), П. Лазерфельдом и Б. Берельсоном («Выбор народа», 1948 г.), Дж. Клаппером («Воздействие массовой коммуникации», 1960 г.). Позже внимание ученых было

обращено к изучению косвенных эффектов масс-медиа: с подачи М. Маккоумза и Д. Шоу они начали рассматриваться в рамках более широкого процесса – «установления повестки дня» (agenda-setting). Именно эти исследователи сформулировали три базовые разновидности «повестки дня»: личную или внутреннюю (intrapersonal) – система приоритетов в отношении наиболее важных для самого индивида социальных и политических проблем; межличностную (interpersonal) – система приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы; и предполагаемую общественную (perceived community agenda) – представления индивида о том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит.

В дальнейшем предложенное деление прочно вошло в исследовательский арсенал ученых, занимавшихся схожими проблемами. При этом как сами авторы теории «установления повестки дня», так и их последователи исходили (и исходят сегодня) из того, что главным субъектом формирования данных разновидностей «повестки дня» являются СМИ. Именно им отводится ключевая роль в определении содержания публичной «повестки дня». И именно к этому сюжету – механизмам формирования общественной «повестки» посредством масс-медиа – чаще всего обращаются современные авторы.

Между тем, помимо сугубо общественной «повестки дня», в политической науке выделяют также и другие ее разновидности. Так, например, в своей работе «Исследование государственной политики: циклы и подсистемы политики» М. Говлет и М. Рамеш отдельно рассматривают системную (или публичную) и институциональную (или формальную) «повестки». «В системную повестку дня входят все проблемы, заслуживающие публичного внимания (к примеру, проблемы системы образования, охраны здоровья, окружающей среды и т.д.). Собственно говоря, системная повестка дня – это повестка дня общества, поскольку она включает сотни важных общественных проблем, требующих решения с помощью институтов власти. Вместе с этим, лишь небольшая часть проблем системной повестки дня попадает в поле зрения власти. Проблемы, на которые власть обратила внимание, приняв к рассмотрению, автоматически переключаются из уровня системной (публичной) повестки дня в институциональную повестку дня. Следовательно, публичная повестка дня является регламентом для обсуждения, а институциональная – повесткой дня для действия, что указывает на начало процесса политики относительно этой проблемы».

Очевидно, что системная (публичная) «повестка дня» в интерпретации Говлета и Рамеша – суть то же самое, что общественная «повестка» в понимании исследователей, которые упоминались выше. А институциональная (формальная) «повестка» – это набор тем, которые являются приоритетными уже не для социума, а для власти. Примерно об этом же пишет и эксперт Центра политических технологий (г. Москва) Г. Ковалев. Он обосновывает наличие т.н. «политической повестки», включающей в себя список проблем, которые считаются не просто важными, но требующими для своего решения вмешательства государства. Разделяя общую логику размышлений этого ученого, позволим себе возразить ему в том, что конкретно понимать под «политической повесткой дня». На наш взгляд, данная категория должна подразумевать не столько проблемы, которые можно решить только усилиями государства, сколько, вообще, те сюжеты (вне зависимости от уровня их сложности), которые само государство считает для себя приоритетными. Так, например, для решения демографической проблемы, безусловно, необходимо участие государства. Однако само политическое

руководство страны вовсе не обязательно будет считать эту проблему ключевой. Стало быть, ее не будет и в политической «повестке».

Если взять за основу предложенное нами понимание, то подобная градация общей «повестки дня» на общественный и властно-политический сектора в целом представляется не лишеной оснований. Кроме того, что у них совершенно разные носители (отдельная личность, социальная группа или общество – в первом случае и правящая элита – во втором), эти две разновидности «повесток», по нашему мнению, также разнятся между собой по содержанию и субъекту их формирования. Что касается содержательного наполнения каждой из них, то здесь мы склонны согласиться с мнением все тех же М. Говлета и М. Рамеша, в приведенной выше цитате утверждающих, что лишь часть системной (читай – общественной) «повестки дня» соответствует структуре своего институционального (то есть политического) аналога.

В вопросе же о субъектах формирования общественной и властной «повесток» мы полагаем, что публичная «повестка дня» складывается преимущественно под воздействием СМИ, а политическая – под влиянием интересов и намерений руководства государства либо же сил, способных диктовать ему свои условия. При этом, если в отношении решающей роли СМИ в определении общественной «повестки» в науке наблюдается относительное единодушие, то вопрос о факторах, детерминирующих «повестку дня» власти, с одной стороны, является гораздо более дискуссионным и менее разработанным – с другой. Так или иначе, но разность носителя, содержания и субъекта формирования этих «повесток», на наш взгляд, являются достаточными основаниями для того, чтобы считать их самостоятельными феноменами.

Более того, та роль, которую играют в этих процессах СМИ, позволяют говорить о существовании третьей разновидности «повестки дня» – медийной или информационной. Необходимо отметить, что подобный подход встречается в науке значительно реже предыдущих. Разумеется, проблеме политического потенциала и воздействия медиа-структур на общественное сознание традиционно уделяется много внимания. Однако исследования данного сюжета именно в таком ракурсе – через «повестку дня» – являются, скорее, исключением из правил. По крайней мере, на сегодняшний день нам удалось обнаружить совсем немного работ, в которых говорится о существовании медийной «повестки дня».

Одну из них мы уже упоминали. Г. Ковалев определяет информационную повестку как набор из пяти-семи различных тем, предлагаемых новостными СМИ для ознакомления обществу. От себя добавим, что эти темы должны регулярно предлагаться аудитории в течение более или менее длительного периода времени. Не отрицает возможности СМИ самостоятельно формировать «повестку дня» (не уточняя, правда, какую) и М. Мамонов. Очевидно, что от общественной и политической «медиа-повестка» отличается как содержанием, так и своим носителем: в данном случае им будет не социум и не власть, а сами СМИ. В этой связи мы убеждены, что рассмотрение информационной «повестки дня» в качестве самостоятельного феномена способно привести к весьма значимым как для политической теории, так и для практики научным результатам.

Вообще, если исходить из того, что политический процесс – это многоуровневое пространство с большим количеством субъектов, то при желании собственные «повестки дня» можно выявить практически у каждого более или менее значимого политического актора. Так, если говорить об институтах власти конкретного государства, свои артикулированные политические интересы (читай – «повестки») легко обнаружить у власти федеральной, у власти отдельного региона

и муниципалитета. На уровне международных отношений количество субъектов «повестки дня» значительно увеличивается: к традиционным государственно-властным институтам добавляются самые разнообразные над- и негосударственные организации, движения и объединения. Если же выйти за пределы властного политикума, то собственные политически ориентированные установки найдутся и у институтов гражданского общества, и у бизнес-структур, и у различных профессиональных и этнических сообществ, и т.д. Иначе говоря, деление «повестки дня» на политическую, общественную и медийную составляющие представляет собой лишь часть огромного спектра ее разновидностей, а значит, вполне уместно говорить о существовании множественности «повесток».

На наш взгляд, в условиях подобной фрагментарности нередки случаи, когда «повестки» самых различных политических субъектов между собой разобщены и потому не составляют внутреннего смыслового единства. Скажем, интересы и мотивация деятельности власти никак не совпадают с устремлениями общества, либо же лишены «общего знаменателя» установки этнических и профессиональных общностей. Более того, подобная множественность, по нашему мнению, серьезно осложняется тем, что иногда «повестки» оказываются не только предельно разобщенными между собой, но и вступают в прямое противоречие друг с другом. В условиях разности интересов и потребностей отдельных политических субъектов вполне закономерным представляется и конфликт их «повесток»-устремлений. Так, например, политическая практика знает массу примеров того, как власть пытается искусственно формировать «повестку дня» общества в случаях, когда реальное содержание этой «повестки» ей невыгодно: скажем, если государству не удастся эффективно решать острые социальные проблемы, оно может попытаться сфокусировать внимание людей на международных процессах.

Вкупе с лавинообразным ростом количества самих «повесток» такие «напряженности» между ними создают видимость бессистемности и хаотичности политического процесса. При первом рассмотрении складывается ощущение, что система в целом находится в кризисе, так как не работают либо же вообще напрочь отсутствуют важнейшие коммуникационные каналы и механизмы, призванные обеспечивать согласованное функционирование властных институтов.

Для иллюстрации данного тезиса обратимся к сфере межгосударственного взаимодействия России и США. Очевидно, что в отношениях этих двух стран уместно говорить о наличии достаточно большого количества «повесток дня» различных политических субъектов. У действующих властей указанных государств имеется собственный набор актуальных тем и интересов, входящих в т.н. «официальную повестку»: сотрудничество в сфере международной безопасности, совместное участие в решении глобальных проблем, «пере(за)грузка» отношений и т.д. Помимо этого, на все том же политическом межгосударственном уровне существует и т.н. «негласная повестка», включающая в себя риторику и России, и США о претензиях на мировое лидерство и статус сверхдержав. Естественно, что уже между этими двумя «повестками» наличествует определенное, если не противоречие, то разнонаправленность и напряжение.

Кроме названных, в сфере российско-американских отношений присутствуют и другие, напрямую не связанные с политикой «повестки». Общественная, например. Для многих россиян Америка за последние несколько десятилетий стала чуть ли не образцом стиля и образа жизни, своего рода эталоном, к которому нужно стремиться. С другой стороны, для американцев Россия – это по-прежнему загадочная и зачастую пугающая своей дикостью и неизведанностью страна. Совершенно иные приоритеты и ценности можно легко обнаружить в

«повестках» бизнес-сообществ, научных кругов, культурных деятелей, спортсменов, медиков двух стран и т.п. Какую сферу российско-американских отношений мы ни взяли бы, везде обнаружится определенное рассогласование либо «повесток дня» одного уровня, либо же между «повестками» различных уровней. Результатом же подобных несовпадений чаще всего являются проблемы в коммуникационном взаимодействии двух стран, которые, в свою очередь, способны усложнить и без того непростые отношения между Россией и Америкой.

Вместе с тем, позволим себе предположить, что наблюдаемая бессистемность и кажущаяся хаотичность «повесток дня» – это вовсе не окончательный «диагноз» политической системы. На наш взгляд, одним из ключевых рычагов, при помощи которых можно устранить подобную рассогласованность, являются средства массовой информации. Представляется, что именно СМИ способны выполнять в отношении огромного количества самых разнообразных «повесток» целый набор упорядочивающих и структурирующих функций.

Прежде всего, СМИ призваны аккумулировать различные виды «повестки дня». По большому счету, любой из вышеупомянутых подвидов «повестки дня» приобретает политический характер лишь тогда, когда он артикулируется в средствах массовой информации. Такое объединение и перевод изначально разрозненных и разноформатных политических установок на единый медиа-язык, на наш взгляд, уже является весомым залогом интеграции коммуникационной составляющей политического пространства. Более того, СМИ могут не только аккумулировать уже существующие, но и самостоятельно генерировать собственные «повестки», делая достоянием общества и власти факты, до этого скрытые от всеобщего внимания.

Кроме этого, медиа-структуры обладают возможностями определенным образом форматировать уже существующие «повестки» – изменять ракурс их рассмотрения, сужать или расширять проблемное поле и т.п. Тесно с этим связана и возможность СМИ ранжировать имеющиеся «повестки». Известно ведь, что любой, даже самый мелкий и сугубо индивидуальный повод, может приобрести общегосударственную, а порой и международную, значимость, если на него обратят внимание масс медиа. Примеров этому можно привести сколько угодно много. Те же сюжеты, на которые уже было обращено внимание, пресса распределяет в соответствии с уровнем ей самой определяемой важности.

Наконец, еще одной частью интегративного потенциала СМИ является их способность управлять «повестками». Именно они задают темп рассмотрению тех или иных вопросов, определяют тональность медийного дискурса, выбирают направленность информационных кампаний и т.д. На наш взгляд, все это вместе как раз и определяет возможности СМИ по упорядочиванию внушительного массива разнообразных «повесток дня». В этом отношении политическая роль медиа представляется нам особенно важной: из придатка политической системы СМИ превращаются в ее базовый элемент, обеспечивающий нормальное осуществление политического процесса. Проводя аналогии с устройством автомобиля, можно даже сказать, что СМИ – это своего рода «раздатка» политики. Без нее система не способна не только к развитию, но и просто к эффективному функционированию.

Основная проблема видится нам здесь в том, что описанные выше ресурсы СМИ зачастую существуют только в теории, а на практике реализуются в нашей стране из рук вон плохо. В этом смысле Россия представляется нам весьма показательным примером. Уподобление СМИ четвертой власти в последнее время

у многих совершенно обоснованно вызывает лишь улыбку. На наш взгляд, современные российские масс медиа гораздо больше ориентированы на власть и ее «повестку дня», нежели на социум с его интересами, проблемами и системой приоритетов. В этом плане довольно красноречивым, по нашему мнению, является тот факт, что сегодня в традиционных СМИ практически не осталось т.н. «колонок читателя», в которых рядовые представители общества могли бы высказать свое мнение. В электронных изданиях, разумеется, такая возможность имеется, однако постоянными пользователями сети Интернет в России по-прежнему является лишь часть общества. Недостатка же информации о деятельности власти, напротив, как правило, не наблюдается.

Таким образом, вопреки приводившимся выше мнениям, СМИ отнюдь не формируют общественную «повестку дня», а все чаще используются властью в качестве орудия для внедрения ее собственной «повестки» в массовое сознание читательской аудитории. Тем самым они практически не выполняют функции по аккумулярованию, генерированию, форматированию, ранжированию и управлению многообразием «повесток», занимая вместо этого подчиненно-обслуживающее по отношению к политической системе положение.

Причин сложившейся ситуации может быть несколько. Ее истоки можно обнаружить в том числе и в историческом опыте развития отечественного медиа-пространства. По большому счету, если не брать в расчет непродолжительный период существования партийной прессы в начале двадцатого века, в России и в СССР СМИ всегда так или иначе зависели от государства. Преодолеть эту традицию за одно-два десятилетия вряд ли возможно. Однако списывать все на историческое наследие тоже, наверное, неправильно. Судя по всему, имеют место и другие основания нынешней роли СМИ.

Вполне вероятно, что обслуживать интересы государства, а не общества медийщиков заставляют сложившиеся сегодня экономические реалии. Выйти на самоокупаемость в существующих условиях практически невозможно, а потому приходится отстаивать интересы того, кто готов за это заплатить. Чаще всего таким субъектом становится государство. Достаточно тесно с экономической причиной переплетается и политическое основание, а именно то, что сама власть допускает для себя возможность не только внедрять через СМИ в общественное сознание собственную «повестку», но и создавать такие условия, когда ничего другого медиа-структурам фактически не остается.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов и еще одну возможную причину – нежелание самих СМИ налаживать коммуникационные связи и каналы обратной связи с обществом. Охотно допускаем, что данное занятие вполне может показаться им достаточно трудоемким, хлопотным и в чем-то даже опасным. Особенно учитывая то, что реальная общественная «повестка» вряд ли понравится власти. В этом смысле гораздо приятнее внедрять то, что предлагается сверху, чувствовать себя уверенно и не опасаться за судьбу своего информационного ресурса.

Мы полагаем, что, скорее всего, в реальности имеет место сочетание всех этих и, возможно, других – оказавшихся вне нашего внимания – причин. Однако в любом случае данная проблема нуждается в отдельном изучении. Ключом же к ее решению вполне может быть сравнительное исследование опыта медийного регулирования различных «повесток» в отдельных странах. Так, например, на данный момент нам кажется особенно продуктивным соотнесение российских и американских реалий. Качественный сравнительный анализ механизмов взаимодействия «повесток дня» с участием СМИ в этих государствах наверняка

позволил бы сформулировать целый ряд полезных для нашей страны и отечественной политологической науки рекомендаций.

Спасибо за внимание!

Вопросы к докладчику

Ю.П. Сулов: Не совсем понятно, роль каких СМИ – государственных, частных, партийных и т.д. – вы собираетесь анализировать. Кроме этого, мне представляется, что необходимо четко определить временные рамки исследования.

А.А. Казаков: Вопрос о наборе конкретных СМИ, материалы которых нужно анализировать для решения поставленной исследовательской задачи, я тоже считаю одним из основных. В рамках своей кандидатской диссертации я изучал специфику работы изданий, максимально приближенных к позиции действующей власти – «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». Теперь же считаю необходимым серьезно расширить эмпирическую базу. В частности, возможно, имеет смысл взять по одному-два представителя от каждого из перечисленных Вами «лагерей»: государства, партий и общества. Что же касается хронологических рамок исследования, то пока этот вопрос мною окончательно не решен. Скорее всего, чтобы получить более или менее верифицируемые результаты, это должен быть период, протяженностью не менее пяти лет. Скажем, с 2012 по 2016 годы.

Д.А. Егоренков: Хотелось бы уточнить, что Вы понимаете под рассогласованностью «повесток дня». Несовпадение между информационной и общественной «повестками»?

А.А. Казаков: Не только. Между медийной и политической, между политической и публичной «повестками» и т.д. То есть между основными разновидностями «повесток дня».

Э.В. Чекмарев: Что будет выступать в качестве объекта и предмета вашего исследования?

А.А. Казаков: Объектом будут конкретные российские и американские СМИ, а предметом – их деятельность по формированию и выстраиванию «повесток дня». Хотя в дальнейшем я не исключаю возможности корректировки предмета.

Ю.А. Мартынова: Насколько я поняла, проблему «повестки дня» автор связывает со способностью СМИ ее формировать. Я думаю, что сегодня вряд ли возможно говорить о решающей роли масс медиа в этом процессе. Информации сейчас чрезвычайно много, и столь же много каналов, по которым она передается. Реальность сегодняшнего дня такова, что СМИ не могут воздействовать на массовое сознание так, как прежде. Поэтому вполне уместно говорить о наличии различных типов «повесток дня». В этой связи меня интересует вопрос о том, есть ли какие-либо закономерности в том, как СМИ структурируют разрозненное множество «повесток». Каким образом можно улучшить коммуникационные взаимодействия в обществе? И возможно ли это в принципе?

А.А. Казаков: Уважаемая Юлия Анатольевна, ответы на все сформулированные Вами вопросы я как раз и хочу получить в ходе предполагаемого научного исследования. В настоящий момент я могу лишь предполагать наличие определенных, самых общих закономерностей.

Обсуждение доклада:

Шестов Н. И.: На мой взгляд, вопрос о «повестке дня» политики – это, в сущности, еще и вопрос о системности политики, то есть о мере ее хаотичности и организованности, о степени рациональности поведения субъектов политики. Кроме того, вопрос о «повестке дня» важен также в методологическом отношении для изучения политических процессов, так как он связан с определением «точки отсчета» при анализе любого политического процесса. От этой аналитической

процедуры зависит в том числе и то, что мы будем считать «конечной точкой». Таким образом, вопрос «повестки» важен и в плане определения итогов политического взаимодействия. Из всего этого вытекает возможность поговорить о политической субъектности в совершенно ином исследовательском ракурсе. У нас есть статусная, правовая, ресурсная, функциональная и прочие стороны политической субъектности. Вместе с тем есть также субъектность тех, кто «заказывает музыку», тех, кто «под нее пляшет», и тех, кто разрабатывает алгоритмы этих «плясок», – имею в виду разного рода экспертные и научные сообщества. Получается, что есть возможность посмотреть на политическую субъектность как на нечто определяемое творческими и интеллектуальными потенциями политического процесса. На мой взгляд, с этих позиций можно было бы высказать интересные суждения о том, как сегодня идет процесс обеспечения политики идеологическими императивами при отсутствии организованной работы по их выработке, и ответить на вопрос, почему не наделенные какими-то эксклюзивными политическими ресурсами институты (СМИ, например) оказываются системообразующими элементами политики.

Вилков А. А.: Буду ориентироваться на вопросы, предложенные для обсуждения. В отношении первого тезиса. А. А. Казаков констатирует в своем докладе наиболее часто используемые в науке традиционные понятия личной, межличностной и групповой «повесток дня» и не менее традиционное деление на публичную «повестку дня» и «повестку» принятия политических решений – то есть институциональную. Главное же предложение автора доклада сводится к возможности более активного использования в политологии категории «медийная повестка дня», с помощью которой можно всесторонне исследовать самодостаточную политическую субъектность СМИ. Не подвергая сомнению возможности СМИ в формировании и ранжировании самых различных «повесток дня» (личных, групповых, партийных, региональных, субрегиональных, общенациональных и т. д.), хочу остановиться на дискуссионности самодостаточности политической субъектности СМИ, которая предложена А. А. Казаковым.

На мой взгляд, имеет место явная идеализация западной демократической системы и той свободы, которую имеют западные СМИ в реализации своих политических функций. Идеально типическое понимание политической системы просматривается даже в названии самого доклада: «Роль СМИ в устранении рассогласованности “повесток дня” в России: к постановке проблемы». Оно предполагает, что в принципе возможна согласованная «повестка дня», именно к ней и должны стремиться все субъекты политики, включая и СМИ. Главная ошибка, как представляется, состоит в том, что А. А. Казаков исходит из так называемой рациональной теории демократии и, соответственно, общественно ориентированного функционирования всех элементов демократической политической системы. На самом деле это миф даже для самых стабильных «демократических» систем, и тем более для переходных систем. А. А. Казаков выделяет в качестве оснований для политологического анализа субъектное и содержательное начало публичной и властнополитической «повесток дня», но при этом не учитывает функциональной многослойности политической деятельности данных субъектов (в том числе и СМИ). А она, в свою очередь, определяется известной амбивалентностью природы политики и, соответственно, государственной власти. Суть этой амбивалентности заключается в противоречии между общественно-публичным и частно-корпоративным ее измерениями, то есть

идеально заданные общественные функции и цели государства и отдельных субъектов политики постоянно входят в противоречие с корпоративными и эгоистическими интересами элитных и бюрократических группировок, лишь формально декларирующих свои цели от имени народа и во благо всего народа. В рамках политического менеджмента данная амбивалентность признается многими специалистами, например Д. Андерсоном.

Публично российские политики, например, ратовали за интересы всех автовладельцев в принятии Закона об обязательном страховании. Реально от продвижения данного законопроекта выиграли прежде всего страховые кампании. Монетизация льгот публично обосновывалась как демократизация социальной функции государства – реально позволила урезать 15% государственных расходов в этой области.

Расхождение между публичными заявлениями и реальными целями субъектов политики – это важнейшее обстоятельство, не позволяющее исходить из идеально-типического понимания политической системы. Другое обстоятельство связано с расхождением между декларируемыми и реальными возможностями субъектов политики и политической системы в целом. Явный популизм в нашей стране, надеюсь, изжит окончательно, но завуалированный имеет место, как и в любой стране. Неслучайно некоторые экономисты предлагают рассматривать период выборов как один из основных факторов экономической цикличности (завышенные обещания политиков в области расходов приводят к повышению дефицита бюджета, к росту долгов и иных обязательств, к росту инфляции, а затем к осложнению экономической ситуации).

По второму тезису. Как народ в рамках демократии не может управлять сам собой, так и общество не способно формулировать «повестку дня». В этом принимают участие различные институты гражданского общества, каждый из которых отражает и защищает либо интересы социальной группы, либо определенную сферу деятельности граждан. Однако главную роль в артикуляции и агрегировании общественных проблем, требующих политических решений, играют субъекты политики. Для них совокупность общественных проблем представляет главный ресурс для формулирования и публичной демонстрации своих предвыборных программ. Однако при этом важно учитывать обозначенную многослойность и противоречивость публичной и реальной функциональности субъектов политики, в том числе и СМИ. Исходить целесообразно именно из функционального понимания.

Для СМИ главная задача – привлечь к себе читателей/зрителей. Конкретные журналисты стремятся повысить свой рейтинг и заработную плату («ради красного словца не пожалеют и отца»). Для политиков главными являются имиджевые задачи и борьба за голоса избирателей. Общественные проблемы – это важнейший базовый ресурс политической борьбы: кто лучше сформулирует, предложит, «упакует» в программу, сделает более привлекательной и т. д. Для некоторых политиков процедура публичного оформления общественных проблем представляет собой главный имиджевый ресурс.

Поэтому на первый план выдвигается проблема выигрешности информационных поводов вокруг различных общественных проблем, а также проблема их ранжирования. Конкуренция вокруг процессов политизации данных социальных проблем и представляет, на мой взгляд, главную заслугу демократии как системы. Но при этом никуда не уходит противоречие между декларируемым и реальным интересом субъектов политики; между декларируемым и целесообразным; между декларируемым, целесообразным и возможным.

Результатом чаще всего является компромисс в принятии и реализации политического решения на основе нахождения баланса между декларируемым, реальным, целесообразным и возможным. Там, где этот баланс учитывает общественные интересы, – более или менее стабильная политическая система. В России такого баланса пока не сложилось.

Обращаясь к третьему тезису – мне представляется, что А. А. Казаков преувеличивает политическую субъектность СМИ как автономную и целерациональную. На самом деле политическая роль СМИ в первую очередь определяется коммерческими интересами. Общественные проблемы выступают для СМИ как источник информационных поводов для зарабатывания денег (в этом совпадение общественных интересов и интересов СМИ). Но если главные субъекты политики – бизнес-элиты – в своих непубличных стратегиях будут руководствоваться другими интересами, то они могут изменить и медийную «повестку дня».

Также и властные структуры, например, для легитимации своей внешней политики могут искусственно ранжировать информационные поводы, то есть манипулировать публичной «повесткой дня». Это характерно не только для России, но и для демократических стран. Свидетельством тому, например, могут служить двойные стандарты западных журналистов, используемых ими, с одной стороны, в отношении войны в Ливии, представляемой как война против диктатора за торжество демократии, а с другой – в замалчивании жестокого подавления с помощью наемников восстания шиитского большинства против суннитского правящего меньшинства в Бахрейне.

Поэтому вряд ли есть смысл говорить о возможностях СМИ самостоятельно «генерировать собственные “повестки”, делая достоянием общества и власти факты, до этого скрытые от всеобщего внимания». То же – о возможностях «определенным образом форматировать уже существующие “повестки”» – изменять ракурс их рассмотрения, сужать или расширять проблемное поле и т. п. Тесно с этим связана и возможность СМИ ранжировать имеющиеся «повестки».

Например, А. А. Казаков утверждает, что «любой, даже самый мелкий и сугубо индивидуальный повод может приобрести общегосударственную, а порой и международную значимость, если на него обратят внимание массмедиа».

Вопрос как раз и заключается в том, что на некоторые проблемы обращают внимание, а на некоторые – нет. Почему? Кто это решает? От кого это зависит? Ответы на эти вопросы А. А. Казаков вряд ли сможет найти, так как они лежат не в области публичной политики. В авторитарных системах здесь все понятно, но и для демократических систем свобода журналистов носит относительный характер. Авторский критический ракурс в адрес России вполне справедлив, но он в такой же степени в основе своей справедлив и для других стран, в том числе и самых демократических.

Я уже пять лет регулярно читаю материалы сайта ИНОСМИ и могу засвидетельствовать стабильное наличие необъективности и предвзятости в освещении многих российских и мировых проблем. Ничего не могу сказать о наличии цензуры и спускаемых сверху установок в их освещении но о наличии «внутренней» цензуры журналистов могу утверждать однозначно. В их основе лежат мировоззренческие и идеологические шоры, которые, в свою очередь, закладывает мощная и эффективная система социализации. Например, внедрение стереотипов о превосходстве американской системы, о необходимости вести борьбу за внедрение американских принципов и институтов во всем мире срабатывает и на журналистском уровне. Поэтому реально идет борьба за нефть и

другие ресурсы, а демократические СМИ и демократические общественные организации выступают как инструменты прикрытия и декорирования войн против диктаторов и стран-изгоев.

В отношении четвертого тезиса я считаю, что изучать эти проблемы нужно, но изначально понимая сложность данной научной задачи. Очень важно не поддаваться на манипуляционные уловки западных СМИ, ведущих активную и изошренную информационную войну против современной России на основе использования все новых и новых технологий.

Суслов Ю. П.: Рассматриваемая сегодня тема, безусловно, очень интересна. Однако я настаиваю на том, что для ее изучения необходимо взять либо внутри-, либо внешнеполитический аспект, а также выбрать конкретные хронологические рамки исследования. Иначе тема будет просто безбрежной.

Кузнецов И. И.: Данная тема мне достаточно хорошо знакома – в свое время я ею также занимался. Кроме того, мне знакома также и большая часть упреков, которые прозвучали из уст А. А. Вилкова. Хочу поддержать Александра Александровича в том, что данная тема – одна из самых актуальных и «мейнстримовых» в современной политологии. Угол зрения, предложенный А. А. Вилковым, был характерен для публикаций конца девяностых – начала двухтысячных годов. Здесь необходимо сразу определиться с тем, насколько все связанные с управлением «повестками» сюжеты есть следствие рационального и эмоционально-аффективного. При этом нужно обязательно учитывать формат СМИ.

Необходимо отметить, что теория «повестки дня» – это теория среднего уровня, которая помогает объяснить актуальное и насущное «здесь и сейчас» в масштабах региона или страны. Далее: психологи утверждают, что на стадиях перехода от одного уровня «повестки дня» к другому существенно модифицируются технологии их формирования. В этом смысле я бы порекомендовал А. А. Казакову обратить внимание на работу Э. Ноэль-Нойман «Спираль умолчания». В своем нынешнем виде обсуждаемая нами сегодня работа – это заявка на серьезное исследование, в ходе которого его автору придется ответить на целый ряд вопросов. Один из них – вопрос конкуренции в деле установления «повестки дня», и в том числе ее нормативной основы. Здесь я предлагаю обратиться к исследованию политического процесса через призму анализа ресурсов (школа неореализма, Дж. Най – концепция «мягкой силы»). Заход с этой стороны способен привести к весьма интересным выводам. Например, к тому, что «повестка» российско-американских отношений имеет ограниченное количество участников, или субъектов ее установления.

Еще один важный вопрос – соотношение публичного и непубличного в установлении «повестки дня». В частности, применительно к России и Америке публичной «повесткой», по сути, является лишь так называемая перезагрузка. Все остальное – третье позиционное кольцо, секторальная ПРО и т. д. – суть непубличная «повестка».

В целом же сформулирована очень серьезная исследовательская проблема. Уверен, что Александру Александровичу удастся ее решить.

Мартынова Ю. А.: Несмотря на то что термин «повестка дня» не является новым и используется довольно давно, очевидно, что тот круг проблем, который он покрывает, изучен еще недостаточно.

Как отметил в своей статье Александр Александрович, феномен «повестки дня» в последнее время заметно актуализировался и стал привлекать к себе все большее внимание исследователей. Из этого можно заключить, что понятие «повестки дня» характеризуется многозначностью и недостаточной проработанностью в современных политологических и социологических теориях. Материал, представленный автором, это наглядно демонстрирует.

Ключевой ролью в такой актуализации, по мнению автора, который опирается как на классиков коммуникативистики, так и на более современные исследования, следует считать воздействие СМИ на общественное сознание. Следовательно, проблеме «повестки дня» автор связывает с возможностями СМИ ее формировать. Под «формированием» повестки дня понимается акцентирование средствами массовой информации тех проблем либо аспектов проблем, которые были бы наиболее актуальны для общественного сознания в определенный момент времени.

Как мне кажется, если еще недавно можно было говорить о главенствующей роли СМИ в определении общественной «повестки дня», то с развитием информационных технологий, с появлением сети Интернет доступ к информации стал настолько широким, а самой информации стало настолько много, что чрезвычайно трудно четко выделить «повестку дня» даже в короткий отрезок времени. Сейчас люди не воспринимают СМИ как нечто, чему следует безоговорочно доверять и в соответствии с чем следует строить свои убеждения. Скорее, здесь присутствует свободный выбор: среди множества тем, обсуждаемых СМИ, какие-то захватывают внимание, а какие-то оставляют равнодушными. Несмотря на существование классификаций, разработанных разными исследователями и на которые ссылается А. А. Казаков, следует признать, что имеющиеся таксономии порой не позволяют адекватно оценить реальные «повестки дня» как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Данная проблема – многоуровневость политического пространства, фрагментарность и порой противоречивость «повесток дня» – вполне осознается автором, и задача, требующая решения, – это возможность выявить закономерности, порождающие именно такие «повестки дня» в тот или иной момент. Естественным шагом было сузить область исследования, и, видимо, поэтому, автор остановил свой выбор на сравнении «повесток дня» России и Америки. Как представляется, такое решение является вполне приемлемым, несмотря на то что эти два социума очень сильно разнятся по многим параметрам, как историческим, так и социально-политическим.

Как справедливо отметил в своей реплике профессор В. А. Труханов, рассматривая гражданское общество в России, можно сказать, что аналогов ему в современном мире, пожалуй, нет. То есть аналогии с западными нормами либерально-демократической организации просматриваются, но, с другой стороны, эти аналоговые модели демократии по результатам функционирования в целом сильно отличаются. Тем не менее если четко выработать критерии для сравнения, то, может быть, именно социальные различия помогут выявить механизмы формирования «повесток дня» с помощью СМИ. Другими словами, необходимо локализовать проблему и выработать некий список «повесток дня» – скажем, «повестки дня» внешней политики, внутренней политики и т. п., которые и подвергнуть сопоставительному анализу.

Кроме того, было бы интересно проанализировать роль самого общества в формировании «повесток дня». Очевидно, что СМИ выполняют направляющую, идеологизирующую функцию при создании общественного мнения, однако эта

функция может проявляться как с позитивной, так и с негативной стороны, то есть порой возникающая «повестка дня» становится прямой противоположностью тому, к чему призывают либо оценивают СМИ. С этой точки зрения любопытно было бы проанализировать мониторинг общественного мнения, проводимый в рамках социологических исследований.

Более частным аспектом проблемы является изучение взаимосвязи «общественной» и «институциональной» «повесток дня»: что делается властными структурами для того, чтобы институциональная повестка дня перерастала в общественную, и какие для этого используются средства?

Если существуют закономерности, с помощью которых СМИ выполняют структурирующую функцию в формировании «повесток дня», то нельзя ли с их помощью улучшить коммуникационное взаимодействие пусть даже не между разными странами, а хотя бы внутри одного общества? Другими словами, можно ли управлять потенциалом СМИ, направлять его?

Вполне возможно, что для автора будут полезны исследования, проводимые представителями смежных наук, в частности филологами, посвященные проблемам коммуникации. Так, например, можно обратиться к работе нашего коллеги по университету В. В. Дементьева (Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000. 248 с.).

Овчарова О. Г.: Обсуждаемая проблема, безусловно, сложная, интересная и актуальная. И нельзя не согласиться с Александром Александровичем в том, что и сложность, и интерес, и актуальность темы относятся как к ее теоретическому, так и к прикладному аспектам. Потому что и в том и в другом случае наблюдается очевидная неопределенность, неразрешенность вопроса, вызванная, как верно отмечает автор, разницей предпочтений и задач акторов политического процесса, которая и выражается в различных интерпретациях термина «повестка дня» и несогласованности действий при ее формировании на практике.

В таком ракурсе вопрос о том, что же считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории, вполне закономерен. И здесь, наверное, следует отталкиваться от ключевого понятия политологии – «политика». Если понимать политику как управление, упорядочение общественной жизни, то политической «повесткой дня» является артикуляция наиболее насущных проблем, от решения которых будет зависеть стабильность социальной и политической систем того или иного государства. Если рассматривать политику, к примеру, в интерпретации М. Вебера – как стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, – то «повестка дня» определяется обозначенными в определении целями. В некоторых случаях она может быть чистой риторикой или просто конъюнктурной. Иными словами, политическая (или институциональная, как в докладе) «повестка дня» будет зависеть от смысловой нагруженности, которую получает политика в зависимости от ее практических целей и их реализации.

Разновидностей «повесток дня», опять-таки нельзя не согласиться с Александром Александровичем, тоже может быть много. И это естественно в силу динамики, мобильности развития социально-политических отношений, наличия разных уровней политического управления. Если государство, его экономика, политика стабильны, социально ориентированы, то несогласования действий при решении вопросов, стоящих на «повестке дня», удастся избежать. Они решаются на основе устоявшейся системы политических действий. Иное дело в современной России, где игнорирование ключевой «повестки» – решение проблем социально-

экономической незащищенности граждан – и перманентная презентация иных «политически-значимых» вопросов вызывают представление о хаотичности деятельности власти либо же о ее бездействии и решении исключительно собственных проблем.

В силу сказанного выше с трудом можно говорить о том, что российское общество как таковое формулирует «повестку дня». В этом вопросе, возможно, следует обратиться к социологическим исследованиям. Выяснить, какие социальные группы политически более ориентированы и чьи действия в состоянии предоставлять исходный материал для дальнейшей работы СМИ (ведь значительное число россиян не интересуется политикой). При этом опять-таки надо учитывать формат непосредственно самих СМИ, их открытость либо «придворность» и подачу информации с одной точки зрения. Понятно, что в настоящее время анекдот советской эпохи о Наполеоне и советских СМИ не актуален (когда Наполеона спросили, что он думает о газете «Правда», он ответил, что, будь у него такая газета, никто и никогда бы не узнал о Ватерлоо), тем не менее центральные газеты и телевизионные каналы предоставляют информацию, в зависимости от реакции на нее, весьма дозированно, что-то бурно дискутируется и массово тиражируется, что-то вообще упоминается крайне осторожно и редко (к примеру, ситуация с бывшими руководителями «ЮКОСа» или озвучивание низкого уровня жизни большого количества россиян). В соответствии с этим же расставляются акценты и подается интерпретация событий. Хотя это может быть оправдано и такими целями, как попытка политической интеграции общества, его стабилизации. Подобная ситуация наблюдается и в других странах. (Интересно в таком контексте, как можно характеризовать свадьбу принца Уильяма (а это событие не просто было «повесткой дня», а медийной «повесткой» целого временного отрезка) – как политическую «повестку дня» или нет?)

Говоря о роли СМИ в процессах, связанных с формированием и существованием «повесток дня» общества и власти, можно обратиться к словам Е. Б. Шестопаля, которая пишет о том, что, наверное, нет сегодня большей власти, чем власть виртуальная. Самое удивительное даже не в том, что населением сегодня управляют с помощью телевизионного пульта; сама власть верит только в то, что прочтет в свежей газете или увидит в выпуске теленовостей.

Что касается сравнения опыта США и России при изучении роли СМИ в формировании политической «повестки дня», это уместно, но, естественно, при соблюдении законов компаративистики и выявлении особенностей восприятия и политического поведения граждан этих стран, их традиций в отношении доверия к СМИ. Здесь также может быть ключевым вопрос о правовой ответственности СМИ и исполнении этой ответственности за подачу той или иной информации.

И последнее. Хотелось бы посоветовать Александру Александровичу при дальнейшей разработке этой темы обратить внимание на такие теоретические конструкции, как «индивидуализация политики» и «глобальные СМИ». Первая интерпретирует феномен влияния средств коммуникаций на политическое поведение человека на фоне современной тенденции к ослаблению зависимости поведения граждан от социально-групповых структур и политических партий (Р. Далтон). Вторая характеризует деятельность нового транснационального актора – СМИ, ориентированных на всемирную, главным образом англоязычную аудиторию, которые формируют современную «повестку дня» (М. М. Лебедева). Автор так или иначе затрагивает эти вопросы в работе, но, возможно, более глубокий анализ данных феноменов позволит решить уже стоящие на «повестке дня» его научных изысканий вопросы и найти новые.

Чекмарев Э.В.: Тема мне кажется действительно интересной. Я считаю, что более правильным и актуальным было бы сделать объектом и предметом исследования не сами СМИ, а формируемые ими «повестки дня». Формирование внятной формулировки «повестки дня» является крайне актуальным как для власти, так и для общества. На сегодняшний день имеет место эклектика и мешанина большого количества «повесток». Думаю, что выходом из сложившейся ситуации может быть помещение в фундамент общей «повестки» четырех базовых принципов: демократия, ценности, свобода и справедливость. Отталкиваясь от этих оснований, целесообразно анализировать состояние современной российской «повестки». Таким образом, повторюсь, было бы более целесообразно попытаться сформулировать конкретные «повестки дня» российской власти и общества.

Егоренков Д.А.: Если говорить о роли СМИ в демократическом обществе, то нынешняя формулировка обсуждаемого доклада представляется мне не совсем правомерной, так как там роль СМИ должна заключаться не в устранении, а в обеспечении рассогласованности. В этом плане куда более уместным мне кажется говорить о роли СМИ в устранении рассогласованности общественной «повестки дня». Таким образом, я согласен с Эдуардом Владимировичем в том, что объектом исследования должны быть не СМИ, а «повестка дня» или – во множественном числе – общественные «повестки дня». Предметом же в таком случае логично считать то, что сегодня значит в качестве темы доклада. В таком ракурсе данная научная проблема приобрела бы дополнительный интерес.

Скороходова О.С.: Многое из того, что я хотела сказать, уже сказано. Поэтому – буквально в двух словах. Полностью согласна с тем, что ничего плохого в рассогласованности «повесток дня» нет. Кто сказал, что ее не должно быть? С этой точки зрения, мне представляется, что автор не совсем методологически четко определил для себя то, что он вкладывает в понятие «повестки дня». Насколько я понимаю, традиционно данное понятие вписывается в рамки политического управления. Т.е. формирование «повестки дня» – это процесс управляемый. С этих позиций вызывает определенные вопросы необходимость рассмотрения личностной и межличностной «повесток». Также меня несколько смутил выбор стран, опыт которых предполагается исследовать: можно ли сравнивать страны с различными типами политических режимов? Дело в том, что в России «повестка дня», на мой взгляд, имеет во многом фасадный характер. В Америке же, что-то мне подсказывает, в формирование «повестки дня» вкладывается несколько иной функционал. Американцы имеют довольно четкую внешнеполитическую стратегию, которая была сформирована лет сто назад, а у России с момента распада Советского Союза такой стратегии нет. Поэтому вызывает сомнения попытка сравнить вещи, не совсем между собой сравниваемые. В целом же, я надеюсь, что Александр Александрович ответит на все мои вопросы уже в тексте своего диссертационного исследования.

Сергеев С.Г.: По поводу названия. Возможно, имеет смысл переформулировать его таким образом: «Роль СМИ в установлении рассогласованности «повесток дня». Кто знает, может они действительно не устраняют, а устанавливают ее. Большие сомнения вызывает также тезис и о том, что рассогласованность «повесток дня» – это плохо. Может быть, лучше взять сферу российско-американских отношений и проанализировать роль СМИ в

формировании их «повестки дня»? Если же брать одновременно и внутри-, и внешнеполитические аспекты, то это будет просто неподъемная задача. Тем более, что «повестка дня» – вещь очень гибкая и подвижная. Вопросы вызывает также и оправданность рассмотрения СМИ как единого политического субъекта: между собой они внутренне неоднородны. В целом, мне кажется, что тему лучше сформулировать более обобщенно, например «СМИ в управлении «повестками дня» или «Роль российских и американских СМИ в управлении «повестками дня» российско-американских отношений». Кроме того, представляется уместным в первую очередь оперировать понятием именно политической или публичной «повестки дня».

Санжаревский И. И.: Говоря об актуальности повестки дня семинара, отмечу, что газета «Взгляд» словосочетание «повестка дня» выделила в качестве «любимого словосочетания всего российского экспертного сообщества» (Кашин О. Повестка дня// Взгляд. Деловая газета от 17.10.2006 URL: <http://vz.ru/columns/2006/10/17/53191.html> (дата обращения 01.06.2011)), в котором существенную роль играют СМИ, с одной стороны, как средства коммуникации, с другой, как коллективные (редакции) и индивидуальные акторы (журналисты). Вполне естественно коллективный актор акцентирует внимание на свойствах, отражающих коммуникативную составляющую явления: публичное «извещение с вызовом, приглашением» к обсуждению, которое можно зафиксировать с помощью средств коммуникации и в дальнейшем тиражировать в СМИ (См.: Словарь бизнеса// Сайт газеты «Ведомости». URL: <http://www.vedomosti.ru/glossary/повестка> (дата обращения 01.06.2011)), индивидуальный – на содержательной стороне, на перечне вопросов, подлежащих обсуждению. Отсюда извечная проблема формирования повестки дня в СМИ, определяемая противоречиями между ролью «независимого посредника» (технологическая роль коммуникатора) и социально-политическим позиционированием.

Общественно-политическая коммуникация будучи объективной всегда субъектна. Повестка дня, складываясь социально-экономически, наряду со СМИ формируется субъектами политики, экономики, духовной и идеологической сфер, сфер науки, образования, обслуживания и т.д. Поэтому другим, системообразующим атрибутом «повестки дня», на мой взгляд, является наличие или отсутствие проблемы, определяемое самим субъектом коммуникации. Данный подход хорошо иллюстрируется с позиций теорий конфликтного управления.

Общественно-политическая, социально-экономическая потребность всегда связана с конкретным событием, которое становится «темой дня». Анализ механизмов процесса коммуникационного перехода «темы дня» в «повестку дня», когда тема может сформулировать самостоятельную повестку или стать составной частью уже существующей, является важнейшей научно-практической предпосылкой политологического понимания этой категории.

Другой важнейший этап политологического анализа процессов трансформации коммуникации в политическую сферу тесно связан с пропорциями количественно-качественного перехода от точки зрения (темы дня) к мнению (повестке дня) и от них к волеизъявлению и правовому оформлению. Политические механизмы перехода «мнения» в «волю», последующая (или нет) институализация раскрывают не только действенность, но и направленность существующих демократии.

Таким образом, для ответа на вопрос, «Что считать «повесткой дня» в политологическом понимании этой категории?» представляется методологически продуктивным использование методологии объективизма и методологии институционального и субъектного подходов в политической науке.

Барышков В.П.: Прежде всего, хотел бы отметить, что сегодняшнее обсуждение прошло в удивительно продуктивной форме. На мой взгляд, необходимо углубить семантику самой «повестки» как таковой. Ведь что такое повестка? Известие, вызов, извещение, приглашение. День же – это сегодня. Стало быть, «повестка дня» – это извещение о сейчас. В этом семантическом плане СМИ, безусловно, формируют эту самую «повестку» – они извещают о сейчас происходящем. Лично мне представляется логичным исследование роли СМИ именно в данном контексте. «Повестка дня» предполагает, что это процедурный, кабинетный, технический аспект политики. Именно составление «повестки дня» стало для И.В. Сталина трамплином в его политической карьере.

Бормотов В.Е.: Мне не совсем понятен смысл, который автор вкладывает в понятие рассогласованности. Положительное это явление или отрицательное? На мой взгляд, скорее, положительное. Что было бы, если бы ее не было? Получается, что во всех без исключения СМИ писалось бы одно и то же. В этой связи, возможно, имеет смысл обозначить некоторые точки, в которых рассогласованные «повестки» должны пересекаться. Кроме того, я считаю, что существует реальная «повестка дня» – то, что действительно интересует людей, и выявить ее весьма сложно. Помимо нее, существует также и политическая «повестка», формирование которой является уделом профессиональных ньюсмейкеров от политики. Однако зачастую происходит так, что СМИ выражают мнение кого угодно, только не общества.

Некрасов А.В.: Лично мне представляется, что СМИ участвуют в процессе формирования внутривнутриполитической «повестки дня» в минимальной степени. Скорее, они выступают трансляторами того, что уже существует, внося туда лишь определенные ситуативные изменения. Поэтому я предлагаю несколько изменить ракурс рассмотрения данной проблемы на «Роль СМИ в формировании внешнеполитической «повестки дня».

Богданов А. В.: Следует сказать, что данная тема очень актуальна и необычна в плане ракурса и постановки рассматриваемой проблемы. На мой взгляд, заявленная тема дает возможность, используя оригинальный (новый, иной) подход через «повестку дня», рассмотреть и проанализировать взаимоотношения государства и СМИ, СМИ и общества, общества и государства через СМИ.

Отвечая на первый блок вопросов, хотелось бы отметить, что в докладе А. А. Казакова даются определения «повестки дня», сформулированные не только зарубежными авторами, но и отечественными исследователями. Соглашаясь с приведенными в выступлении определениями, необходимо, на мой взгляд, обратить внимание на понимание «повестки дня», на основные характеристики, ее компоненты, которые в своих работах выделяет известный российский политолог Глеб Олегович Павловский. Павловский пишет о том, что «повестка дня» – это в определенной степени «устойчивая система приоритетов», «система центральных тем» и, что немаловажно, «система ожиданий общества и его ориентация в текущем процессе». То есть это в любом случае процесс, характеризующийся

обратной связью, без нее это уже не «повестка дня», а формально оглашенный план мероприятий государства, не отражающий действительных чаяний населения, а значит, исключающий возможность участия гражданского общества в делах государства.

Касаясь вопроса о разновидностях «повесток дня», на мой взгляд, целесообразно выделять внутреннюю и внешнюю «повестки дня». Если в основу деления положить принцип обратной связи, то можно выделить государственную и общественную «повестки дня».

Переходя ко второму и третьему блоку вопросов, я соглашусь с автором доклада в том, что отечественные СМИ контролируются государством, «повестка дня» им навязывается властной элитой, от которой СМИ зависят как экономически, так и политически. Но тогда возникает такой вопрос: если дать СМИ свободу, будут ли они в силу своей природы структурировать политические события в объективном ракурсе, не поддаваясь при этом воздействию эффектов «шоу» и «толпы»?

Ведь само общество «хватает» чужую, не свою «повестку дня». На самом деле обществу предлагается примерно 7 тем, плюс-минус две в зависимости от конъюнктурного политического процесса. При этом потребители, граждане как свободные люди самостоятельно формируют свое мнение и отношение, но именно к тем темам, фактам и событиям, которые вошли в «повестку дня». Таким образом, обществу уже заранее навязывается определенный вектор рассуждений по спланированным и тщательно подобранным темам, при этом не ущемляя права граждан в их «свободном выборе».

Поэтому нужно, чтобы контроль СМИ был не только и не столько государственным, но также и общественным, гражданским. Возможно, необходимо создать общественные структуры, так называемые независимые союзы (комитеты) общественно-политической «повестки дня», которые будут осуществлять мониторинг политических, и в том числе глянцевого, таблоидных, СМИ путем анализа опроса общественного мнения не только в регионах, но и на местах. Естественно, в эти организации могут приходить граждане и оставлять свои заявления на рассмотрение. Таким образом можно осуществлять и морально-нравственное, гражданское воспитание молодежи. При этом данные организации будут аккумулировать, агрегировать интересы общества, оформлять их, в свою очередь, в виде «повестки дня» и передавать в соответствующие государственные структуры.

Отвечая на четвертый блок вопросов, мне представляется, что исследовать роль СМИ в формировании «повестки дня» можно и применительно к опыту других стран, и применительно к своему историческому прошлому. При этом следует также осуществлять сравнение способов формирования «повестки дня» в глянцевого, таблоидных изданиях с государственными, оппозиционными изданиями, печатных – с электронными. В ходе такого анализа можно будет выявить ключевые моменты, механизмы формирования, а главное, причину, почему глянцевые и таблоидные издания популярнее новостных политических журналов. И, скорее всего, обнаружится, что немало зависит от формы подачи, в том числе от визуализации главных тем «повестки дня».

Заключительное слово

Казаков А.А.: Уважаемые коллеги! Я очень признателен вам за то, с каким интересом вы обсуждали подготовленный мной доклад. Ваши выступления и реплики дали мне очень много пищи для размышлений. Уверен, что на ее обработку мне понадобится не одна неделя. Теперь – несколько слов о наиболее часто встречающихся сегодня замечаниях.

Что касается рассогласованности «повесток дня», то, наверное, это моя недоработка, что я не совсем понятно и доходчиво объяснил смысл, который вкладываю в это. Разумеется, как и вы, я не являюсь сторонником того, чтобы «повестка» была одна. Говоря о рассогласованности, я имел в виду то, что эти «повестки» друг другу полностью противоречат или когда на публику говорится одно, а в реальности делается совершенно другое. Если хотите, это сродни тому, когда музыканты оркестра играют по разным нотам – каждый свое.

Согласен с вами в том, что в представленном докладе присутствует элемент идеализации. Естественно, изучать я намерен не теорию, а то, как есть на самом деле. Однако считаю, что при этом неплохо было бы держать в голове и то, как должно быть в идеале.

Наконец, по вопросу о масштабе исследования. Соглашусь с вами, что вряд ли стоит брать одновременно и внутреннюю, и внешнюю политики. Скорее, имеет смысл сконцентрировать внимание на каком-то более локальном сюжете.

Еще раз благодарю вас за участие в работе сегодняшнего семинара. Все ваши замечания и рекомендации я обязательно постараюсь учесть в своей дальнейшей научной работе.

Шестов Н.И.: Как человек, имевший некоторое отношение к формированию повестки сегодняшнего заседания, я ощущаю некоторую рассогласованность на уровне личного сознания. В науке есть уже достаточно устоявшиеся подходы. Суть одного из них огрубленно можно сформулировать так: «СМИ – это «четвертая власть». Противостоит данному подходу представление о том, что «СМИ – это ничто». А не лучше ли, вообще, при анализе ситуации исходить просто из факта наличия СМИ? Они есть. Не хорошие и не плохие, но деваться от них все равно некуда. Поэтому и изучать их нужно лишь потому, что они есть. Может, здесь попахивает каким-то научным ревизионизмом, но почему нет? С позиций выделения объекта и предмета анализа, на мой взгляд, возможны два подхода: статический и динамический. И именно то, на какую позицию встанет Александр Александрович, и будет определять структуру его аналитической работы. Статика предполагает изучение вполне конкретной «повестки дня» с выделением точки отсчета ее формирования, основных этапов, конечного результата и последующим доказательством объективности полученных выводов. Более продуктивным мне представляется динамический подход, предполагающий рассмотрение «повестки» как постоянно развивающегося за счет создания новых уровней, информационных каналов и т.п. процесса. Здесь можно будет сосредоточить внимание на проблемах устойчивости и неустойчивости «повестки дня», на механизмах повышения и понижения ее актуальности.

Вполне возможно, было бы очень интересно с ревизионистских концепций проанализировать распространенные сегодня концепции информационного общества – создав авторскую теорию среднего уровня, охарактеризовать информационное общество не как внешний контекст происходящих сегодня

политических процессов, а как некий сформированный усилиями общества, элит и СМИ один из механизмов внутренней саморегуляции общественных отношений.

Наконец, в отношении реплики Александра Алексеевича о возможности рассмотрения СМИ в качестве самодостаточного объекта исследования. Мне кажется, что делать это можно. Информация, которую актуализируют СМИ, обладает определенной потребительской стоимостью. То, что медиа не так активно реагируют на запросы общества, может быть связано с тем, что здесь у них есть достаточно серьезные конкуренты в лице других каналов коммуникационного взаимодействия.

Институты и функциональные особенности гражданского общества в СССР-РФ

Institutions and Functional Features of Civil Society in the USSR and Russia

Барашков Григорий Михайлович

кандидат политических наук, доцент

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, кафедра политических наук

Barashkov Gregory M.

Doctorate of Political Sciences, Associate Professor

National Research Saratov State University. NG Chernyshevsky,

Cathedra of Political Science

Тел./ tel. +79172047755

E-mail: eternity65@yandex.ru

УДК 32.01

ББК 66.2

Б 24

В статье рассматривается становление институтов гражданского общества в СССР – Российской Федерации, их специфика, функциональная особенность, и влияние на политические процессы исследуемого периода.

Ключевые слова: *гражданское общество, российский опыт демократизации, институты гражданского общества, российская специфика гражданского общества, особенности функционирования гражданского общества в России.*

Development of civil society institutions in the USSR and Russia, their peculiarities, functional features and impact on political processes of the investigated time period are considered in this article.

Key words: *civil society, Russian experience of democratization, institutions of civil society, Russian peculiarities of civil society, functional features of civil society in Russia.*

Условия зарождения гражданского общества в России отличались от аналогичных процессов на Западе. На формирование гражданского общества в России, на ее культурно-цивилизационное многообразие влияли следующие факторы.

Во-первых, большие географические пространства, экстенсивный способ их освоения в неблагоприятных климатических и природных условиях предопределили низкий уровень цивилизованности и социокультурного мироустройства¹. Во-вторых, социальная эволюция осуществлялась по принципу «сильное государство – слабое общество», общество оказалось не в состоянии

¹ Соловьев В.Н. Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18.

ограничить политическую власть. Доминантной формой социальной организации стала государственность, что изначально формировало соответствующее нормативно-ценностное пространство. В-третьих, это наличие института «власть – собственность», когда власть над людьми сочетается с властью над собственностью, что сближало Россию с восточным социально-политическим устройством. В четвертых, это неразвитая городская культура и неоформленный городской образ жизни, соответственно, большой удельный вес субкультуры простолюдинов, то есть людей, лишенных индивидуально-субъективного начала, не способных и не желающих отвечать на вызов меняющихся обстоятельств. Их отличительный признак – неприятие таких проявлений личности, как свобода, достоинство, собственность². В пятых, неразвитость рынка в условиях господства крестьянской общины и подавляющей доли крестьян в составе населения и, соответственно, недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства. Даже с отменой крепостного права при несомненном оживлении хозяйственной жизни община продолжала сковывать инициативу подавляющего большинства населения.

Эти российские особенности следует сопоставлять с цивилизационными и упущенными альтернативами, в том числе с возможностями формирования гражданского общества. На наш взгляд, эти возможности относились в большей степени к XX веку, чем веку XIX, в котором был проделан путь, вполне адекватный ситуации пореформенной России. А уже с 17 октября 1905 года появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией, но эта альтернатива не реализовалась. Реформы П.А. Столыпина заложили возможность «размывания» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было реализоваться в полной мере.

После Октябрьской революции в политической сфере стала доминировать большевистская партия, а затем советское государство во всех сферах общественного бытия. Этатизм и идея классовой борьбы вытеснили идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод нанесли ощутимый удар по идее гражданского общества.

Отдельные авторы считают, что даже в тоталитарных и авторитарных государствах существует гражданское общество особого типа, или протогражданское общество³. Я. Пляйс, например полагает, что тоталитарные и авторитарные режимы создавали различные общественные организации неполитического характера, которые их обслуживали, но одновременно служили и своим членам, то есть интересам определенной части общества. Далее он отмечает, что «основная функция структур, создаваемых по воле...всесильного... государства – служение этому государству, в то время как служение людям стоит на втором плане. При зрелом гражданском обществе все как раз наоборот. Эта разница весьма существенная, но все же не принципиальная»⁴.

Вместе с тем, советский режим не был однородным, он эволюционировал в сторону демократизации и либерализации, что давало возможность проявлениям гражданской самоорганизации. Если анализировать доперестроечный период, то мы можем констатировать, что свободные ассоциации граждан полностью подавлялись правящей коммунистической партией, в частности с помощью

² Там же. С. 19.

³ См.: Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества //Обозреватель. 2007. №5. С. 72.

⁴ Там же.

использования института неуставных партийных организаций, создававшихся во всех общественных структурах того времени – от Советов депутатов трудящихся всех уровней до добровольных обществ различной направленности, и государством, чьи репрессивные органы были использованы коммунистической партией.

Однако государство, так же как и коммунистическая партия в советской политической мысли представлялось как выразитель общих интересов и гражданского общества, чьи организации представлялись выразителями частных интересов. Гражданское общество было жестко структурировано. Политические движения практически не существовали, политическая партия была единственной партией, в отличие даже от близких по сути европейских стран социализма. Общественные организации существовали и были зарегистрированы в органах юстиции, но не могли влиять на политическую жизнь страны. Только в период перестройки они при первых альтернативных выборах народных депутатов СССР (1989 г.) и РСФСР (1990 г.) получили возможность избрать половину всего депутатского корпуса.

Исходной для будущих радикальных участников организаций гражданского общества стала психология «винтиков», вписанных в иерархию отношений административно-командной управленческой структуры и отражавших согласие с действительностью. Эта психология существенно влияла на правосознание и поведение людей, обеспечивала всевластие партийных и советских структур, которое воплощалось в господстве внеэкономических методов принуждения, стимулирования и поощрения. Традиция поклонения перед властью (часто персонифицированной) дополнялась страхом перед потенциальными репрессиями (плохая характеристика, ограничения в продвижении по службе и т. п.). Коллективистская компонента системы образования подавляла личностную, индивидуалистскую, приводя к трансформации межличностных отношений в рамках общности. Коллективная ориентация на уравнительность как цель общества приводила к личной политической подчиненности. Конституционно-правовая ориентация граждан (преамбула Конституции СССР 1977 г.) на строительство коммунизма, а также личное участие в массовых ритуальных формах поддержки властей (например, в Первомайской или Ноябрьской демонстрациях, в собраниях трудового коллектива) вследствие принятия лозунгов или ради самосохранения (санкции за неучастие для членов партии выражались в виде критики на партсобрании или даже в партийном выговоре, для беспартийных — в публичном осуждении или даже отражении в характеристике) существенно дополняли негативные факторы становления гражданского общества⁵.

Изменениям в массовом правосознании предшествовали условия «оттепели» хрущевского периода. После развенчания культа личности и массовой реабилитации жертв сталинских репрессий внесудебные формы преследования политических и идеологических оппонентов ушли в прошлое, были отменены политические и идеологические статьи законодательства. Однако борьба с инакомыслием и инакомыслящими продолжалась.

Инакомыслие не могло преодолеть барьеры, установленные правящей партией. Сохранялась система образования, стандарты которой базировались на марксистско-ленинской (причем в ортодоксальном виде, резко отличавшемся от позиций зарубежных марксистов) платформе. Книгоиздательство подвергалось

⁵ Гозман Л.Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений // Вопросы психологии. 1988. №6. С. 5-14.

жесткой селекции и цензуре. Средства массовой информации полностью подчинялись политике партии. Возможности литературы, драматургии и кинематографии определялись и ограничивались социально-идеологическим «заказом». Исключение составлял «эзопов язык», понятный только «посвященным».

Инакомыслящие же получили некоторые « послабления » в виде более разнообразного « букета » санкций и их оснований, которыми становились только действия. Действия по созданию организации инакомыслящих могли получать правовую оценку суда и санкции КГБ. Нелегальные издания («самиздат») могли повлечь за собой уничтожение тиража, штраф, увольнение с работы и т.п. Пересылка текстов для издания за границу в зависимости от значимости нарушителей могла закончиться либо публичным осуждением (Б. Пастернак), либо преследованием и часто высылкой за границу и лишением гражданства (И. Бродский, А. Солженицын, А. Синявский). Несанкционированные митинги в сочетании с другими действиями могли приводить к санкциям, определенным судом, либо к принудительному лечению⁶.

Вместе с тем уже само возникновение и существование диссидентских движений означало как наличие иных условий, так и сдвиги в массовом правосознании и психологии, воплотившиеся в деятельности пока еще очень ограниченной части интеллигенции.

Как мы можем предположить, период « стабильности » в брежневском руководстве не был лишен элементов сложной борьбы внутри партии и в обществе. Но особенного внимания заслуживают взаимоотношения между режимом, становящимся на все более консервативные политические и идеологические позиции, и общественными силами, противящимися консервативному повороту. Эти взаимоотношения происходили вне официальных политических или культурных систем и механизмов, и получивших позднее различные определения – движение диссидентов, движение инакомыслящих, движение за права человека и тому подобное⁷. Отметим, что движение диссидентов не было однородным образованием, а представляло собой течения разнообразной идеологической направленности. Отсутствие политических организаций не означало отсутствия политических дискуссий. Современные исследователи выделяют следующие направления между представителями трех взглядов, оформлявшихся вместе с диссидентским движением:

1. Направление, возлагающее надежды на духовное возрождение русского народа, связанное с религиозным возрождением (А.Солженицын). Он критикует демократическую форму правления, считая, что она бессильна перед лицом тоталитаризма; несправедлива и случайна, поскольку заменяет общее согласие законом математического большинства; бессодержательна, так как лишена всякого трансцендентного начала. А.Солженицын предлагает медленный плавный спуск через авторитарную систему.

В общественных отношениях позиция А.Солженицына – « Неучастие во лжи », изложена им в обращении к интеллигенции, молодежи, соотечественникам: « Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи

⁶ См., Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001.

⁷ Береснева О. Н. Диссидентское движение как явление общественно-политической жизни СССР в 1960-1980 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов.2001.С.44.

(для каждого она еще по-разному видна), - отступить от этой гангреной границы!»⁸

2. Направление, представителем которого являлся А.Д.Сахаров, с «теорией конвергенции», то есть сближения двух противоположных политических систем в вопросах экономики, политики, идеологии, и теряющих в этом процессе свои отрицательные стороны. Это направление выступало за нравственное начало в политике, подготавливающее в сознании людей основы демократических, плюралистических преобразований в стране.

3. Направление сторонников взглядов историка Р.Медведева. Он полагал, что положение в стране может быть «изменено марксистами не dogматического толка, способными создать новый облик социализма»⁹.

Несмотря на то, что эти направления инакомыслия жестко конкурировали между собой за право влиять на общество и власть, они применяли одинаковые формы выражения своих позиций – самиздат и открытые обращения к лидерам советского государства¹⁰.

Вместе с тем, в движении протеста отмечались определенные изменения: вера в социализм, характерная для 50-х - начала 70-х годов, «социализм с человеческим лицом», на изменения в политической системе путем ее десталинизации, уступает место борьбе за права человека, которая становится центральной темой политического протеста. На место веры в социализм приходят требования соблюдения законов, изменения отечественного законодательства путем его приближения к международным юридическим стандартам, замену социалистической демократии, демократией западного типа.

Применение методов протеста, апеллирующих к мировому общественному мнению, создали то, что стало называться «диссидентским движением». «Комитет защиты прав человека», основанный в 1970 году А.Д.Сахаровым, В.Н.Чалидзе, А.Н.Твердохлебовым, в 1973 году - русская секция «Международной амнистии» во главе с В.Ф.Турчиным, - явились по сути «первой, открытой диссидентской группой»¹¹.

Важнейшим событием для диссидентского движения стало подписание в августе 1975 года Советским Союзом Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе¹². Заключительный акт конференции состоял из соглашений, касавшихся трех проблем:

1. проблема политическая. Были подтверждены нерушимость послевоенных границ и территориальная целостность государств, а также признавалась нерушимой зона реального социализма в Европе;

2. проблема экономическая. Состоялись соглашения о расширении экономических связей, которые включали в себя оказание Западом экономической помощи СССР и странам народной демократии в модернизации производства.

3. проблема гуманитарная. Запад выражал надежду, что СССР и другие страны народной демократии ослабят «железный занавес», будут соблюдаться

⁸ Солженицын А.И. Жить не по лжи! //Век XX и мир. 1989.№2.С.23.

⁹ Генер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х т. Т. 2. М.1996. С.268.

¹⁰ См.:Русина Ю.А. Самиздат или форма проявления инакомыслия в 1960 – 1980 –е гг. //Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80- летию сборника «Смена вех», 1-2 июня 2001 года. Екатеринбург. 2001. С.188.

¹¹ Кузьмин В.Н. От правозащитного движения к многопартийности в России. (1965-1996 гг.) Кемерово. 1997.С.42.

¹² Генер М., Некрич А. История России.1917-1995. В 4-х т. Т.2.М.1996. С.231.

права человека, определенные политические свободы, как и тот факт, что контроль за соблюдением этих прав интернационализируется и перестанет быть вопросом только внутренней политики.

Массовое правосознание, предшествовавшее переходному периоду, условно — с начала перестройки, которое обычно отсчитывают с апрельского 1985 года Пленума ЦК КПСС, где М. С. Горбачев выступил с концепцией ускорения научно-технического прогресса, хотя, перестройка реально началась позже, с январского (1987 г.) Пленума ЦК, посвященного демократизации общества, еще не было готово к радикальным переменам¹³.

«Мостик», который можно перекинуть от проблемы радикализма к проблеме гражданского общества, появляется в период позднего перестроечного процесса, когда начали создаваться организации, которые ранее не существовали. Демократизация первоначально предполагала развитие событий, по крайней мере, по трем направлениям. Первое — это выборы на предприятиях руководителей среднего и высшего звеньев. Позитивная идея не дала ожидаемых результатов — менталитет рабочих-выборщиков формировался в других условиях, имевших место в 1970—1980-е гг., когда ценность руководителя была не в рациональности и эффективности — результаты все равно нивелировались всей системой морального и материального поощрения, а в его покладистости и примирительном отношении к довольно частым нарушениям трудовой дисциплины.

Вторым направлением демократизации стала гласность, которая, несмотря на негативные латентные последствия, была шагом вперед. Гласность подталкивала к переоценке пути, который прошла наша страна, начиная от периода революции и Гражданской войны. Появились новые оценки экономической и социальной жизни, решения национальных проблем. В острой постановке прозвучал вопрос о доверии к компартии, допустившей столь масштабные репрессии; об ошибках, которые были допущены и продолжали допускаться, ухудшая экономическое положение основной массы населения. Это недоверие и переоценка исторического пути стали основаниями для формирования нового правосознания и создания целого ряда радикальных движений переходного периода¹⁴. Гласность создала возможность знакомства с наследием эмигрантов первой волны и с их оценкой Октября, Гражданской войны, Белого движения, затем последующей межвоенной эмиграции, в которую входили представители большевистской верхушки, в чем-то несогласные со сталинским руководством — это троцкистское партийное крыло и отдельные противники централизации власти в руках Сталина и других проявлений авторитаризма вождя. Их мало, но их имена, воспоминания, оценки начинали наполнять научные и популярные издания. Эмиграция послевоенного периода — это еще недавние диссиденты, чьи суждения были ценны тем, что они не были отдалены временем и их суждения могли разделяться современниками. Возвращались имена и содержание идей репрессированных соотечественников как политической элиты, так и деятелей культуры, идеологических оппонентов большевизма.

Гласность — это направление, которое давало возможность свободно оценивать то, что происходило на глазах: состояние режима, связей, номенклатурных отношений, административно-командной системы, просчеты, имевшие структурный характер и отдельные случайные негативные проявления.

¹³ См., например, Маслова А.Г., Маслова А.О. От социального конформизма к политическому участию // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. №2.

¹⁴ Грушин Б. А. Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 30—47.

Все это выплескивалось в виде критических материалов в СМИ: в общественно-публицистической периодике, читавшейся широким кругом населения. В «толстых» журналах — достоянии интеллигенции, появился ряд «властителей дум», умело использовавших ситуацию и свой талант «быстрого пера». Было много недостоверного, надуманного, заложенного в комментарии к реальным фактам и событиям, но все это создавало определенный фон, при котором для власти уже было затруднительно вернуться назад, «закрутить гайки».

Третье направление демократизации состояло в возможности подготовки и проведения альтернативных выборов. Но поскольку КПСС оставалась единственной партией вплоть до середины 1990 г., то альтернативность возникала за счет создания различных движений. Так, первые объединения избирателей 1989—1990 гг., получившие право выдвижения своих кандидатов в противовес кандидатам «блока коммунистов и беспартийных», появились на базе дискуссионных клубов в поддержку перестройки в крупнейших городах страны. Как и предполагали классики социальной психологии (Г. Лебон, К. Юнг, С. Московичи¹⁵), в условиях господства мифов и иллюзий можно было усмотреть и элементы организации и толпы. Организации формировались в движения, а затем — в партии.

На примере опыта ряда крупных городов, можно первыми по времени появления считать правозащитные движения, потом движения в защиту памятников культуры, а в республиках — движения в защиту национальной культуры (как правило, титульного этноса). Эти движения при заметных различиях в целях были едины в одном — они отражали радикальные настроения населения в отношении норм и традиций советского времени. Самым парадоксальным образом установка на уравнительность обрела консервативный оттенок. Напротив, либеральные иллюзии (например, конкурс вместо номенклатуры) в сочетании с демократическими ожиданиями стали укрепляться в массовом сознании как элементы правовых установок¹⁶.

Политическая социализация в сочетании с появившимися новыми политическими институтами явно опережала экономические преобразования и формирование правовых установок. Прямым результатом такого процесса стало поражение правящей партии и разрушение политической системы под ударами радикальных движений гражданского общества. Косвенными результатами стали криминогенные условия жизни постсоветского общества и рост преступности.

Эрозия коммунистических режимов в конце 80—90-х годов уходящего XX в. привела к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних — это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других — признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу во всех странах либеральной демократии или движущихся в ее направлении.

Ситуацию в странах Центральной и Восточной Европы, с точки зрения идеи гражданского общества наиболее полно выразил Е. Шацкий. По его мнению, отрицание коммунизма и поиск альтернативной позиции явились естественным

¹⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. М., 1996; Московичи С. Век толпы. М., 1997.

¹⁶ Лопушанский И.И. Политическая жизнь Санкт-Петербурга. 1703 – 2003. СПб. 2003. С. 53 – 60.

источником симпатий к либерализму, который в странах реального социализма появился сначала как своего рода коммунизм наоборот, иначе говоря, как своеобразный свод принципов, противоположных официальной идеологии и бывших, по сути дела, негативами коммунистических реалий. Свобода понималась как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, права человека и гражданина как противоположность господствующему этатизму, рынок как противоположность плановой экономике и так далее¹⁷. Ключевыми в оппозиционных ценностях были две идеи - автономия личности и гражданское общество.

Интерпретация идеи автономии личности была связана не с оппозицией личности к обществу, а с оппозицией личности к государству, поскольку считалось, что в условиях социализма индивид подвергается нажиму в первую очередь со стороны государства. Поэтому индивид стремился найти поддержку в обществе, которое, по его мнению, также находилось в оппозиции к государству. Но этот подход весьма серьезно отличался от западного понимания свободы личности, где ее уверенно связывали последние сто лет с расширением частной, приватной сферы¹⁸.

Обращение к идее гражданского общества также было вполне естественным, поскольку либерализм основывается на различении государства и общества, различении, которое и отражает большинство современных концепций гражданского общества. По мнению Е. Шацкого, понятие гражданского общества далеко не случайно стало главным оппозиционным лозунгом и приобрело популярность именно в 80-е года XX века, когда оно распространилось под самыми разными названиями: «независимая культура», «параллельные структуры», «альтернативное общество» и другое.

Таким образом, понятие гражданского общества было введено в обращение как само собой разумеющееся, и им стали пользоваться, по мнению Е. Шацкого, как определением не то цели, к которой следовало стремиться, не то наиболее ощутимых результатов оппозиционной деятельности, не то любых, сохранивших независимость от государства отношений и структур. Иногда подчеркивалось, что пока коммунисты находятся у власти, «гражданское общество неизбежно обречено оставаться реальностью для меньшинства, иногда проявлялась тенденция к отождествлению его с обществом как таковым...»¹⁹.

Данная смысловая неоднозначность была связана с использованием понятия прежде всего в пропагандистских, а не аналитических целях. Это имело своим следствием значительную неопределенность термина, что проявлялось в отсутствии четкой границы между описательным и нормативным аспектами. В конечном итоге, как пишет Е. Шацкий, понятие гражданского общества, получившее признание в Восточной Европе, опиралось на какие-либо классические теории либерализма только в той их части, в которой слово «civil», в отличие от своего первоначального значения, получает принципиально «общественное» содержание и перестает быть синонимом слова «political». То есть в данном случае речь идет не только о различении гражданского общества и государства, но и о весьма решительном их противопоставлении²⁰. И более того, «идея гражданского общества появилась в Восточной Европе прежде всего как идея антигосударственная», и в этом ее принципиальное отличие от западной ситуации,

¹⁷ См.: Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5. С.69.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Шацкий Е. Указ. соч. С. 83.

²⁰ См. там же. С. 84.

где возврат к идее гражданского общества также имел антиэтатический характер, но не включал в себя восприятие государства как по сути своей враждебное и чуждое обществу. По мнению Е. Шацкого, без понятия «оппозиция» такого рода обществу вообще невозможно дать определение, поскольку мерой его развития является степень выраженности и многогранности этой оппозиции²¹.

Таким образом, теоретические представления, которые получили распространение в бывших социалистических странах, имели принципиальные особенности, касающиеся понимания самой сущности гражданского общества, его взаимодействия с государством и тем самым серьезно отличались от западноевропейских концепций гражданского общества. Противопоставление гражданского общества и государства основывалось на вытекающем из теории тоталитаризма убеждении, что социалистическое государство проникает во все сферы жизни и тем самым уничтожает гражданское общество, а поэтому борьба за возрождение гражданского общества является борьбой с тоталитаризмом.

В конечном итоге все это оформилось как принципиальные различия между западно - и восточноевропейскими идеями гражданского общества. Во-первых, еще до появления концепции гражданского общества на Западе произошла Реформация, которая привила индивидам «контрольные механизмы» и сформировала основу эмансипации личности. Во-вторых, на Западе гражданское общество, по мнению большинства специалистов, было уже в течение нескольких веков некоей данностью, естественной средой социального взаимодействия. В Восточной Европе гражданское общество появилось как идеологическая конструкция, в которой речь шла о создании нового морального и общественного порядка, но экономическая база которого тем не менее оставалась в высшей степени туманной. Поэтому можно говорить о причинах ограниченности идеи гражданского общества в этом регионе, которых, по мнению Е. Шацкого, было три: во-первых, недопонимание характера отношений между гражданским обществом и государством; во-вторых, недостаточное развитие взглядов на экономическую базу гражданского общества; в-третьих, чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, а также весьма условные представления по проблемам представительства и согласования разнородных интересов, неизбежно существующих в обществе с развитой социальной дифференциацией²².

Данные обстоятельства не позволяют классифицировать идею гражданского общества в Восточной Европе как либеральную и без каких-либо оговорок отнести к тому или иному теоретическому западному образцу, хотя, конечно, эти взгляды вполне укладываются в рамки западной либеральной традиции, но одновременно во многом и не совпадают с ней.

Своеобразие восточноевропейской идеи гражданского общества последней четверти двадцатого века отмечается и в более широком контексте теорий «демократического транзита» с их ключевыми понятиями «переход к демократии» и «закрепление демократии». В рамках этого подхода происходящее в постсоциалистических странах трактуется как одно из проявлений современной общемировой тенденции к демократизации.

Становление гражданского общества в современной России происходило в уникальной исторической ситуации: исчерпанность советской модели организации социума выражалась в процессах его самораспада. Облик гражданского общества складывался в начале 1990-х годов под воздействием адаптировавшихся к новым

²¹ См. там же. С. 84.

²² См. Там же. С. 85.

реалиям старых советских структур, выпадения из социальных отношений большого количества людей и разного рода тенденций, структурирующих новый тип социума. В этой связи анализ институтов гражданского общества в России предполагает рассмотрение развития и современного состояния политических партий и групп интересов, а также общей эволюции принципов взаимодействия данных институтов и государства в процессах выработки публичной политики.

В своем развитии современные политические партии в России прошли три основных этапа:

1. становление политического плюрализма в СССР и соответственно России до развала СССР (1986 – 1991 гг.);
2. формирование политических партий в процессе электоральной борьбы (1992 – 1999 гг.);
3. превращение политических партий в политико-административных агентов государства (с 2003 г.).

Становление политического плюрализма в СССР началось в период Перестройки с середины 1980-х годов, которая позволила возникнуть ряду групп, сыгравших впоследствии существенную роль в формировании политических партий. На этом этапе можно выделить четыре основных тенденции.

Во - первых, диссидентские группы не сыграли той роли, которую подобные группы имели в Центральной и Восточной Европе периода третьей волны демократизации. На формирование политического плюрализма в СССР большее влияние оказали так называемые «неформальные группы», активная деятельность которых пришлась на вторую половину 80-х гг. В 1986 г. в Москве и Ленинграде возникли первые неформальные клубы, еще провозглашавшие социалистические лозунги, но уже противостоявшие официальной коммунистической идеологии. Объединение ряда клубов в региональные народные фронты, а затем — в Народный фронт РСФСР, создало условия для активной оппозиционной деятельности на выборах в Советы в 1989 и 1990 гг. По новому Закону о выборах объединения избирателей, основу которых зачастую составляли эти клубы, получили право выдвигать в избирательных округах своих кандидатов, соперничавших с кандидатами от «блока коммунистов и беспартийных».

Во - вторых, консолидация демократических сил происходила и рамках Съезда народных депутатов СССР, избранного в 1989 г. Здесь сформировалась влиятельная и активная межрегиональная депутатская группа, лидером которой стал главный оппозиционер и будущий президент России Борис Ельцин.

В - третьих, в конце 1980-х возникли первые политические организации, которые называли себя партиями, такие как Христианско-демократический союз, Союз конституционных демократов, Конфедерация анархо-синдикалистов (1989), Демократическая партия России, Социал-демократическая партия РФ (1990) и другие. Возможность легальной деятельности этих организаций как партий возникла после отмены статьи 6 Конституции СССР в марте 1990 г.

В – четвертых, процессы дифференциации происходили и в правящей еще КПСС. В 1990 году в ней было сформировано объединение под названием Демократическая платформа в КПСС, деятельность которой привела к образованию ряда партий, например, Республиканской партии.

После принятия новой Конституции в 1993 году, и связанными в связи с этим изменениями в политической системе, стала формироваться российская политическая система с множеством партий, различной идеологической окраски, с доминированием левых сил.

Избирательный цикл 2003 – 2007 годов существенно изменили партийно – политический спектр России. Роль доминирующей партии стала выполнять «Единая Россия», которая стала называться партией власти. Левые партии были значительно потеснены, а правым либеральным партиям СПС и «Яблоку» не удалось пройти в парламент.

Превращение партий в политико-административных агентов государства является характерной чертой современного этапа партийного строительства. Стоит согласиться с немецким исследователем Э. Шнайдером, который считает, что «было бы неправильно автоматически делать вывод о недемократичности Государственной Думы только на основании того факта, что две трети парламента поддерживают правительство... Тем не менее, с учетом того, что к президентскому лагерю следует отнести по сути все партии, кроме разве что КПРФ, да при этом принять во внимание, что «Единая Россия»...захватила должности председателей всех 29 комитетов (нередко также и первых заместителей председателя), оставив все остальные фракции без единого председательского кресла, то можно действительно задаться вопросом, является ли еще Госдума местом политического противоборства»²³, или «местом для дискуссий». Хотя этот процесс неравномерен и в разной степени касается всех партий, тем не менее ряд существенных характеристик отрыва партий от исходных интересов формирующегося гражданского общества заставляет говорить о том, что партийно – политическое общество в России все ближе смыкается с государством.

Одним из факторов подтверждающим данный тезис является образование в канун выборов 2011 года народных фронтов, прежде всего, конечно, ОНФ, как наиболее многочисленного и созданного под патронажем власти. Власть ищет новые формы взаимодействия с обществом. Это объясняется тем, что старая модель построения гражданского общества в целом не вписывается в концепцию «вертикали власти», и вызывает лишние проблемы для власти. Но провозглашенные с высоких трибун заявления о необходимости построения в России гражданского общества и демократизации страны должны подкрепляться на практике, что собственно говоря, и подталкивает власть на поиск модели гражданского общества в России, отвечающей текущему моменту. Создание таких объединенных фронтов должно создать определенную иллюзию тесного взаимодействия власти и общества, соучастия, взаимного интереса на благо общей цели. И именно через такие фронты власть может контролировать и управлять ситуацией, а общественные организации превратятся в филиал «Единой России». Таким образом, гражданское развитие происходит не через участие граждан в равноправном диалоге с органами государственной власти, а через процессы задаваемые и управляемые «сверху».

Более того, создание подобного рода объединений является признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий. Российская партийная система, а, следовательно, и политическая система переживает серьезный кризис. Партии, либо создаются по велению администрации Президента, либо не могут быть зарегистрированными. Действующие же партии, даже те, которые заявляют о своей оппозиционности, находятся под давлением властей, что, безусловно, сковывает их инициативу.

Исследуя группы интересов в современной России, следует отметить, что данные группы, так же как и партии, прошли три основных этапа:

²³ Шнайдер Э. Россия после выборов //Вестник аналитики. 2004. №2. С. 10.

1. возникновение и функционирование групп интересов в СССР (середина 1950-х – начало 1990-х годов);
2. признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы (начало 1990-х – 1999 год);
3. ограничение группового плюрализма и превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных агентов государства (с 2000 года).

Возникновение в СССР групп интересов относится к середине 1950-х – середине 1960-х годов и связано с либерализацией политического режима, в результате чего внутри властно-управленческого аппарата, вокруг различных его элементов (ведомств, отраслей, предприятий и так далее) начали формироваться многочисленные партикулярные группы интересов.

Исследователь Г. Скиллинг полагал весьма важным изучение процессов артикуляции и агрегации интересов в условиях, когда советская политика уже не была направлена на революционное преобразование общества, однако автономная политическая мобилизация, свобода слова и свобода организации отсутствовали. Он утверждал, что «индустриализация породила в Советском Союзе разнообразные организованные и не организованные интересы, взаимодействие которых на политической арене необходимо принимать во внимание при объяснении политической борьбы и ее исходов»²⁴.

Другой зарубежный исследователь Дж. Хог подчеркивал, что в центре советского политического процесса лежал «бюрократический конфликт», участниками которого выступали специфические группы интересов — «комплексы», состоявшие из «специализированного партийного, государственного, общественного и научного персонала, работавшего в пределах соответствующих областей политики». К этим «комплексам» он причислял ведущие министерства и ведомства, полагая, что те в большинстве случаев действовали совместно с их «естественными союзниками» — подразделениями аппарата ЦК, контролировавшими их работу. Дж. Хог признавал, что «окончательная власть была сконцентрирована в высших органах Коммунистической партии». Тем не менее, он считал, что партийные лидеры не действовали «волонтаристски», а в целом вынуждены были следовать советам специализированных комплексов в соответствующих их профилю областях политики. Ограничивая себя «посредничеством в конфликтах», которые возникали между данными комплексами, они практически делегировали комплексам полномочия в выработке политических решений, оставляя за высшими органами партии лишь роль «заключительных арбитров»²⁵.

В целом, можно сказать, что в СССР группы интересов оказывали существенное воздействие на процессы выработки государственной политики и формировались вокруг ведомственных и региональных административно-бюрократических структур. Среди наиболее влиятельных групп интересов в СССР исследователи выделяют как ряд отраслевых комплексов (военно-промышленный, строительный, горно-металлургический, топливно-энергетический, химический, аграрный, машиностроительный), так и несколько наиболее значимых

²⁴ Цит. по: Бреслауэр Дж. В защиту советологии // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997. С. 267.

²⁵ См.: Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной. – СПб. 2006. С. 196.

региональных партийно - государственных групп (московская, ленинградская, украинская)²⁶.

Признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы происходит в начале 1990-х годов и связано с политической (демократизация политической системы) и экономической (введение рыночных институтов) трансформацией российского общества.

Наиболее заметными в этот период становятся группы интересов, связанные с так называемыми «олигархами», интегрированными финансово-промышленными группами, крупнейшими банками и различными частями бюрократического аппарата²⁷. Социально-экономической основой для появления указанных групп интересов послужили особенности экономической реформы в современной России. В первую очередь, — это номенклатурный характер отечественной приватизации, которая не только не размыла систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти», но и закрепила взаимоотношения государства и вновь возникшего бизнеса на основе принципов бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, и перманентной конверсией власти в собственность и собственность во власть²⁸. Данная система, будучи модифицированным вариантом советского административного рынка, привела к формированию привилегированных групп интересов, обладающих доминирующим влиянием на принятие важнейших политических решений. Такие группы возникли на основе экономической олигархии, сконцентрировавшей в своих руках весомую долю национального богатства, и наиболее организованных частей бюрократического аппарата, «приватизировавших» значительный административный ресурс государства²⁹.

Доминирующее положение указанных групп интересов объяснялось как характерной для того периода десубъективизацией государства, так и слабым развитием массовых, не связанных с олигархическими и бюрократическими структурами, групп интересов.

Анализируя в этой связи степень общественно-политической активности граждан и уровень развития институтов гражданского общества в России в 1990-х годов, можно сказать, что, несмотря на сопоставимые с общеевропейскими показатели интереса к политике, количество россиян, участвовавших в общественно-политической деятельности было крайне мало³⁰.

Исходя из вышесказанного, не вызывает удивления и низкие показатели развития третьего сектора в России в 1990-х годов. Несмотря на высокие цифры официальной статистики относительно негосударственных и некоммерческих

²⁶ См.: Лепехин В. Лоббизм. М., 1995. С. 3—24; Лоббизм в России: Этапы большого пути. М., 1995. С. 10-14.

²⁷ См.: Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162—172; Кива А. В. Российская олигархия: общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18 - 28; Лепехин В. А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. №1 С.66 – 82.

²⁸ См.: Павроз А.В. Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) //Современные аспекты экономики. 2004. №3 (54). С. 197 – 202.

²⁹ См.: Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45.; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма //Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 31 – 62.

³⁰ См.: Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 153-156.

организаций, реально вели активную деятельность небольшой процент этих организаций³¹.

Большое количество партий, некоммерческих организаций в России в этот период не может считаться истинным индикатором состояния институтов гражданского общества. Большинство из них не обладало чертами подлинно гражданских ассоциаций и было отчуждено от основной массы граждан и формально представляемых ими социальных групп, не доверяющих им и не видящих в них защитников своих интересов³².

Таким образом, слабость институтов гражданского общества, низкая социально-политическая активность граждан, отсутствие гражданской компетентности, неготовность большей части населения к продуктивному освоению демократических институтов и эффективным коллективным действиям с целью отстаивания своих интересов с неизбежностью способствовали доминированию наиболее организованных, привилегированных групп интересов, представляющих верхние страты российского общества в системе социально-политического взаимодействия. Стоит согласиться с выводом Р. Саквы о том, что Россия того периода «сложная система элит подменила собой развитие гражданского общества»³³.

Современный этап развития групп интересов в России берет начало в 2000 году и связан с реформами президента В.В. Путина, характеризуясь в превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных групп государства. Он определяется тремя основными тенденциями.

Во-первых, становятся заметными укрепление российской государственности и ограничение возможностей функционирования и влияния бюрократических групп интересов. Данная тенденция нашла отражение в целом ряде политико-административных преобразований (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административной реформы и т.п.) и ознаменовала собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря роли арбитра в перманентном конфликте различных властных группировок. Конфликт генерировался постоянным противопоставлением различных политических институтов. В такой форме воплощался принцип «сдержек и противовесов».

В.В. Путиным была принята новая модель политико-административного правления, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» различных частей государственного аппарата, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. Таким образом, указанная тенденция привела к интеграции на корпоративистских началах подавляющего большинства бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Во-вторых, влияние групп интересов крупного российского бизнеса на государственную политику претерпело ограничения и изменения. Данная

³¹ Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России //Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып.4. С. 155 – 156.

³² См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. В 2т. М., 2000; Дилигенский Г.Г. Существует ли в России гражданское общество? //Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.

³³ Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России //Полис. 1997. №1. С. 79.

тенденция проявилась в формулировании новых, неформальных правил взаимодействия бизнеса и государства, в соответствии с которыми большой бизнес должен:

- быть лоялен по отношению к государству;
- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;
- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;
- не поддерживать оппозицию³⁴.

Таким образом, в результате принятия данных правил произошло не только сокращение политического влияния групп интересов крупного бизнеса, но и фактическое включение данных групп на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

В-третьих, власть пытается включить в управленческую вертикаль массовые, не элитные группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата и так далее), цель которых состоит в инкорпорации наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Таким образом, предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

Таким образом, современный политический режим России предполагает отход от плюралистической и возвращение к корпоративистской модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. И хотя принципы социально – политического взаимодействия за последнее время существенно трансформировались, качественное состояние институтов гражданского общества не претерпело значительных изменений. На настоящий момент уровень развития указанных институтов в России все еще остается крайне низким по сравнению с ведущими демократическими странами мира. Данное обстоятельство определяется такими фундаментальными факторами, присущими российскому обществу, как низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации³⁵.

Следует отметить крайне низкий уровень институционализированных форм социально-политического участия граждан в деятельности политических партий, профсоюзах, общественных и религиозных организациях, органах местного самоуправления. Среди основных причин общественной и политической пассивности россиян доминируют такие как занятость своими делами и уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной. К негативным факторам влияющим на гражданскую активность граждан можно отнести разобщенность, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

В заключение можно констатировать, что уровень развития институтов гражданского общества и их функциональность в современной России является явно недостаточным. Не имеет однозначного ответа вопрос, каким образом может сказаться ограничение политического плюрализма, характерное для современного политического режима, на развитии институтов гражданского общества в России. С одной стороны, пресечение чрезмерного влияния привилегированных элитарных групп интересов создает некоторый простор для самоорганизации не элитных

³⁴ Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002. С. 4.

³⁵ См.: Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С. 13 – 18.

групп общества, что делает систему социально-политического взаимодействия более сбалансированной. С другой – все более закрытый, властноцентрический характер данной системы не способствует деятельному включению различных социально-политических сил в процессы выработки государственной политики и сокращает возможности эффективного социально-политического взаимодействия.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001.
2. Береснева О. Н. Диссидентское движение как явление общественно-политической жизни СССР в 1960-1980 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов.2001.С.44.
3. Бреслауэр Дж. В защиту советологии // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997. С. 267.
4. Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С. 13 – 18.
5. Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162-172.
6. Генер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х т. Т. 2. М.1996. С.231,268.
7. Гозман Л.Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений //Вопросы психологии. 1988. №6. С. 5-14.
8. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. В 2т. М., 2000.
9. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной. – СПб. 2006. С. 196.
10. Грушин Б. А. Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 30-47.
11. Дилигенский Г.Г. Существует ли в России гражданское общество? //Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.
12. Кива А. В. Российская олигархии: общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18 – 28.
13. Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45.
14. Кузьмин В.Н. От правозащитного движения к многопартийности в России. (1965-1996 гг.) Кемерово. 1997.С.42.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
16. Лепехин В. А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии //Общественные науки и современность. 1999. №1 С.66 – 82.
17. Лепехин В. Лоббизм. М., 1995. С. 3—24.
18. Лоббизм в России: Этапы большого пути. М., 1995. С. 10-14.
19. Лопушанский И.И. Политическая жизнь Санкт-Петербурга. 1703 – 2003. СПб. 2003. С. 53 – 60.
20. Маслова А.Г., Маслова А.О. От социального конформизма к политическому участию //Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. №2.
21. Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002. С. 4.
22. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма //Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991. С. 31 – 62.
23. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. М., 1996; Московичи С. Век толпы. М., 1997.
24. Павроз А.В. Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) //Современные аспекты экономики. 2004. №3 (54). С. 197 – 202.
25. Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества //Обозреватель. 2007. №5. С. 72.
26. Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 153-156.
27. Русина Ю.А. Самиздат или форма проявления инакомыслия в 1960 – 1980 –е гг. //Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80- летию сборника «Смена вех», 1-2 июня 2001 года. Екатеринбург. 2001. С.188.
28. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России //Полис. 1997. №1. С. 79.
29. Солженицын А.И. Жить не по лжи! //Век XX и мир. 1989.№2.С.23.

30. Соловьев В.Н. Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18-19.
31. Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5. С.69, 78, 83,84, 85.
32. Шнайдер Э. Россия после выборов //Вестник аналитики. 2004. №2. С. 10.
33. Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России //Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып.4. С. 155 – 156.

Экономическая политика должна обосновываться научными исследованиями, а не догмами теории

The economic policy should be proved by scientific researches, instead of dogmas of the theory

Комченков В.Ф., кандидат экономических наук, профессор
Тамбовский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Сагындыков К.Б., кандидат экономических наук
г. Астана, Республика Казахстан

*Komchenkov V. F., candidate of economic sciences, professor
Tambov branch of the Russian academy of National Economy and Public Service under
the President of the Russian Federation
Sagyndykov K.B., candidate of economic sciences
Astana, Kazakhstan
E-mail: men@tfrane.ru*

УДК 338.24:336.748.12

ББК 65.9(2Рос)

К63

В статье на основе вертикальных и поперечных группировок статистических данных за 2000-2010 г.г. по России и Казахстану обосновывается несостоятельность теоретических догм, содержащихся в учебниках по экономике и управлению, на которых ныне основывается монетаристская экономическая политика.

Ключевые слова: догмы теории монетаризма, кривая безработицы Филлипса, неэффективная занятость, численность населения, денежные доходы населения, рост промышленного производства, инфляция.

In article on the basis of vertical and cross-section groupings of the statistical data for 2000-2010 across Russia and Kazakhstan the inconsistency of the theoretical dogmas containing in textbooks on economy and management on which monetarism the economic policy nowadays is based is proved.

Keywords: dogmas of the theory of monetarism, a curve of unemployment of Phillips, inefficient employment, population, monetary incomes of the population, industrial production growth, inflation.

В решении стоящих перед двумя странами ЕврАзЭС задач модернизации исключительную актуальность приобрела проблема рационального управления денежными средствами от экспорта нефти и газа. В России большая их часть направляется в Резервный фонд и в Фонд национального благосостояния. В реальную экономику и социальную сферу они не вкладываются из-за боязни разогрева инфляции вследствие быстрого роста денежных доходов населения.

Происходит это потому, что в научном экономическом сообществе России господствуют монетаристские взгляды, основанные на догмах М.Фридмена и его последователей. Они причисляют себя к сторонникам либеральной, классической школы экономики. Но главным антиинфляционным инструментом считают не увеличение производства товаров и конкуренции на этой основе, как считал А.

Смит³⁶ и его сторонники, а сдерживание роста и даже уменьшение денежных доходов населения, в том числе за счет увеличения безработицы.

Согласно так называемой кривой Филлипса в ее искаженном П.А.Самуэльсоном толковании, инфляция тем выше, чем меньше безработица, т.е. чем больше занятость. Это – обман простаков, которые понимают, что чем больше безработных, тем меньше денег у населения и спрос на товары и услуги. Значит, цены на потребительские товары не растут и даже снижаются. Об объеме производства товаров и изменении численности и доли экономически активного населения при этом намеренно умалчивается. И обыватель верит в эту фальсификацию.

А здравый смысл и эмпирические данные свидетельствуют об обратном. В России 143 млн. жителей, в Казахстане – 16,2 млн. Из них работает соответственно 69 и 8,1 млн. чел., т.е. один создает товары для 2-х чел. Значит, каждый безработный создает дефицит товаров для двоих. Поэтому при росте безработицы инфляция возрастает. Проверим этот вывод методом вертикальных группировок по России за 2000-2007 г.г. Численность населения, в том числе экономически активного здесь оставалась практически постоянной (табл. 1).

Таблица 1

Зависимость инфляции от безработицы в России в 2000-2007 г.г., индексы в %

Группы	Годы	Безработица, в среднем по группе	Инфляция, в среднем по группе.
1.	2000, 2001, 2002, 2004	8,75	16,40
2	2003, 2005, 2006, 2007	6,83	10,95
	Разница (1 – 2)/1	1,92/1	5,45/2,84

Данные таблицы согласуются с выводом Оукена: в России уменьшение безработицы на 1% сопровождалось уменьшением инфляции на 2,84%, а не ростом ее. А утверждения монетаризма являются фальсификацией.

Таблица 2

Зависимость инфляции от безработицы в Казахстане в 2001-2010 г.г., индексы в %

Группы	Годы	Безработица, в среднем в группе, %	Инфляция, в среднем в группе, %.	Население, млн. чел.	Рост промышленности, ср. % в год
1	2	3	4	5	6
1.	2001-2005	9,0	6,8	15,0	9,8
2.	2006-2010	6,8	10,1	15,7	6,1
	Разница (1 – 2), %	2,2	-3,3	-4,7	-3,7

По Республике Казахстан аналогичная группировка показывает, на первый взгляд, противоположные результаты. Они как бы подтверждают монетаристскую догму: чем меньше безработица (больше занятость), тем больше инфляция (табл. 2).

Стороннику монетаризма достаточно данных 3-й и 4-й граф, чтобы оправдать свои взгляды на причины инфляции. А здравый смысл и данные граф 5-6 табл. 2 подсказывают, что население увеличилось на 4,7%, а темп роста

³⁶ А.Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. // Интернет-ресурс. adamsmit.doc.zip - ZIP – С. 61-66

производства уменьшился на 3,7%. Наблюдался 6,9%-й рост неэффективной занятости ($2,2+4,7=6,9$). А именно, - за счет увеличения доли военнослужащих, работников образования, здравоохранения, государственных и муниципальных служащих, вспомогательного, обслуживающего и управленческого персонала в коммерческих организациях. Вследствие отставания роста производства от роста численности населения душевая обеспеченность товарами уменьшалась. Кажущееся их изобилие в магазинах продавцы поддерживали за счет повышения цен.

Таблица 3

Независимость инфляции от роста денежных доходов населения в России в 2000-2007 г.г., индексы в % к предыдущему году

Группы лет	Доходы населения	Потребительские цены	Промышленность	ВВП
1). 2000, 2003, 2006-2007	114,65	113,28	107,35	108,7
2). 2001-2002, 2004-2005	107,95	114,10	104,70	106,6
Разница II-I	-6,70	+0,8	-2,65	-2,1

Не подтверждается и догма монетаризма об обязательном росте потребительских цен при повышении денежных доходов населения (табл. 3). Ее данные свидетельствуют, что потребительские цены в России росли быстрее при снижении темпа роста денежных доходов населения. Объяснить это можно так. Большой рост денежных доходов населения сопровождался увеличением спроса. Вследствие этого увеличился темп прироста промышленного производства, ВВП и предложения товаров. В результате роста предложения усилилась конкуренция продавцов и замедлился рост цен.

Рассмотрим ситуацию в Республике Казахстан (табл. 4). Данные табл. 4, на первый взгляд, подтверждают монетаристскую догму: во второй группе лет доходы населения росли меньше, и ниже была инфляция. Действительная же причина меньшей инфляции в эти годы в том, что, во-первых, производство промышленной продукции увеличивалось на 2,4% быстрее и, во-вторых, численность населения была на 1,3% меньше. Иначе говоря, душевое предложение товаров увеличилось на 3,7% ($1,3+2,4=3,7$). Вследствие роста душевого предложения товаров рост потребительских цен снизился. Но даже в условиях снижения роста доходов населения продавцы, пользуясь олигопольно-монополистическим положением, повысили цены на 6,8%.

Таблица 4.

Независимость инфляции от роста денежных доходов населения в Казахстане в 2001-2010 г.г., в % к предыдущему году

Группы лет	Доходы населения	Потребительские цены	Промышленность	Население, млн. чел.
1	2	3	4	5
1). 2004-2008	114,1	10,2	106,8	15,4
2). 2001-2003; 2009-2010	106,9	6,8	109,2	15,2
Разница II-I, в %	- 7,2	-3,4	2,4	-1,3

Уникальная ситуация для исследований методом поперечной группировки сложилась в России в 2009 году, которая опровергает монетаристскую догму об обязательном росте цен при увеличении денежных доходов населения (табл. 5.).

Таблица 5.

Независимость инфляции от роста денежных доходов населения в России в 2009 г., в % к предыдущему году

Наименование показателей. Индексы:	Регионы, где доходы населения:		
	выросли		снизились (49)
	больше цен (4)	меньше цен (29)	
Доходы населения, %	111,5	102,8	94,5
Потребительские цены, %	108,4	109,3	109,3
Рост доходов, в %	+ 11,5	+ 2,8	- 5,5
Рост цен, в %	+8,4	+9,3	+9,3
Инфляция в % в расчете на 1% роста денежных доходов			
роста	+0,7	+3,3	
снижения	-	-	+1,7

В 4-х субъектах РФ индекс реальных денежных доходов населения увеличился больше, чем индекс потребительских цен. Только здесь рост денежных доходов населения мог быть причиной инфляции. В среднем в этих субъектах РФ индекс денежных доходов населения составил 111,5%, а средний индекс потребительских цен – 108,4%. Каждый 1% увеличения денежных доходов населения сопровождался ростом потребительских цен на 0,7% ($8,4 : 11,5 = 0,73$).

В 49 регионах цены повышались при уменьшении денежных доходов населения. В среднем цены выросли на 9,3%, а денежные доходы населения снизились на 5,5%. Каждый 1% уменьшения денежных доходов сопровождался повышением цен на 1,7% ($9,3 : 5,5 = 1,7$). Это в 2,3 раза больше чем рост цен от увеличения доходов населения на 1% ($1,7 : 0,73 = 2,28$).

Промежуточная ситуация складывалась в 29 субъектах Федерации. Цены здесь выросли в среднем на 9,2%, а доходы – на 2,8%.

Крупные сообщества, участвующие в группировке данных за 2009 год, дают основание утверждать об эмпирической репрезентативности полученных на их основе результатов о корреляционной многофакторной взаимозависимости исследуемых экономических явлений. Тем не менее, мы провели аналогичные группировки данных статистики по России за 2010 год.

В научном сообществе считается, что в 2010 г. последствия мирового финансово-экономического кризиса в России были нейтрализованы (табл.6).

Таблица 6.

Независимость инфляции от роста доходов населения в регионах России в 2010 году, в % к предыдущему году.

Наименование показателей. Индексы:	Группы субъектов РФ, где доходы населения:		
	выросли		снизились (12)
	больше цен (8)	меньше цен (62)	
Доходы населения, %	114,2	104,5	96,7
Потребительские цены, %	107,9	109,7	108,7
Промышленное производство, %	106,7	111,7	104,7

Самый высокий рост доходов был в 8 регионах первой группы, а инфляция

здесь оказалась самой низкой. В 3-й группе в сравнении со второй догма монетаризма как бы подтвердилась – доходы населения уменьшились, и снизилась инфляция. Но надо иметь в виду, что доходы уменьшились на 7,8%, а инфляция снизилась всего на 1%. Поэтому, чтобы снизить инфляцию до желаемых 2,5% в год, доходы населения надо уменьшить на 48% ($7,8 \times 6,2 = 48,4$), т.е. довести население до обнищания. Это неприемлемо для государства, объявившего себя социальным, и, следовательно, должно наказываться в уголовном порядке

Вывод: некорректно делать заключения о сложных многофакторных экономических взаимозависимых явлениях на основе примитивных однофакторных анализов и класть их в основу экономической политики.

Список литературы

1. А.Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. // Интернет-ресурс. adamsmit.doc.zip – ZIP. С. 61-66
2. Экономическая теория: учеб. /Под общей ред. Акад. В.И.Видяпина, А.И.Добрынина, Г.И.Журавлевой, Л.С.Тарасевича. – М.: Инфра-М, 2004. 672с.
3. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2009 г. //Российская газета. 2010. 12 марта.
4. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2010 г. // Российская газета. 2011. 16 марта.
5. Казахстан в цифрах. // Электронное правительство Республики Казахстан (Интернет-ресурс). URL: <http://www.e.gov.kz> (Дата обращения 16.12.2011).

Становление органов местного самоуправления как фактор развития политической коммуникации в России: историко-правовой аспект

Formation of local governments as the factor developments of political communications in Russia: historical and legal aspects

Семина Наталия Александровна,
аспирант ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»,
Semina Natalia A.
Postgraduate student of the Tambov State Technical University
E-mail: semina_68@mail.ru

УДК 323.2
ББК 66.3
С30

В статье рассмотрен историко-правовой аспект развития коммуникационной составляющей политического процесса в контексте становления института местного самоуправления. Особое внимание уделено выявлению исторических особенностей функционирования местного самоуправления в XIX – XX вв. с целью преемственности элементов исторического опыта для модернизации современной политической системы.

Ключевые слова: политическая коммуникация власть – общество, институт местного самоуправления, закон, модернизация.

The article describes the historical and legal aspects of the communication component of the political process in the context of making the institute of local self-government. Particular attention is paid to identifying historical features of the functioning of local government in the 19-20 centuries. The goal is to use historical experience for modernization the current political system.

Keywords: political communications the power – a society, institute of local government, law, modernization.

Модернизацию можно считать одним из главных слов эпохи, о чем свидетельствует Послание Федеральному Собранию Президента РФ Д.А. Медведева 12 ноября 2009 года, в котором главной задачей страны отмечено осуществление модернизации, связанное с созданием политически стабильного социально-правового демократического государства³⁷.

Политическая модернизация современного российского государства не что иное, как совокупность важнейших процессов качественного преобразования политической системы, в результате которого эта система даст «возможность всем, в том числе и самым малым социальным группам, быть услышанными и включёнными в процессы государственного и общественного управления»³⁸, а «в идеале – услышать голос даже одного человека»³⁹.

³⁷ См. Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад // Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413 (дата обращения: 13.09.2011).

³⁸ См.: Съезд партии «Единая Россия» 24 сентября 2011 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/новости/12802> (дата обращения: 25.09.2011).

³⁹ См. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперёд (запись в блоге Д. Медведева посвящена развитию российской политической системы) //

Речь идет об оптимизации политико-коммуникационного процесса между властью и обществом, становление и развитие которого неразрывно связано с институтом местного самоуправления. Как отмечал В.В. Путин, будучи Президентом РФ, в своем Послании Федеральному Собранию, стоит обратить внимание на закрепление законом тех его форм, которые доказали свою жизнеспособность на практике, подчеркнув, что «не лишне вспомнить и собственный, еще дореволюционный исторический опыт»⁴⁰. Впервые после 1917 года высшее политическое руководство страны предложило обратиться к тысячелетнему опыту российской государственности в самых важных вопросах модернизации. В связи с чем, особый интерес представляет выявление исторических особенностей функционирования местного самоуправления с целью преемственности «рабочих» элементов исторического опыта для модернизации современной политической системы в целом, а также политико-коммуникационных процессов в частности.

По сути, элементы местного самоуправления как наиболее эффективной формы непосредственного участия граждан в осуществлении властных функций путем различных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и другие органы местной власти зародились еще в глубокой древности. Например, общинное самоуправление было создано еще до государственно-организованного общества, прошло этапы античного мира, Средних веков и Нового времени.

Однако «расцвет» института местного самоуправления приходится на вторую половину XIX века, когда основную часть населения составляло крестьянство - непривилегированное сословие, не имеющее на тот момент никаких правовых гарантий, позволяющих принимать непосредственное участие в политической жизни страны, поскольку на вершине государственной власти могли оказаться только представители дворянства.

Вопрос о правовом статусе крестьянства стал чаще ставиться в начале XIX века, но практическое решение смог получить только с отменой крепостного права в России. Так, во второй половине XIX в. правительство Александра II, осознав кризис государственности в стране, пошло на проведение крестьянской реформы, изменившей основы жизни страны. Законодательным актом, оформившим отмену крепостного права в России, стало «Положение 19 февраля 1861 года», состоящее из «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», 4 отдельных «Положений», 4 «Местных положений» по группам губерний Европейской России и 8 «Дополнительных правил» для отдельных категорий крестьян⁴¹.

Согласно Положению крестьяне приобрели статус «свободных сельских обывателей», тем самым получив право участия в сходах, составления мирских приговоров, участия в выборах общественных должностей и право быть избранными, что в свою очередь потребовало перестройки всей системы местного самоуправления. Об этом свидетельствуют слова Д.А. Милютин: «Из всех

Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/новости/9599> (дата обращения: 20.09.2011).

⁴⁰ См. Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 18.04.2002// Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/510.html> (дата обращения: 10.02.2011).

⁴¹ Санжаревский И.И. Политическая наука: Словарь-справочник. Издание 3-е, испр. и доп. - Тамбов.: 2010. 1 диск (CD-ROM). Гос.рег. - М.: ВНИИЦ, 2010. - №50200800804.

предстоящих преобразований в государственном строительстве – ближайшую связь с отменой крепостного права имело устройство местного управления вообще...»⁴².

Именно с отменой крепостного права, когда основная часть населения - крестьянство получило доступ к политическим коммуникациям, связано наибольшее развитие института местного самоуправления, в первую очередь, института крестьянского самоуправления.

Новая форма землепользования предполагала соответствующую организацию внутри административно-территориальных единиц России и устанавливала здесь порядок общественного крестьянского управления. Таким образом, была установлена следующая вертикаль исполнительной власти: правительство - губерния - уезд - волость.

Введение элементов представительства было начато снизу, с земств. Государство попыталось разделить власть и ответственность на местном уровне с земскими обществами. Представители различных сословий, в том числе и крестьяне через органы земского самоуправления (губернские и уездные собрания и управы) были допущены к решению экономических и социальных вопросов местного значения. Выборы проводились по голосам, по жребию или баллотировочными шарами.

Центральная роль в системе крестьянского самоуправления принадлежала сходу. Так, П.Н. Зырянов писал, что «арена сельского схода была первой политической школой для крестьян. Сходы, как правило, стремились отстоять права своих членов от произвола дворянской администрации»⁴³.

Однако недостатки крестьянского самоуправления были и заключались в следующем:

во-первых, сохранился сословный принцип его формирования;

во-вторых, все должностные лица крестьянской администрации находились в двусмысленном положении: с одной стороны, они должны были выражать коллективное мнение избравших их крестьян, а с другой стороны, быть послушными проводниками правительственного курса и четкими исполнителями уездных и губернских властей, состоящих из представителей дворянского сословия.

В итоге сохранившаяся сословная система организации самоуправления и доступа к политическим коммуникациям, вступив в противоречие с динамично развивающейся стратификационной структурой общества, явилась одной из причин, повлекшей за собой торможение развития института самоуправления.

Так недовольство крестьян своим положением, привело к массовому всплеску политической и общественной активности. Результатом компромисса власти и народа стало принятое Александром II в 1864 году «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которое предусматривало создание уездных и губернских земских учреждений, состоящих из выборных распорядительных - уездных и губернских земских собраний и исполнительных органов - уездных и губернских управ.

Контроль над деятельностью земских органов самоуправления осуществляли правительственные органы в лице местных губернаторов и министра внутренних дел. В круг их полномочий входило приостановление исполнения тех постановлений земских собраний, которые, по их мнению, противоречили законам или общим государственным интересам. Постановления земских собраний по ряду

⁴² Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. С. 64.

⁴³ Зырянов П.Н. Петр Столыпин: Политический портрет. - М.: Высшая школа, 1992. С. 385.

вопросов требовали формального утверждения губернатором или министром внутренних дел.

Положение 1890 года всячески стремилось поставить членов уездной земской управы в непосредственную зависимость от правительственной власти, в силу чего оно признавало их состоящими на государственной службе. Получается, каждое следующее Положение вводило новые ограничения в сфере функционирования органов местного самоуправления во всех отношениях.

Несмотря на то, что практика встраивания общинного самоуправления в механизм государственного управления подвергалась критике, данное обстоятельство сыграло и свою положительную роль. Представители разных сословий получили право принимать участие в политико-коммуникационном процессе страны, активно решая дела управления. Более того, они сознательно участвовали в решении местных проблем. Особенно разительные перемены произошли в поведении крестьян. За несколько десятилетий с момента отмены крепостного права они прошли путь от безразличия и нежелания участвовать в самоуправлении до активного отстаивания своих интересов путем участия в самоуправлении⁴⁴.

Проведенный краткий исторический обзор подтверждает влияние становления института местного самоуправления в России на коммуникационную составляющую политического процесса, и позволяет сделать вывод об актуальности преемственности ряда элементов функционирования института местного самоуправления в XIX – XX вв. для модернизации современной политической системы. Стоит отметить, что если ранее историческое наследие было скорее данью культуре, чем политическим заказом, то после заявления В.В. Путина⁴⁵ законодатели активно включили исторический опыт в современное правовое пространство.

Исторические заимствования, прежде всего, коснулись административно-территориальной составляющей. Сохранился критерий деления местного самоуправления на типы (городское и земское), уровни (волостное, сельское, уездное, губернское)⁴⁶.

Однако наибольший интерес в этом плане представляет анализ политико-коммуникационных взаимодействий между властью и обществом, соотношения местной самостоятельности и государственного контроля. В этом отношении в «Положении о крестьянах» говорилось, что «волостной сход» составляется из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору и из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего».⁴⁷ Подобный политико-коммуникационный процесс отражен в п. 2 ст. 130 Конституции РФ: «местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и

⁴⁴ Лаптева Л.Е. Опыт построения типологии административной политики в самодержавной России // Политика и право, 2001. - № 8. С.120.

⁴⁵ См. Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 18.04.2002// Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/510.html> (дата обращения: 10.02.2011).

⁴⁶ См. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (закон о МСУ) от 06.10.2003 N 131-ФЗ //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/57_6.html (дата обращения: 10.08.2011).

⁴⁷ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. // Сайт библиотеки Хроноса. URL: <http://www.hrono.ru/libris/index.php> (дата обращения: 10.08.2011).

другие органы местного самоуправления»⁴⁸. Одновременно с этим ФЗ-№184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» устанавливает, что высшее должностное лицо субъекта РФ наделяется по представлению Президента РФ соответствующими полномочиями законодательным органом государственной власти РФ. К тому же Президент получает право в любой момент отправить губернатора в отставку без объяснения причин. Основанием для снятия главы региона может стать «утрата доверия» Президента⁴⁹. Фактически «утрата доверия» может подразумевать все, что угодно, поскольку не является правовой категорией. Право законодательной власти в этом случае ограничивается только возможностью выразить «мнение», а общество и вовсе лишается права в какой-либо форме поставить свою оценку деятельности губернатора.

В итоге получается, что местное самоуправление ответственно, в первую очередь перед государством и лишь потом перед населением, что закреплено законодательством РФ. Рассмотренные факты отражают тенденцию в какой-то мере к огосударствлению местного самоуправления. В связи с чем, до сих пор актуальны материалы столетней давности. Так, сторонники государственного подхода⁵⁰ могли бы найти союзника в лице М.Н.Каткова. «Русское самодержавие, - писал он, - не может и не должно терпеть никакой неподчиненной ему или не от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве. ... Самое главное - устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление»⁵¹.

Список литературы:

1. Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад // Официальный сайт Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1413 (дата обращения: 13.09.2011).
2. Зырянов П.Н. Петр Столыпин: Политический портрет. - М.: Высшая школа, 1992. С. 385.
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/57_6.html (дата обращения: 18.09.2011).

⁴⁸ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/57_6.html (дата обращения: 18.09.2011).

⁴⁹ См. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 25.07.2011) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=117590> (дата обращения: 15.09.2011).

⁵⁰ Государственная теория самоуправления была выдвинута немецкими учеными XIX века Л.Штейном и Р.Гнейтсом. Согласно ей местное самоуправление представляет форму организации государственного управления на низовом уровне. Полномочия в области местного самоуправления даны государством, имеют источником государственную власть. Однако в отличие от центрального государственного управления, местное самоуправление осуществляется не правительственными чиновниками, а при помощи местных жителей, заинтересованных в результате местного самоуправления. Передача некоторых задач государственного управления в ведение местных сообществ с точки зрения государственной теории призвана обеспечить более эффективное решение данных вопросов на низовом уровне. Так французский ученый Р. Драго указывал, что местные органы зачастую формируются, прежде всего, для удобства управления государством. (Основы местного самоуправления // Сайт Фонда «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1009> (дата обращения: 27.09.2011)

⁵¹ Правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации /Под общей редакцией С.Н. Мирошникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. С. 11.

4. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. С. 64.
5. Лаптева Л.Е. Опыт построения типологии административной политики в самодержавной России // Политика и право, 2001. - № 8. С.120.
6. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперед (запись в блоге Д. Медведева посвящена развитию российской политической системы) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/новости/9599> (дата обращения: 20.09.2011).
7. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. // Сайт библиотеки Хроноса. URL: <http://www.hrono.ru/libris/index.php> (дата обращения: 10.08.2011).
8. Основы местного самоуправления // Сайт Фонда «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1009> (дата обращения: 27.09.2011)
9. Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 18.04.2002// Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/510.html> (дата обращения: 10.02.2011).
10. Правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации /Под общей редакцией С.Н. Мирошникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. С. 478.
11. Санжаревский И.И. Политическая наука: Словарь-справочник. Издание 3-е, испр. и доп. - Тамбов.: 2010. 1 диск (CD-ROM). Гос.рег. - М.: ВНИИЦ, 2010. - №50200800804.
12. Съезд партии «Единая Россия» 24 сентября 2011 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/новости/12802> (дата обращения: 25.09.2011).
13. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 25.07.2011) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=117590> (дата обращения: 15.09.2011).
14. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (закон о МСУ) от 06.10.2003 N 131-ФЗ //Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/57_6.html (дата обращения: 10.08.2011).

Деятельность тамбовских дворян Давыдовых в корпоративных организациях дворянства в XIX – начале XX в.

Activity of the Tambov gentry Davydovs in the corporate organization of nobility in XIX – early XX century

Шуваев Денис Андреевич,
кандидат исторических наук,
Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
*Shuvaev Denis A.,
Doctorate of historical Sciences
Tambov branch of the Russian academy of National Economy and
Public Service under the President of the Russian Federation
E-mail: d.a.shuvaev@mail.ru*

УДК 9 (с139)
ББК 63.3 (2Р - 4г)
Ш95

Статья посвящена известному Тамбовскому дворянскому роду Давыдовых. Автором исследована сословная служба дворян Давыдовых в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: *сословная служба; корпоративная организация дворянства; тамбовское дворянство, местное управление.*

The paper is devoted to the famous of the Tambov noble family of Davydovs. The author is studied estate service of gentry Davydovs in XIX – early XX century.

Keywords: *estate service, the corporate organization of nobility, the Tambov nobility, local government.*

Корпоративная организация высшего сословия в общероссийском плане исследована широко. Значительно меньше изучена сословная служба дворянства на локальном, в частности тамбовском материале.⁵² Наша цель рассмотреть службу тамбовских дворян Давыдовых в сословной дворянской корпорации в XIX – начале XX в.

С начала XIX столетия Давыдовы принимали активное участие в деятельности дворянской корпоративной организации Тамбовской губернии. Родоначальник Фёдор Андреевич с 1819 по 1825 гг. служил по выборам должностных лиц Тамбовской дворянской корпорации.⁵³ Более того, он

⁵² Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25-39; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.; Пенькова, О.П. Дворянство Тамбовской губернии (1861-1906). Монография. Тамбов: ОАО ТТ Пролетарский светоч, 2009. 188 с.; ил.; Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 23 с.

⁵³ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2439. Л. 134 об.

пользовался значительным авторитетом и доверием у моршанского дворянства, которое дважды избирало его на должность уездного предводителя.⁵⁴

Занимая пост Моршанского уездного предводителя дворянства, Ф.А. Давыдов занимался доставкой сведений управляющему Министерством внутренних дел о дворянах, имеющих право участвовать в выборах, принимал участие в организации торгов на поставку провианта для армии и, вероятно, входил в состав комиссии при освидетельствовании в губернском правлении сумасшедших дворянского происхождения. Фёдор Андреевич следил за состоянием почтовых домов, составлял согласно изданным формам списки о кавалерах ордена Св. Анны, вёл алфавитные списки дворян, а также препровождал сведения, касающиеся отправления подводной повинности.⁵⁵

Он распространял среди дворян различные сведения, касающиеся набора в учебные заведения и проведения сельскохозяйственных мероприятий. Так, в 1828 г. им было объявлено дворянам Моршанского уезда о земледельческой компании, имевшей целью усовершенствование сельского хозяйства по правилам плодopеменной системы и наборе в училище Ордена Святой Екатерины, а в 1830 г. – о приёме в воспитательное Общество благородных девиц.⁵⁶ Кроме того, Фёдор Андреевич занимался распространением среди дворян и людей другого звания «экземпляров речи о пользе соединения с земледелием мануфактурной и заводской промышленности и сочинения о пользе водворения в России плодopеменного земледелия».⁵⁷

Уездный предводитель Ф.А. Давыдов выступал в роли «полицмейстера» моршанского дворянского общества, осуществляя наблюдение за поведением помещиков по отношению к их крепостным. В частности, Фёдор Андреевич следил, согласно предписаниям Тамбовского гражданского губернатора, за ходом разбирательств по жалобам крепостных на нанесение им тяжёлых побоев в имениях их господ.⁵⁸

Моршанский уездный предводитель Ф.А. Давыдов участвовал в составлении смет и раскладок земских повинностей. С 1827 по 1830 гг. на основании доставленных Моршанским земским судом сведений он регулярно занимался составлением и отсылкой губернскому предводителю ведомостей, касавшихся посева и урожая озимого и ярового хлеба, а также состояния сельских запасных магазинов в помещичьих имениях.⁵⁹

Фёдор Андреевич осуществлял раскладку рекрутской повинности по помещичьим имениям. В ответ на подававшиеся помещиками А.А. Шиловским, П.И. Шульгиным, М.А. Адамовичевой и другими жалобы по рекрутскому расписанию Моршанского уезда он препровождал губернскому предводителю дворянства детальные уведомления, в которых изъяснял свою позицию.⁶⁰

Более того, Ф.А. Давыдов проявлял настойчивость в проведении рекрутских наборов. Так, по жалобе майорши Марии Александровны Адамовичевой Ф.А.

⁵⁴ Там же. Д. 2445. Л. 18, 18 об., 19 об.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2438. Л. 112; Д. 2439. Л. 133, 134, 134 об., 135, 135 об., 136, 136 об., 137; Д. 2540. Л. 23; Д. 2674. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 5, 8, 10, 10 об., 11, 19, 19 об., 27, 27 об., 30, 30 об., 31, 31 об., 32.

⁵⁶ Там же. Д. 2545. Л. 33; Д. 2674. Л. 9; Д. 2782. Л. 10.

⁵⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 732. Л. 21, 23.

⁵⁸ Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2785. Л. 20, 20 об., 21, 22, 22 об., 23.

⁵⁹ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2456. Л. 37, 38, 39, 40; Д. 2693. Л. 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57; Д. 2789. Л. 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80.

⁶⁰ Там же. Д. 2798. Л. 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8; Д. 2923. Л. 17, 17 об., 18, 18 об., 39, 39 об., 40, 40 об.

Давыдов в своем уведомлении губернскому предводителю писал: «с вторичным заключением земского суда, насчёт совершенного изъятия имения г. Нарышкина от жеребья в поставке по 84 набору рекрута согласиться никак нельзя: во-первых потому, что в данной Владимиром Адамовичем купчей слова: ежели какие окажутся до совершения оной на продаваемое имение казенные взыскания, то ответственность самому Адамовичу... и во-вторых высочайше утверждённых указом правительствующего Сената 1825 года июля 3 числа между прочим повелено: сделать по 83, 84 и 85 наборам по каждому новые раскладки точно, так как бы прежней раскладки и делано не было; наборы сии были в прошедшую 6-ю ревизию, а потому и новые раскладки учинены согласно сего указа с возложением рекрут на тех самих помещиков за коими состояло имение по окладу 6-й ревизии».⁶¹

Фёдор Андреевич возглавлял Моршанский уездный комитет по борьбе с эпидемией холеры 1830-1831 гг., осуществлял надзор за обсервационными заставами и следил за их своевременным снабжением медикаментами.

При осмотре обсервационных застав на границе Пензенской губернии в октябре 1830 г. моршанский предводитель обнаружил возвращавшихся из Саратовской губернии рабочих «из числа коих многие оказались не имеющими денег для покупки к пропитанию себя съестных припасов».⁶² Ф.А. Давыдовым совместно с исправником были предприняты меры для пропитания неимущих людей. «Смотрителям означенных обсерваций предписал, чтоб для пропитания неимущих людей, – писал он в донесении г. Тамбовскому гражданскому губернатору, – требовали необходимо нужные припасы от начальников тех селений, где состоят сии карантинные обсервации».⁶³ В этом же донесении моршанский уездный предводитель выразил беспокойство по поводу задержки поставки Тамбовской врачебной управой медикаментов «как для окулирования и очищения людей, так равно и лечения в случае» заболевания холерою.⁶⁴

Кроме того, Фёдор Андреевич входил в состав Общего собрания господ предводителей дворянства Тамбовской губернии (далее собрания). Нами был проведён контент-анализ текстов, отразивших участие Ф.А. Давыдова в его работе. Исследовано 98 документов собрания (единицы текста), к которым он имел отношение, занимая пост моршанского уездного предводителя дворянства с 1827 по 1830 гг.⁶⁵

Аналізу подверглись следующие аспекты текстов: территория рассматривавшихся вопросов, функции собрания и объекты воздействия. В наше поле зрения попало 15 административно-территориальных единиц Тамбовской губернии: сама губерния, 12 уездов и 2 города. Выделены шесть функций собрания: организационная – регламентация внутреннего распорядка работы собрания, принятие, исполнение и контроль каких-либо решений, финансирование, организация пожертвований. Объекты воздействия мы условно разделили на: рекрутские расписания, отдельные рекрутские дела, дворянские предводители и служащие дворянских собраний, учреждения образования (Тамбовский дворянский училищный корпус) и другие объекты. К последним относятся упоминавшиеся в документах один раз приобретение портрета императора Николая I, Липецкие минеральные воды, почтовые станции, эпидемия холеры, а также формулировка «другие дела».

⁶¹ Там же. Д. 2923. Л. 40, 40 об.

⁶² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 829. Л. 1.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 1 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2181. 267 л.; Д. 2483. 369 л.

Контент-анализ показал, что Ф.А. Давыдов в Общем собрании предводителей дворянства Тамбовской губернии занимался, главным образом, делами, имевшими общегубернское значение (свыше 16%) и рассмотрением вопросов по Кирсановскому, Шацкому и Козловскому уездам (13-15%). От 6 до 8% дел затрагивали территории Темниковского, Тамбовского, Елатомского и Борисоглебского уездов. Наименьшее количество разбираемых им вопросов (менее 5%) приходилось на Моршанский, Липецкий, Лебедянский, Спасский и Усманский уезды, а также на города Тамбов и Липецк.

Деятельность Фёдора Андреевича в собрании была, преимущественно, связана с принятием решений (80%). В меньшей степени он занимался регламентацией внутреннего распорядка работы собрания (9%) и финансированием (6%). Выполнение функций организации пожертвований, исполнения и контроля принятых решений составляли в работе Ф.А. Давыдова менее 2% каждая.

Фёдор Андреевич, главным образом, принимал участие в рассмотрении рекрутских дел (4/5). Десятую часть составляли рекрутские расписания. Значительно меньше он занимался вопросами, касавшимися учреждений образования (2%), а также дворянских предводителей и служащих дворянского собрания (3%). На прочие объекты приходилось не более 5%.

Вместе с тем, Ф.А. Давыдов, являясь опекуном малолетнего дворянина Иосифа Романовича Грузинова, содействовал становлению будущего известного поэта и прозаика. Фёдор Андреевич добился включения И.Р. Грузинова в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии, «выправлял» соответствующие справки для его поступления в Московский университет или пансион и на службу.⁶⁶ Ф.А. Давыдов нанял тамбовского мещанина Ефима Акимовича Зарубина, который управлял хозяйством имений и занимался прочими делами Иосифа Романовича.⁶⁷

Внук Фёдора Андреевича Давыдова Василий Васильевич в 1840-х гг. служил по выборам должностных лиц Тамбовской дворянской корпорации.⁶⁸ Он на губернских дворянских собраниях избирал по Моршанскому уезду предводителей дворянства, депутатов дворянского собрания, заседателей дворянской опеки, а также губернских предводителей дворянства, секретарей собраний и пр. должностных лиц.

С 1860-х гг. дворяне Давыдовы активно включились в политическую борьбу, происходившую в Московском и Тамбовском губернских дворянских собраниях. Они выступили сторонниками либерального направления, «стремившегося и твёрдо уповавшего на завершение реформ в общественно-политическом отношении введением представительного строя».⁶⁹

Давыдовы принимали участие в дебатах с консерваторами на заседаниях как депутатских, так и дворянских собраний. «Вопрос, очевидно, подлежал перенесению на решение собрания и по тону, в котором велись дебаты в «депутатском», – вспоминал Николай Васильевич Давыдов о политическом противостоянии в Тамбовском губернском дворянском собрании в начале 1860-х гг., – стало ясно, что дело серьезно, что оно касается не одной доверенности, что тут пахнет принципами, что, по-видимому, молодая партия (к которой относились Давыдовы – Д.Ш.) желает сразиться со старой».⁷⁰

⁶⁶ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2640. Л. 1, 1 об., 2 об., 3, 5 об., 6, 6 об., 7, 7 об., 8.

⁶⁷ Там же. Л. 4 об., 5, 5 об.

⁶⁸ Там же. Д. 4437. Л. 114, 128; Д. 6031. Л. 84 об., 85.

⁶⁹ Давыдов Н.В. Из прошлого: в 2 ч. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1913. Ч. 1. С. 107, 108.

⁷⁰ Давыдов Н.В. Из прошлого: в 2 ч. М.: Тип. Печатник, 1917. Ч. 2. С. 246.

Дворяне Давыдовы применяли такой приём политической борьбы как оставление в знак протеста зала заседания. На одном из заседаний Тамбовского губернского дворянского собрания начала 1860-х гг. в ответ на выраженную собранием благодарность лидеру консерваторов за процветание «содержимого на дворянские средства учреждения» Давыдовы совместно с другими либерально настроенными дворянами «не присоединились к чествованию... и демонстративно ушли из большой залы в столовую».⁷¹

Другой приём, использовавшийся либералами, заключался в создании волокиты в собрании и перекладывание ответственности за нее на консерваторов. В частности, в 60-е гг. XIX в. Давыдовы и их единомышленники затягивали дворянские выборы и «сваливали всю вину волокиты» на лидера консерваторов.⁷²

Давыдовы вели «подпольную агитацию» за баллотировавшихся на выборные должности либерально настроенных дворян. Так, Н.В. Давыдов, в мемуарах, описывая политическую борьбу начала 1860-х гг. вокруг кандидатур на пост губернского предводителя дворянства, отмечал, что с первых же дней «подпольная агитация шла вовсю».⁷³ Она велась по средствам устройства вечеров, званых обедов, спектаклей и т.п. мероприятий.⁷⁴

На вечерах дворяне Давыдовы участвовали в обсуждении общественно-политических вопросов волновавших широкие круги российского общества. «Вечером того же дня... собрались близкие люди... из дворян и приезжие, – писал Н.В. Давыдов о начале 60-х гг. XIX в., – и вскоре разговор, начавшийся всё-таки, конечно, со злобы дня, доминировавшей надо всем, – с дворянского собрания и выборов, – перешёл на неистощимую тему предстоявшей новой общественной деятельности. Говорили об удачно проведённой главной реформе, – освобождении крестьян и их устройстве, и тут же возник спор между поборниками земельной общины и представителями идеи частной собственности. ... Спор об общине ничем не кончился и незаметно для самих споривших отклонился от главной темы и перешёл на ожидавшееся вскоре введение земских учреждений. На этой почве собственно спор утих и все единогласно выражали радость по поводу реформы, имеющей призвать членов общества к живой, полезной деятельности и заменить мертвечину и застой казённого управления местными делами».⁷⁵

В годы Первой российской революции Давыдовы предостерегали дворянские собрания от принятия поспешных политических постановлений. На заседании чрезвычайного Московского губернского собрания, рассматривавшего волновавший широкие круги российского общества вопрос об устранении от участия в делах собрания лиц подписавших Выборгское воззвание, Николай Васильевич Давыдов, стремясь защитить выборщиков, призывал дворянское общество воздержаться от принятия каких-либо решений до вынесения приговора суда. «Н.В. Давыдов (председатель окружного суда) сказал, – вспоминал бывший в то время московским губернатором Владимир Фёдорович Джунковский, – что пока суд не вынес своей резолюции, дворянам рано говорить об этом, тем более что многие не знают сути дела».⁷⁶

⁷¹ Давыдов Н.В. Из прошлого... Ч. 2. С. 266.

⁷² Там же. С. 311.

⁷³ Там же. С. 264.

⁷⁴ Там же. С. 252, 253, 266, 267.

⁷⁵ Давыдов Н.В. Из прошлого... Ч. 2. С. 280, 281.

⁷⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. М.: , Изд-во им. Сабашниковых 1997. Т. 1. С.

К началу 1910-х гг. произошло усиление влияния Давыдовых в Тамбовской дворянской корпоративной организации. Наряду со старшими сородичами и ближайшим родственником семьи, Тамбовским губернским предводителем дворянства князем Николаем Николаевичем Чолокаевым в общественную деятельность активно включились представители младшего поколения дворян Давыдовых.⁷⁷ «Братья княгини (Екатерины Васильевны Давыдовой (Чолокаевой) – Д.Ш.) Н[иколай] В[асильевич], Владимир Вас[ильевич] и Вас[илий] Вас[ильевич] [Давыдовы], – писал в мемуарах занимавший в то время пост тамбовского губернатора Николай Павлович Муратов, – были исконные тамбовские помещики Моршанского уезда и потомство их – бесчисленные племянники Чолокаева занимавшие различные казённые должности, составляли ядро очень влиятельной давыдовской партии поддерживавшей Чолокаева и, в свою очередь, поддерживаемой им».⁷⁸

Усилившаяся родственно-соседская группа Чолокаев–семья Давыдовых смогла бросить вызов консервативному губернатору Н.П. Муратову.

Сторонниками группы Чолокаев–Давыдовы выступили их сосед и политический единомышленник, моршанский уездный предводитель дворянства, граф Константин Александрович Бенкендорф, имевший родственников среди высших сановников, член Государственного Совета Владимир Михайлович Андреевский и товарищ председателя 3-й Государственной Думы Владимир Михайлович Волконский.⁷⁹ Н.П. Муратов вспоминал: «Их было четверо: Волконский, Андреевский, Чолокаев и Миша (Юрий Васильевич Давыдов – Д.Ш.), но главным был Миша, державший приманку в своих руках так, чтобы лезла мне в глаза. Ею был граф Б[енкендорф], которого я ни под каким видом не мог пропустить в предводители и которого обкладчики упорно и настойчиво вели, может быть, отчасти и вопреки его собственному желанию».⁸⁰

Неутверждение Н.П. Муратовым по политическим причинам, переизбранного на очередном дворянском собрании 1912 г. моршанским уездным предводителем графа К.А. Бенкендорфа, позволило «давыдовской партии» представить это событие как вмешательство губернатора во внутренние дела дворянской корпорации, мотивировавшееся личной неприязнью.⁸¹ «В[олконск]ий, А[ндреевск]ий, Чолокаев и Миша на все просьбы, обращённые к ним большинством собравшихся дворян, разъяснить, из-за чего горит сыр-бор и что такое натворил гр. Б[енкендорф], – утверждал в мемуарах Н.П. Муратов, – объясняли всё личным недоразумением из-за «непоклона губернаторше», хождением под ручку гр. Б[енкендорфа] с женой Шатова, того самого «врага губернатора», которого он оштрафовал за речь, произнесённую на суде, и какой-то «болтовнёй С[нежко]ва», наговорившего что-то на Б[енкендорфа] под влиянием чувства личного раздражения».⁸²

Губернское дворянское собрание большинством 141 против 72 признало, что губернатор неутверждением графа К.А. Бенкендорфа «коренным образом» нарушил предоставленные законом дворянству права и постановило: «просить

⁷⁷ Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Управл. культ. и архивн. дела Тамб. обл. [и др.], 2007. С. 55, 355, 356.

⁷⁸ Муратов Н.П. Указ. соч. С. 53.

⁷⁹ Там же. С. 6, 357, 358, 368, 372, 374, 381, 382, 407, 417, 418.

⁸⁰ Там же. С. 357, 358.

⁸¹ Там же. С. 8, 9, 367, 375, 376; Давыдов А.В. Давыдов А.В. Надписи к Кулеватовским фотографиям // Земство. 1994. № 4. С. 123, 124.

⁸² Муратов Н.П. Указ. соч. С. 378.

Губернского Предводителя по получении ответа Губернатора, если таковой будет дан по закрытии Собрания принести... объяснение Министру Внутренних Дел с подробным объяснением и мотивами по его усмотрению, а в случае надобности жалобу в Сенат».⁸³ Князь Н.Н. Чолокаев воспользовался предоставленным ему дворянским собранием правом, подав жалобу на действия губернатора Н.П. Муратова в Правительствующий сенат.⁸⁴

В результате Тамбовский губернатор Николай Павлович Муратов «как не сумевший поладить с дворянством был переведён» в Курскую губернию.⁸⁵

Дворяне Давыдовы влияли на постановления Тамбовского губернского дворянского собрания и в дальнейшем. Наибольшее влияние оказывал Юрий Васильевич. Так, несмотря на отклонение собранием предводителей и депутатов дворянства высказанного им предложения о необходимости немедленного устройства лазарета на средства тамбовского дворянства на чрезвычайном губернском дворянском собрании в августе 1914 г., он продолжил отстаивать свою точку зрения и добился принятия дворянским собранием озвученного им мнения.⁸⁶

В феврале 1917 г. экстренное Тамбовское губернное дворянское собрание согласилось с предложениями Ю.В. Давыдова ходатайствовать перед председателем Совета министров об организации посева хлебов, корнеплодов и овощей войсковыми частями на землях местных землевладельцев и поручить специальной комиссии выработать условия на которых могла быть произведена передача посевных площадей армейским подразделениям.⁸⁷

Женская половина тамбовского дворянского рода Давыдовых также приняла активное участие в решении задач вставших перед страной в годы Первой мировой войны. В частности, Софья Николаевна, Екатерина Ивановна и Ольга Николаевна, возглавляя Дамский дворянский комитет, организовали изготовление и доставку для военнослужащих одежды и белья, а также сбор пожертвований на указанные цели.⁸⁸

Итак, тамбовские дворяне Давыдовы активно участвовали в деятельности дворянской корпоративной организации. В первой половине XIX в. они, главным образом, служили по выборам. Наибольший вклад в историю внёс, занимавший пост моршанского уездного предводителя дворянства, Ф.А. Давыдов. Он был первым лицом и хозяином уезда, фактически восполняя отсутствующее уездное звено в местном бюрократическом аппарате. Фёдор Андреевич заведовал как общеадминистративными, так и внутренними делами дворянского общества. Он возглавлял многие уездные учреждения, представлял интересы уезда в губернском рекрутском присутствии и даже располагал некоторой исполнительной властью, исполняя роль уездного «полицмейстера» дворянского общества. Проявляя настойчивость в проведении рекрутских наборов по Моршанскому уезду, Ф.А. Давыдов содействовал укреплению обороноспособности страны. В целом его деятельность на посту моршанского уездного предводителя способствовала становлению института предводителей дворянства.

⁸³ Там же. С. 9, 377, 378; ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9288. Л. 94; Давыдов А.В. Указ. соч. С. 124.

⁸⁴ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9288. Л. 196, 196 об.

⁸⁵ Давыдов А.В. Указ. соч. С. 124; Муратов Н.П. Указ. соч. С. 384, 385.

⁸⁶ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9371. Л. 23 об., 25, 26, 26 об., 32, 32 об., 34, 34 об.

⁸⁷ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9496. Л. 20 об., 21, 75, 75 об.

⁸⁸ Тамбовский край. 1914. 17 сентября; Тамбовский листок. 1914. 28 ноября; 23 декабря; 1915. 4 февраля.

Вместе с тем, Фёдор Андреевич, являясь опекуном малолетнего дворянина Иосифа Романовича Грузинова, сыграл немаловажную роль в судьбе будущего известного поэта и прозаика, внося тем самым вклад в российскую литературу.

В пореформенный период дворяне Давыдовы продолжили сословную службу, выступая в дворянской корпорации сторонниками либерального направления. Они представляли собой образец семейственности, включённый в структуру корпоративной организации дворянства. Усилившая своё влияние к 1910-м гг. семья Давыдовых заставила действовать большую часть тамбовского дворянства в интересах либеральных кругов местного сообщества. Это позволило Давыдовым снять с должности консервативного тамбовского губернатора Н.П. Муратова. Они, служа в дворянской корпоративной организации Тамбовской губернии, приняли активное участие в решении задач вставших перед страной и местным сообществом в годы Первой мировой войны. Вместе с тем, дворяне Давыдовы сохраняли влияние на Тамбовское губернское дворянское собрание вплоть до революции.

Список литературы:

1. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 732. 52 л.
2. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 829. 8 л.
3. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2181. 267 л.
4. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2438. 150 л.
5. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2439. 215 л.
6. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2445. 33 л.
7. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2456. 60 л.
8. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2483. 369 л.
9. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2540. 48 л.
10. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2545. 43 л.
11. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2640. 66 л.
12. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2674. 33 л.
13. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2693. 86 л.
14. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2782. 18 л.
15. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2785. 27 л.
16. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2789. 88 л.
17. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2798. 12 л.
18. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2923. 43 л.
19. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 4437. 132 л.
20. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 6031. 181 л.
21. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9288. 277 л.
22. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9371. 101 л.
23. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9496. 118 л.
24. Давыдов А.В. Давыдов А.В. Надписи к Кулеватовским фотографиям // Земство. 1994. № 4. С. 103-138.
25. Давыдов Н.В. Из прошлого: в 2 ч. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1913. Ч. 1. 432 с.
26. Давыдов Н.В. Из прошлого: в 2 ч. М.: Тип. Печатник, 1917. 321 с.; ил.
27. Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. М.: , Изд-во им. Сабашниковых 1997. Т. 1. 736 с.; ил.
28. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
29. Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Управл. культ. и архивн. дела Тамб. обл. [и др.], 2007. 436 с.
30. Пенькова, О.П. Дворянство Тамбовской губернии (1861-1906). Монография. Тамбов: ОАО ТТ Пролетарский светоч, 2009. 188 с.; ил.
31. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25-39.
32. Тамбовский край. 1914. 17 сентября.
33. Тамбовский листок. 1914. 28 ноября.

34. Тамбовский листок. 1914. 23 декабря.
35. Тамбовский листок. 1915. 4 февраля.
36. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.
37. Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 23 с.

Политическая философия: Учебно-методическое пособие для студентов гуманитарных специальностей.

Political Philosophy: Training manual for humanities students.

Шестов Николай Игоревич
доктор политических наук, профессор
Национальный исследовательский Саратовский государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского, кафедра политических наук
Shestov Nicolai I.
Doctore of Political Sciences, Professor
National Research Saratov State University. NG Chernyshevsky,
Cathedra of Political Science
E-mail: nikshestov@mail.ru

УДК[1:32](072.8)

ББК 87я73

Ш 52

В учебно-методическом пособии в сжатой форме рассматриваются теоретические и методологические аспекты политической философии. Работа издана в авторской редакции

In the teaching tools in a compact form deals with the theoretical and methodological aspects of political philosophy. The work was published in author's edition

ВВЕДЕНИЕ

Программа и структура курса «Политическая философия».

Тема 1. Генезис политической философии (2 часа).

Учебные вопросы:

1. Место политической философии в системе научного знания;
2. Механизм зарождения и специфика основных этапов становления европейского политико-философского знания.

Политическая философия как исторически исходная форма теоретического осмысления политического процесса. История политических учений и политическая философия. Политическая философия и теория политики. Генезис философского знания вследствие политизации человеческих обществ. Потребность в теоретическом осмыслении противоречий между практиками традиционных обществ. Конфликт сакральных представлений и традиции с политической потребностью. Преимущества философствования перед мифотворчеством в деле разрешения этого конфликта. Истоки политической проблематики в античной философии. Выработка принципов и форм политического философствования в античный период.

Политическое содержание средневековой теологии. Институционализация философско-политической мысли в средневековых корпоративных структурах (придворные кружки интеллектуалов, университеты, монашеские братства, цеховые корпорации юристов и теологов, студенческие землячества), еретических движениях. Средневековая «культура совета» и проблема индивидуализации политического философствования. Официальные античные и церковные авторитеты в философии. Философский компонент в творчестве вагантов, трубадуров и бардов. Основная проблематика средневекового политического философствования в Европе. Влияние социальных и государственных традиций организации политической жизни различных средневековых обществ на зарождение национально-государственной специфики политико-философской традиции.

Влияние политических обстоятельств Нового времени на предмет и метод философствования. Открытие Нового Света и развитие европоцентристских представлений о должном и возможном, моральном и аморальном в политике. Проблема отношения к «свободным» морским и континентальным пространствам как результат Великих географических открытий. Реформация, складывание централизованных государств и появление представлений об альтернативных религиозных и светских философских интерпретациях политики. Формирование новой проблематики политического философствования. Философские подходы к проблеме научности политики и политичности науки в Новейшее время. Рационализация политического философствования. Философские основания политических идеологий и философские приемы их легитимации. Консервативное, либеральное и радикальное направления в политической философии. Предметное обособление политической философии как отрасли философской науки: противоречия политического развития, условия и факторы политического развития, место политики в системе культуры, место человека в политике и условия его политичности. Соотношение политической науки и политической философии как способа и средства познания и управления политическими процессами и способа и средства самоопределения человека в меняющемся мире политики. Анализ концепций политики как предмет политического философствования, его сложность в свете постмодернистской парадигмы в науке..

Политическая философия есть теоретическое знание о мотивах, способах, формах и проблемах политического участия человека, о логике политизации человеческих отношений, о тенденциях и противоречиях развития политических процессов и возможностях научного осмысления законов политической жизни.

Тема 2. Функциональность политической философии. (2 часа).

Учебные вопросы:

1. Возможность и необходимость концептуализации политического знания: предпосылки и условия;
2. Аналитические и прикладные функции политической философии;

Общие условия функциональности теоретических представлений о политическом процессе: социокультурные, политические. Недостаточность чисто прикладного понимания функциональности научной теории для характеристики возможностей политической философии. Преимущества и недостатки концептуального понимания политики. Последствия абстрактного теоретизирования в политике. Последствия прагматического запроса на

политическую теорию в современной российской политике: «технологичность» мышления и поведения общества и властных элит в политике, «деидеологизация» политического управления, трудности интеграции страны в глобальные процессы. Функция легитимации и критики политики как специфической сферы человеческой деятельности. Теоретический поиск новых связей и взаимодействий сферы политики с другими сферами человеческой жизнедеятельности. Политичность экономики, политичность культуры, политичность частной жизни, политичность науки. Формирование теоретических парадигм, определяющих восприятие политики: политика как культура, политика как «надстройка» над человеческими практиками, политика как воплощение прогресса, политика как элитарная и публичная практика, политика как антипод культуры. Роль политической философии в дискредитации исторического опыта авторитаризма в мировой политической практике и в легитимации либеральной демократии. Вклад политической философии в осмысление причин, механизмов и вероятных последствий современного глобального кризиса либеральной демократии и особенностей российского демократического опыта. Функция выработки и верификации теоретического инструментария политической науки: уточнение границ предмета, логическая верификация методов исследовательской работы, настройка категориального аппарата, корреляция результатов политических исследований с результатами социологических, экономических и юридических исследований. Обоснование принципов и способов получения достоверного политического знания на основе логических процедур. Функция гражданского воспитания на основании теоретической выработки критериев и эталонов прогресса политичности социума и индивида. Теоретическая поддержка функционирующих политических институтов и концептуальное осмысление их практической деятельности. Философский компонент политической идеологии. Философская дискуссия как форма и инструмент политической борьбы: советский и постсоветский опыт. Особенности сюжетного и методологического пространства современных политико-философских дискуссий.

Тема 3. Политические границы политического философствования (2 часа).

Учебные вопросы:

1. Ограничения в предмете и методе исследования как атрибут научности знания. Формальные и неформальные критерии «политичности» знания.
2. Структура внутренних и внешних социально-политических ограничений политико-философского знания.

Важность понимания границ построения научного суждения для верификации его научности. «Безграничность» религиозного знания и «ограниченность» научного. Факт, опыт, логика как предпосылки возникающих ограничений. Ограниченность результатов научного поиска как источник и стимул саморазвития научного знания. Ограничивающие воздействия предмета исследования на метод и метода исследования на предмет (исследовательская объективность и субъективность). Проявление границ философствования в предметном поле политической науки: деление теоретических проблем на политически актуальные и неактуальные. Ситуации замещения научной актуальности актуальностью политической в структуре теоретических и прикладных исследований. Определение «политичности» знания по принципу происхождения из политической сферы и востребованности в политической сфере.

Процессы политизации и деполитизации неполитических социальных практик и проблема «политологичности» научных исследований неполитической реальности.

Ограничения непосредственные, вытекающие из факта включенности политического философствования в политический процесс. Идеологическая граница политического философствования. Деление интеллектуального сообщества на творцов идеологии и ее критиков, как реакция на противоречие между идеологическим императивом и критической направленностью научного творчества. Идеологические стимулы политико-философского творчества: советский опыт. Возможности выхода теоретических дискуссий за рамки идеологической детерминации вследствие запроса властных элит (реформистских, революционных) на теоретическую легитимацию своих управленческих решений. Политический кризис как формальное и субъективное снятие идеологических ограничений с философствования: конфликт идейной толерантности и классовых, расовых и конфессиональных подходов. Маркировка границ философствования свойствами политического режима. Феномен периодических «всплесков» и «спадов» теоретической политической мысли при авторитаризме и демократии как индикация состояния и тенденций изменения политического режима. «Объективность» и «партийность»: стратегии взаимодействия интеллектуалов с авторитарной и демократической властью (гражданская объективность и субъективность исследователя). Динамические характеристики политического процесса как естественные границы для философствования. Эффект отставания теории от политической практики и его влияние на опредмечивание и распределмечивание политических проблем. Изменение границ политического философствования под влиянием процессов глобализации. Выделение глобальной проблематики в самостоятельное предметное поле научных исследований: преимущества и недостатки этого концептуального решения для развития политической философии. Возможность сжатия предметного поля научных исследований в условиях снижения динамики политических процессов: моменты кризиса политической философии в период «холодной войны». Идея «конца истории» в ее либеральной интерпретации как современное проявление тенденции к сжатию предметного поля в условиях доминирования либеральной теоретической парадигмы. Политический конфликт как позиционирование границ философствования. Актуализация проблематики этнических и конфессиональных конфликтов и террористической проблематики. Возведение в ценность политической традиции как установление границ философствования. Относительность влияния традиционных ограничений на предмет философствования в традиционных и модернизирующихся обществах. Российские политические модернизации, их историческая и структурная специфика как традиционный и инновационный предмет философствования. Политический опыт взаимодействия общества и элит как граница философствования. Проблема политических рисков от циркуляции политико-философских концепций. Адекватность общественного понимания теоретических суждений как политическая граница философствования. Ее совпадение и отличие от культурной границы. Идеология как совмещение культурной и политической границ. «Мировой опыт политики» и «цивилизованная политика»: введение в предметное поле внешних ограничений. Проблема сохранения или изменения цивилизационной идентичности в глобальном политическом процессе как ограничение.

**Тема 4. Научные границы политического философствования (2 часа).
Учебные вопросы:**

1. Парадигмы и концепции как самоограничение политико-философского знания. Научная традиция.

2. Истоки современных парадигмальных и концептуальных ограничений политического знания.

Научно-теоретические парадигмы как формирующиеся и меняющиеся границы философского знания: провиденциалистская, рационалистическая, позитивистская, модернистская, постмодернистская. Ограничивающее влияние предмета исследования. Ограничения, устанавливаемые эволюцией представлений о достоверности научных выводов и достаточности научной аргументации. Комплексное определение границ философствования в понятии «научная традиция». Формирование в XIX столетии представления о науке как безграничном по возможностям инструменте познания и управления. Конфликт этого представления с естественными ограничениями, вытекающими из характера научной традиции. Консерватизм и либерализм как отношение к политико-философской традиции и свойственные им ограничения в позиционировании предмета и метода. Радикализм в политической философии как попытка преодоления естественной (исторической) концептуальной ограниченности либеральной и консервативной политической философии, апеллирующая к безграничным возможностям науки в преобразовании мира. Особенности радикалистского моделирования политической реальности на научных основаниях, отвергающих устоявшиеся подходы. Интерес радикальных политических мыслителей XIX-XX вв. к реформам и революциям, как эксперименту над социально-политической реальностью, аналогичному естественно-научному экспериментированию. Конфликт консервативного, либерального и радикального отношения к научной традиции как предпосылка кризиса позитивистской парадигмы. Осознание политической философией специфики «законов общества» в соотношении с «законами природы». Социально-групповое измерение политического интереса. Превращение позитивистской парадигмы в XX столетии из «верхней» в «нижнюю» (историческую) границу политического философствования. Концептуальная недостаточность позитивизма для анализа логики политического поведения и мышления масс. Обозначение новой «верхней границы»: постановка вопроса о специфической логике социально-политических процессов и специфической политической субъектности человека. Складывание в рамках новой модернистской парадигмы предпосылок для институционализации современной политической науки как самостоятельной области научного знания. Попытки преодоления недостатков позитивистской парадигмы посредством «цивилизационного подхода». Вклад отечественной политической мысли конца XIX и начала XX вв. в формирование «цивилизационного подхода». Преимущества и недостатки цивилизационного подхода как теоретического основания перехода от исторического дискурса к политологическому при анализе современных политических процессов. Последствия методологических поисков отечественной политологии в области теоретического синтеза формационного и цивилизационного подходов: постмодернистская попытка снятия верхней границы политического философствования как таковой. Проблема критериев научности и интеллектуального произвола в свете идеи, что реально все, что человек способен помыслить. История и «исторический» человек в политике как объективное ограничение интеллектуального произвола. Ограничивающее воздействие моральной ответственности на теоретический поиск. Актуализация этих ограничителей теоретического поиска в условиях глобализации и сопровождающих

ее геополитических и этно-конфессиональных конфликтов. Формирование новой верхней границы политического философствования на современном этапе: глобализационная проблематика и новые возможности для использования цивилизационного дискурса.

Ограничивающее воздействие процедур апробации результатов политического философствования. Эффект «запаздывания» научного анализа и недостоверного теоретического прогнозирования. Проблема корректного обращения с теоретическим наследием прошлого. История политических учений как дискурсивное ограничение политического философствования: проблемы построения политологической аргументации и верификации политико-философских суждений.

Тема 5. Выбор стратегии философского обеспечения политологических исследований (2 часа).

Учебные вопросы:

1. Внешние условия выбора стратегии политического философствования
2. Внутренние детерминанты выбора стратегии политического философствования

Оценка эффективности выбора в пользу той или иной концепции в свете принципиальной альтернативности методологического компонента научного знания. Проблема выбора современной российской политической наукой концептуальных приоритетов: преимущества и недостатки в процедурах заимствования «западных» и создания автохтонных теорий. Опасность феномена «железного занавеса» в развитии науки. Влияние потребностей в достижении определенного уровня концептуализации на выбор стратегии развития теоретического основания науки: потребности в реализации функций политического предвидения, управления политическими процессами, легитимации политических намерений и решений. Проблематичность оценки уровня теоретической оснащенности отечественной науки по факту непосредственного применения для политологического анализа заимствованных теоретических схем. Проблематичность оценки уровня теоретической оснащенности по факту применения автохтонных теорий. Уровень адаптации и интерпретации заимствуемых концепций как основание для оценки успехов науки. Абсолютизация в отечественной политической науке автохтонности «западных» политических теорий и «российский след» в истории европейской политической философии XIX-XX вв. Принципиальная трудность и необходимость выявления авторского компонента в интерпретации заимствованных теоретических схем для оценки потенциала российской политической философии.

Феномен «моды на имена» в формировании теоретических оснований исследования. Проблема органичности предмета и метода исследования и осознания исследователем границ приложения теории к фактическому материалу. Актуальные и неактуальные методологии. Проблема научного и политизированного отношения к методологическому наследию. Проявления «моды» и социального запроса в формировании предметного поля современной политической философии: актуальные и неактуальные проблемы.

Особенности связи политико-философских концепций с эмпирической базой. Деление современных политологических исследований на прикладные и теоретические. Конкурирующие философские концепции, как необходимое и достаточное фактическое основание для саморазвития политической философии.

«Историография» теоретических исследований политики как проблема формирования источниковой базы современной политической философии.

Исследовательский выбор модели теоретической аргументации. Аргументация, апеллирующая к политическому факту. Условность категории «политический факт». Связь понимания политического факта с доминирующим теоретическим ракурсом исследования. Аргументация, апеллирующая к научному мнению. Структурные и качественные преимущества политико-философского мнения перед политическим фактом при формировании философского основания исследования. Недостаточность мнения, как научного основания политико-философской аргументации, вытекающая из его статичности.

Тема 6. Факт в политике и политическом исследовании (4 часа)

Учебные вопросы:

1. Политико-философское понимание «факта»
2. «Факт» и «не факт» в политическом исследовании
3. Научное мнение как факт

Факт как основа построения научного суждения и ключевой критерий его достоверности. «Факт» или реальность: что изучает политическая наука? Объективное и субъективное в сущности факта. Факт как научная процедура придания и иерархизации ценности тем частям объективной реальности, которая доступна исследовательскому вниманию. Важность понимания реальности как потенциального факта, пока не получившего научной оценки, для расширения предметного поля политических исследований. Взаимобратная зависимость конфигурации фактуры политического исследования от свойств предмета и метода исследования. Формирование «белых пятен» в политологической картине политических процессов и явлений как следствие зависимости отношения исследователя к наблюдаемой реальности как факту от его исследовательских задач, профессиональной компетентности, политической конъюнктуры, социокультурных табу. Зависимость определения реальности как факта от специфики исследовательских ракурсов, используемых разными науками. «Факт» и «не факт» в истории, социологии, политологии и философии. Различие подходов в определении своей фактуры как определение границ научной компетенции. Связь политологической оценки факта с представлениями исследователя о пространственном и временном измерениях исторического и политического процессов. Исторические факты как предмет внимания политологов. Обнаружение прогресса научного знания в накоплении фактической базы. Относительность такого критерия как следствие относительности связи факта с уровнем его философского осмысления (возможности многократного переосмысления одних и тех же фактов в рамках разных теорий). Проблема репрезентативности фактуры в прикладном и теоретическом политологическом исследовании. Естественное снижение репрезентативности политической фактуры за счет высокой динамики политических процессов: что включать в понятие «фактическая сторона современной политики»? Факт реальный и факт научный (событие и мнение). Научная концепция и научная модель как факты прогресса научного знания.. Политологическое мнение как политический факт (элемент политической процедуры, элемент идеологической системы) и как интерпретация политического факта («историографический» факт).. Объективная уязвимость политологических суждений, имеющих фактической основой научные мнения: эффект запаздывания оценок политической реальности. Уязвимость аналитических процедур,

учитывающих события, но не учитывающих научные оценки этих событий: проблема формирования теоретического ракурса исследования. Политический прогноз как политический факт. Программирование общественного сознания на выбор определенных стратегий и тактик политического развития посредством прогнозирования и сценарирования политических процессов. Идеология как политический факт: идеология как событие (идеологизированные практики) и идеология как выраженное мнение политического субъекта (идеологически ориентированные теории). «Черные дыры» и «белые пятна» в картине политического процесса с позиции соотношения факта и реальности.

Тема 7. Генезис политического сообщества и государства как предмет политического философствования (4 часа).

Учебные вопросы:

1. Политичность и государственность как качественные состояния социальных систем
2. Процесс политизации социальных практик и отношений
3. Политичность и цивилизованность обществ.

Проблема критериев определения «политичности» состояния общественной жизни. Историческая и цивилизационная вариативность таких критериев. Обычай и политическое решение. Причины и условия перехода общества от традиционного к политическому состоянию. Государство как механизм обеспечения приоритета политического решения перед обычаем. Политическое сообщество как условие появления и развития государства. Проблема «гибели государства» и «восстановления государственности». Теоретические и прикладные преимущества и недостатки отождествления или различения политичности общества и его государственной организованности. Смещение политичности и государственности на почве неразличения политики и администрирования. Проблема исходной «точки» анализа политического процесса: переход социума в политическое состояние или переход в государственное состояние? Потребность в теоретической и прикладной корреляции характеристик различных политических сообществ (государственно организованных, с неустойчивой государственной традицией, безгосударственных), участвующих в современном политическом процессе. Исторически известные и современные формы безгосударственной и антигосударственной организации политических сообществ: «военная демократия», союзы племен и кланов, рыцарские ордена и секты, этнические диаспоры, мафиозные структуры, сетевые структуры террористов, казачество и «люди длинной воли», международные организации (Красный крест, Грин Пис). Предпосылки политизации общественной жизни и перехода ее в государственное состояние. Эволюция философских трактовок предпосылок политизации. Провиденциалистская трактовка (политика как дар богов). Мистифицированное отражение процесса политизации общественных отношений в язычестве. Европейский легизм и концепция «священного тела государства». Сакрализация государственных и социальных институтов. Концепция «общественного договора». Развитие в 19 столетии представлений о цивилизованности общества как предпосылке его политичности. Представления об «исторических» и «неисторических» народах. Необходимость конкретизации теоретического ракурса для анализа предпосылок политизации общественного развития. Специфика политологического ракурса. Разделение социальных функций, ресурсов и интересов. Конкуренция интересов, разрушающая обычай. Конкуренция различных

моделей социальной иерархии в результате внешнего завоевания или внутрисоциального кризиса на экономической, религиозной, экологической почвах (элиты и подданные).

Тема 8. Политический прогресс (2 часа).

Учебные вопросы:

1. Исторические подходы к определению меры прогресса социально-политических систем.
2. Аналитические возможности представления о прогрессе как следствии противоречий в развитии социально-политических систем

Представление о логике и механизме политизации общественных отношений как предпосылка философского обоснования политического прогресса. Цель развития как стимул политического прогресса. Современный кризис демократии как кризис цели политического развития. Несовершенство и пороки человека как стимул политического прогресса. Возможность усовершенствования человека средствами политики. Человек как цель политического прогресса. Политическое воспитание человека как мерило прогресса политики. Несовершенство и пороки общества как стимул политического прогресса. Концепции усовершенствования общественного устройства и их эффективность. Противоречия социального развития как стимул политического прогресса. Возможности понимания формулы «обострение противоречий». Возможности и трудности объяснения политического прогресса в рамках синергетической теоретической парадигмы. Противоречия и их разрешения как фактическое обнаружение политики. Переход от неполитического противоречия к политическому. Политизация поло-возрастных противоречий (институт гражданских прав и обязанностей, поло-возрастные ограничения в электоральных процедурах, в правомочности субъектов). Феномен «молодежной политики» как мерило политического прогресса. Политизация сакральных противоречий. Потребность упорядочения связи двух миров и возникновение «мировых» религий. Политическое качество мировых религий. Религиозные противоречия и конфессиональная политика как мерило политического прогресса. Политизация этнических противоречий. Исторический переход от кровнородственной мотивации дихотомии «свой-чужой» к хозяйственной (разделения труда), религиозной и этнической. Национальная политика как мерило политического прогресса. Разрешение религиозных и этнических противоречий в рамках имперской модели политической системы. Перспективы конфликтности в условиях глобализации. Конфликт внутренних и внешних условий организации политических сообществ. Глобализация и прогресс политики.

Тема 9. Упорядоченное и неупорядоченное в политике (4 часа).

Учебные вопросы:

1. Объективные и субъективные основания представлений о порядке
2. Упорядоченность реальная и моделируемая
3. Модернизация и архаизация политической реальности в процессе ее теоретического упорядочения
4. Упорядочивающий потенциал политической науки

Выявление «порядка вещей» в политике как назначение политического философствования. Отражение факта понятности внутренних и внешних связей

внутри объекта и между объектами в категории «упорядоченность». Относительность категории «неупорядоченность», ее объективное и субъективные измерения. Важность данной категории для ориентации исследователя в предметном поле и осознания актуальности проблематики, интересующей его. Наличие связей между объектами и субъектами, доступных пониманию, как предпосылка отношения к политике как упорядоченному или неупорядоченному процессу. Вытекающее из этого различие во взглядах на политический процесс исследователя и обывателя. Проблема допустимости и возможности замещения реальной упорядоченности теоретической моделью, отражающей субъективный уровень представлений исследователя о логике существования политической реальности. Вероятность «навязывания» сознанием исследователя политическим реалиям при помощи теоретических моделей таких закономерностей и связей, которые им не свойственны. Проявление такой вероятности в формационном и цивилизационном подходах как естественное ограничение для их применения в научных исследованиях. Аналитические возможности категорий «формация» и «цивилизация». Моменты неупорядоченности в семантике этих понятий, обеспечивающие их функциональность и потенциал теоретического совершенствования. Хаотичность исторического и политического развития и историческое знание как способ упорядочения знания о современной политике. Представление о политическом процессе как составной части глобального и локального исторических процессов. Проблема корректности исторических аналогий при упорядочении политической реальности. Проблема определения «точки отсчета» при построении цепочки аналогий исторических и политических процессов. Проблема модернизации исследователем исторического факта, включенного в политологическую интерпретацию, и последующего нарушения порядка в исторических представлениях (абerrации исторического факта, возникающие под влиянием политического интереса). Несоответствие «того, что было» и «того, что есть», как естественный источник сомнений исследователей в возможности упорядочить политическую реальность и системно управлять ею. Вытекающее из этого постмодернистское представление о политике как области отношений, в которой «возможно все». Альтернативное представление, что «правильная политика, это политика, выстроенная по историческим образцам. Проявление несоответствий упорядоченности политического опыта и неупорядоченности текущей политики в намерениях подчинить политическое развитие науке. Связь этих представлений с идеологическим потенциалом политических теорий. Политическая теория как способ упорядочения политической реальности. Упорядочивающая функция категорий «политические интересы», «политические ресурсы», «политические субъекты», «политические акторы». Нарастание моментов неупорядоченности в семантике этих понятий вследствие высокой динамичности современных политических процессов и высокого уровня интегрированности политической, культурной и экономической сфер общественной жизни в условиях глобализации. Отражение нарастающей неупорядоченности в концепциях «электронной демократии». Постмодернистский аспект этих концепций. Технологизация политических отношений как попытка «отрыва» современных политических систем от детерминирующего влияния исторического опыта. Проблема последствий распространения этих концепций для сохранения сложившихся порядков взаимодействия государственных и общественных структур, для состояния пространства политических ценностей, политической культуры в целом. Проблема актуальности политической теории в обществах с технологизированной политической сферой.

Тема 10. Политическое пространство и время (4 часа).

Учебные вопросы:

1. Физическое и политическое пространство и время
2. Пространственно-временные характеристики ключевых категорий политической науки
3. Империя и национальное государство: различие пространственно-временных характеристик
4. Возможности моделирования политических пространства и времени и управления ими.

Физические характеристики пространства и времени, их связь с качественными характеристиками физических систем. Специфические (культурные и антропологические) качества общественно-политических систем как предпосылка для политико-философского осмысления категорий «политическое пространство» и «политическое время». Значение этих категорий для исследования динамики политических процессов, определения их масштабов и взаимосвязей. Возможности определения свойств политического пространства по протяженности и плотности связей между субъектами политики. Зависимость политического времени от свойств политического пространства. Внутренняя и внешняя организация политического пространства. Формирование субъектами политики (партиями и движениями, лидерами, элитами и контр-элитами) собственных политических пространств в рамках национально-государственных политических пространств. Гражданское общество и государство как автономные и взаимодействующие политические пространства со специфической внутренней и внешней организацией. Обозначение пространственных характеристик политических процессов посредством категорий политическая система и политический режим. Пространственный аспект семантики понятий «авторитаризм» и «демократия». Тоталитаризм как понятие, характеризующее свойства коллапсирующего политического пространства и ускоряющегося политического времени.

«Национальная государственность» как обозначение минимума положительной динамики политического пространства. Империя как цель развития и исторический оптимум структурирования политического пространства. Различия отношения массового сознания к факторам политического пространства и политического времени в истории национальных государств и империй. Значение понятий «имперская традиция» и «национально-государственная традиция» для обозначения стратегических приоритетов в динамике политического пространства.

«Новый мир»: попытки теоретического конструирования глобальных политических пространств наднационального и надимперского уровня в классических либеральных (И. Бентам) и радикальных (Ж.Прудон) политических концепциях. «Вечный мир» и «абсолютная свобода» как сущностные качества нового структурированного глобального политического пространства. Проблемы утраты опорных точек в политическом времени и пространстве для определения того, где заканчивается конфликт и начинается мир, где заканчивается свобода и начинается несвобода индивида., Уход от актуализации этой проблемы путем замещения в политических теориях устойчивых политических связей экономическими и культурными. Революционный способ такого замещения в политической практике. Революционный способ расширения политического пространства и ускорения хода политического времени. Объективное сужение пост-революционного политического пространства за счет выведения из него

прежних базовых (институциональных и культурных) элементов. Эмиграция как естественный элемент внешней организации революционно преобразованного политического пространства. Проявление сужения пост-революционного пространства в феномене внутрипартийной борьбы и «организованных репрессий». «Мировая революция» и «Соединенные Штаты Европы» как альтернативы национально-государственной и имперской моделям организации политических пространств. Проблема управления политическим временем. Реформы и революции как инструмент ускорения хода политического времени. «Политическое безвременье». Фактор политического времени в современных концепциях «модернизации» и «догоняющего развития» социально-политических систем. Фактор политического времени в генезисе политического лидерства, институализации идеологий, в развитии этно-социальных конфликтов.

Тема 11. Политический дискурс (4 часа).

Учебные вопросы:

1. Современное состояние проблемы «политического «дискурса»
2. Идеологический дискурс и дискурс политической науки
3. Объективные и субъективные основания конструирования политического дискурса.
4. Сущностная определенность и неопределенность политологических понятий.

Отношение к дискурсу как одному из ключевых критериев институализации и социализации научного направления. Дискурсивная основа корпоративной сплоченности исследователей. Множественность трактовок смысла понятия «политический дискурс» в современных отечественных политических исследованиях. Отражение в полисемантизме этого понятия сложности состояния современных научных и политических коммуникаций, различий в формах и способах артикуляции субъектами политики своих интересов. Стремление к разведению научного и идеологического дискурсов как отражение советского опыта отечественных гуманитарных исследований. Ограничивающее влияние на процедуры конструирования исследователем политического дискурса национальной культурной традиции и текущей политической конъюнктуры. Возможность замещения политического дискурса идеологическим. Склонность политологического сообщества России к заимствованию зарубежных дискурсивных практик как отражение стремления преодолеть ограничивающее влияние общественной культурной традиции и идеологической потребности функционирования российской социально-политической системы. Естественные потребности науки и отдельных исследователей в наделении ключевых понятий в структуре своего дискурса уточненными смыслами, порожденные динамикой научного предмета и метода. Необходимость включения процедур совершенствования понятийного аппарата в методологию исследования и опасность формальной подмены этих процедур «игрой терминов» и изобретением новых наукообразных понятий. Адаптация свойств повседневного языка к нуждам политологического описания и проблема разграничения научного и публицистического языков при характеристике политической реальности и вероятность профанации сути политологической и политической проблемы.. Конструирование дискурса в соответствии с характером научной задачи и с учетом международного исследовательского опыта. Проблема конструирования исследовательского дискурса в свете постмодернистской философской парадигмы.

Преимущества и недостатки наделения одного термина несколькими смыслами. Преимущества и недостатки выявления смысла посредством ряда взаимодополняющих терминов. Преимущества и недостатки использования в политологическом дискурсе терминологических эквивалентов. Преимущества и недостатки раскрытия смысла политического посредством метафор. Моменты сущностной неопределенности основных категорий политической науки. Значение такой неопределенности для организации междисциплинарного взаимодействия и взаимопонимания в научном сообществе. Возможности снижения уровня сущностной неопределенности посредством формальных определений. Ограниченность формальных определений «сущности» подвижных объектов политического исследования. Возможности преодоления этой ограниченности при помощи построения ряда взаимосвязанных определений (приближений). Проблема дискурсивной модернизации историко-политических явлений и архаизации проявлений современной политики. Методологическая основа таких манипуляций: представление о политическом процессе как тексте, конструируемом искусственным и естественным порядком. Методологический потенциал представления о политике как разновидности «культурного текста» и дискурсе как инструменте управления конструированием данного текста.

Тема 12. «Политический опыт» и «политическая память» социально-политических систем. (4 часа)

Учебные вопросы:

1. Научный смысл теоретического обособления категорий «политический опыт» и «политическая память» от понятий «исторический опыт» и «историческая память»
2. Основания для отождествления истории и современности на уровне «опыта» и «памяти».
3. «Стратегический запас» в структуре политических «опыта» и «памяти»
4. Прикладная функциональность категорий «политический опыт» и «политическая память»

Возможность в приложении к исследованию современных политических сообществ выделить их «политическую память» в структуре «исторической памяти» и «политический опыт» в структуре «исторического опыта». Практический смысл данной аналитической процедуры: 1) объяснение феномена «политического беспамятства», пренебрежения политической традицией в практике современных социально-политических систем, обладающих значимым историческим опытом государственного и социального развития; 2) объяснение интереса одних народов, сталкивающихся с политическими проблемами, к максимально широкому освоению исторического опыта своих соседей.

Современное обыденное и научное восприятие исторического опыта социумов преимущественно как опыта политического. Воспроизводство такого ракурса в образовательных системах, в художественном творчестве (историко-политические сюжеты в живописи, театре, литературе и поэзии). Причины: 1) свойства исторической памяти социума, концентрирующейся на политике как источнике угроз и вызовов для традиционного порядка жизни; 2) политичность происхождения и содержания исторических источников, к которым обращаются массовое сознание и наука и на которых выстроено современное историческое знание; 3) преимущественная востребованность знаний о достижениях и просчетах политики в современных процедурах взаимодействия государства и общества; 4)

европейская традиция изучения истории государств, а не обществ как следствие государственной инициативы в организации научных исследований.

Два направления научных попыток уравнивать историческую субъектность государства и общества: создание различных концепций «философии истории», сводящих к общим принципам и формулам историческое развитие обществ и государств, и написание «социальной истории», как знания о саморазвитии социальных структур с ограниченным участием государства.

Научная традиция отнесения к «историческому опыту» знаний о прошлых достижениях и недостатках в развитии социально-политической системы по признаку их современной политической функциональности. Ограничивающее воздействие данной традиции на понимание сути «политического опыта» как того знания, которое востребовано сегодня. Фактическое отождествления опыта с политической конъюнктурой.. Тактическая и стратегическая составляющие политического опыта. Наличие в составе исторического опыта вообще и политического опыта в частности структурных элементов (знаний), не востребованных текущей политикой или знаний о том, как «делать нельзя». Формирование из этих знаний «стратегического информационного запаса» политики. «Стратегический информационный запас» в структуре политического опыта как ресурс мотивов возрождения политической традиции, ресурс мотивов согласия на использование либо отказа от использования положительного политического опыта других социально-политических систем, ресурс социально-политического мифотворчества и идеологического творчества.

Преимущества и недостатки научного понимания ситуаций обращения социально-политических систем к их «стратегическому информационному запасу» как архаизации политики и свидетельства неспособности этих систем к прогрессу. Ограниченность теоретического и социального смысла научных трактовок, отождествляющих воспроизводство социально-политической системой своего политического опыта с ее прогрессом. Возможность понимания прогресса социально-политической системы как способности составляющих ее институтов и индивидов дифференцированно и комбинированно (сообразно потребности текущей политики, своим идеологическим императивам, геополитическим расчетам) использовать стратегический и тактический компоненты «политического опыта». Необходимость выделения категории «политическая память» как теоретического инструмента для характеристики способности социально-политической системы дифференцированно подходить к использованию во внутренней и внешней политике своего исторического опыта, способности вычленять из истории политический опыт и его актуализировать. Возможности использования категории «политическая память» для анализа противоречий между современными и историческими основаниями самоидентификации социально-политической системы (самоидентификация демократической системы по имперским признакам, применение религиозных маркеров в структуре идеологической и политико-мифологической идентификации светских систем).

Эффективность категории «политическая память» для анализа феномена избирательного подхода этнических групп к фактам своей истории как ресурсу для построения политических идентичностей, для анализа ситуаций отождествления исторических проблем этноса с современными политическими.

Тематика семинарских занятий (36 часов).

Тема 1. Концепт «власть» в современных политологических исследованиях (4 часа).

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Основные определения концепта «власть» и их аналитический потенциал
2. Исследовательские контексты рассуждений о «власти»
3. Политико-философские выводы из теоретической дешифровки концепта «власть»

Доклад:

Философия «российской власти»

Методические рекомендации: Материалом, который позволяет проследить современное состояние научной расшифровки концепта «власть» и некоторые вариации его смыслового наполнения, являются публикации ведущих политических и социально-гуманитарных научных журналов, таких как «Политические исследования», «Социологические исследования», «Общественные науки и современность», «Власть», «Вестник Московского университета», «Вопросы философии», «Свободная мысль – XXI». Следует обратить внимание на то, что существует ряд доминирующих подходов к определению концепта «власть». Это «власть» как административно-управленческий аппарат, как функция правящей элиты (Н.Корольков, Е.Цветкова, С.Фролов П.Симуш), «власть» как социально-политическая структура, которая способна реализовать определенную стратегию развития государства и поддерживать баланс сил во внутренней политике (Е.Ясин и В.Ломов), «власть» как высшая инстанция, высшее состояние отношений господства и подчинения (В. Шрейдер), «власть» как властные органы, предназначенные для решения конкретных задач (О.Бельков), «власть» как ментальная категория (В.Б.Пастухов, В.Попов), «власть» как социальное тело (А.В. Дахин), «власть» как голая абстракция (В.К.Мокшин).

Из приведенных позиций современных российских аналитиков видно, что базовое для их рассуждений толкование концепта «власть» однозначно привязано не столько к какой либо известной ныне политологической или исторической теории, сколько к свойствам конкретного исследовательского текста. Поэтому для понимания предпосылок появления таких расшифровок концепта «власть» необходимо выявить научный контекст теоретических рассуждений о «власти».

Контекст теоретических рассуждений о «власти».

Следует обратить внимание на такие контексты раскрытия природы властных отношений, как анализ принципа действия властного механизма. (В. Мокшин), политика манипулирования приоритетными политическими понятиями (П.Симуш), легитимность и эффективность (В.Ломов), контекст психоаналитических рассуждений по поводу российской ментальности (В. Попов), контекст феноменологического анализа (А.Дахин), в контекст рассуждений о политической мифологии прошлого и настоящего (Л.Е. Бляхер и Т.Л. Огурцова). Особый контекст исследованию природы «власти» создает исследование феномена «партии власти» на фоне общероссийских тенденций партийного строительства. В.Я. Гельман рассуждает о «власти» в связи с видимой им в российской политике ситуацией «бесформенного плюрализма». Ю.С. Пивоваров исторической необходимостью обосновывает необходимость такого института как «партия власти».

В третьем из поставленных вопросов необходимо обратить внимание на то, как определения феномена власти и контексты этих определений детерминируют

постановку вопроса о будущем политического развития России. Перспективой видится некая альтернатива существующей власти (И.И. Глебова) в виде различных гражданских инициатив. В. Ломов высказывает надежду, что чем дальше, тем больше власть будет в России концентрироваться в институтах непосредственной демократии – местном самоуправлении, общественных региональных организациях. Сходную позицию занимает В. Шрейдер, утверждая, что для дальнейшего развития российского государства необходим баланс интересов между обществом и властью, совпадение диспозиций профессиональной экспертизы (властных структур) и общественного интереса. Возвращение к харизматичным началам в образе лидера на примере В. Путина – появление движения «идущие вместе», отмечают Л.Я. Бляхер и Т.Л. Огурцова. По мнению С. Гаврова, у России есть два варианта развития: или имперское, идеократическое прошлое, или буржуазное, динамичное будущее. Обратите внимание, что большинство исследователей отмечают такой фактор определения качества «власти», как российский архетип, российский менталитет.

Литература:

Корольков Н., Цветкова Е., Фролов С. Обладает ли российская элита созидательным потенциалом?// *Власть*, 2005 г. №7. С.74-83

Симуш П. Демократический проект: почему потерпел фиаско?// *Власть*, 2005 г. №8. С.14-20

Ясин Е. Модернизация или разрушение// *Власть*, 2005 г. №8. С. 10-13

Ломов В. Региональная власть: оценка легитимности и эффективности// *Власть*, 2006 г. №4. С. 51-58

Шрейдер В. Социальная политика как ступени взаимодействия// *Власть*, 2006 г. №3. С.3-9

Пастухов В.Б. Шаг назад, два вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве// *Полис*, 2005 г. №6. С.66-91

Попов В. Тайны русской власти (социально-коммуникативный психоанализ)// *Власть*, 2005 г. №10. С.14-21

Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит// *Полис*, 2006 г. №3. С.29-40

Мокшин В.К. Феномен власти в системе управления советского типа// *Вестник Московского университета. С.18 Социология и политология*, 2004 г. № 4. С.105-118

Мокшин В.К. Феномен власти в системе управления советского типа// *Вестник Московского университета. С.18 Социология и политология*, 2004 г. № 4. С.105-118

Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л. Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности// *Полис*, 2005 г. № 3. С.53-66.

Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»?// *ОНС*, 2006 г. № 1. С.46-58.

Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита// *Полис*, 2006 г. №1. С.12-32

Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы// *Полис*, 2006 г. №1. С.33-44

Гавров С. Необходим ли переход к авторитаризму// *Свободная мысль – XXI*, 2006 г. №1/2. С.80-89

Ледяев В.Г. *Власть. Концептуальный анализ.* М., 2001.

Халипов В.Ф. *Кратология.* М., 2003.

Тема 2. Язык политики (2 часа).

Вопросы:

1. Сущностная специфика и структура языка политики. Язык и дискурс.
2. Политический язык и политическое лидерство
3. Язык переходной эпохи

Доклад:

Архаизмы и новации в языке современной российской политики

Методические рекомендации:

При подготовке первого вопроса постарайтесь выделить общие и различные черты языка политики с языком вообще, как средством повседневной коммуникации индивидов. Проследите связь этих общности и различий с функциями языка и спецификой формируемых при помощи языка «культурных текстов». Обратите внимание, что в любой социально-политической системе институты и процессы не существуют безотносительно к языку и языковым процессам в обществе, элитах, научном сообществе. Язык обычно входит в круг предметов государственного ведения. Интерес политической власти к развитию и качеству языка детерминирован идеологической функцией государства. В научной литературе и публицистике встречаются такие выражения, как "словарь политики", "политическая лексика". Дайте свою интерпретацию этих понятий. Определите свое отношение к наиболее распространенным в современной науке объяснениям причин своеобразия политического языка: идеологическая обусловленность, особые требования к функциональности языка, продиктованные структурой и качеством политического процесса (потребность в убедительности, прежде всего, необходимой для мобилизации субъектов политики, в передаче ценностных ориентаций). Обратите внимание на неоднородность языка политики, его сложное строение. Это строение можно представить двояко: 1) в виде ядра и ряда концентрических кругов вокруг него; 2) в виде ряда уровней, субординированных относительно друг друга. Эти модели дополняют одна другую. Ядром выступает специфическая политическая терминология, комплекс понятий, с максимально однозначным смыслом и минимальным потенциалом усовершенствования этого смысла. В самом ядре языка политики, можно выделить термины, общие для всей (т.е. как внешней, так и внутренней) политики, термины, относящиеся только к внешней политике и только к внутренней политике. Вокруг ядра располагается относительно политизированная лексика, сформировавшаяся в рамках процесса становления литературного языка данного социума. На периферии языка политики, находится лексика, позаимствованная из разных сфер культуры и у разных слоев населения, используемая в целях агитации, разъяснения сути политических мероприятий, в популистских, "пиаровских" и тому подобных целях. Модель вертикального строения языка может быть представлена следующим образом. Верхний уровень занимает документально-официальный язык политической власти, затем идет язык переговоров. Ниже расположены язык политического воспитания и язык политической пропаганды.

При подготовке ко второму вопросу семинарского занятия, обратите внимание на то, что любой политический институт стремится к максимальному контролю над общественным сознанием и поведением. Лидерство выступает во всех социально-политических системах важнейшим средством такого контроля. Политический язык, позволяет лидерам посредством специфических по смыслу понятий и формул прямо манипулировать общественным сознанием и поведением. Политическая аналитика по состоянию и изменениям в политическом языке можно

косвенно судить об эффективности воздействия лидера (как носителя особой политической лексики) на политическую культуру социума. В политической практике, особенно демократической, речевое воздействие часто занимает первенствующее место в политических процедурах, в структуре массовых коммуникаций субъектов политики. Свяжите эту закономерность с характером требований к современному демократическому лидерству, с классификацией типов политического лидерства, с имиджевыми характеристиками демократического лидерства.

При подготовке третьего вопроса обратите внимание на тот момент, что в культуре общества и, в частности, языке политические новации нередко обнаруживают себя раньше и ярче, чем это происходит в политической практике. Этим особенностям касается так называемых переходных эпох (время реформ и революций). Сопоставьте мнения исследователей по поводу того, каким образом «язык революционного подполья» и политическая лексика оппозиционных движений вообще сказывается на «культурной программе» дальнейшего общественного развития. Проанализируйте различные точки зрения современных отечественных и зарубежных исследователей на проблему роли языкового фактора в процессе смены в общественном сознании ориентиров цивилизационного развития в ходе масштабных социально-политических реформ. Выскажите свое мнение относительно научной и политической целесообразности выделения в самостоятельную категорию «тоталитарный язык» проявлений политической лексики советского времени.

Литература:

- Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2001
- Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.
- Козлова Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб, 2000.
- Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006.
- Клемперер В.* ЛТГ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Михеев А.В.* Язык тоталитарного общества // Вестник Академии наук СССР. – 1991. №8.
- Норманн Б.Ю.* Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологи // Язык и культура. Доклады. Киев, 1994.
- Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое М., 1998.
- Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма М., 1998.
- Купина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь, 1999.
- Земская Е.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. М., 1996.
- Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2001.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

- Рейли Д. Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов // Отечественная история. 2001. №5.
- Воробьева О.И. Политическая лексика. Архангельск, 1999.
- Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х М., 2004.
- Гусейнов Г.Ч. Д.С.П.: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М., 2003.
- Актон Дж. История свободы в античности // Полис, 1993, No3
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972
- Демидов А.И. Ценностные измерения власти//Полис, 1996, No3
- Демидов А.И. Понимание в политике // Полис, 1999, No3
- Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Полис, 1999, No4
- Зотов А.Ф. Современная западная философия. М., 2001
- Зубов А.Б., Колосов В.А. Что ищет Россия//Полис, 1994, No1
- Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1990
- Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории//Полис, 1996 No1
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть//Полис, 1997, No6
- Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества//Полис, 1997, No4
- Казанцев А.А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии (Обзор круглого стола)//Полис, 2001, No6
- Камю А. Бунтующий человек. М., 1990
- Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? // Полис, 1996, No6; 1997, No1-2
- Канетти Э. Масса и власть. М., 1997
- Кун Т. Структура научных революций. М., 2002
- Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004.
- Дейк. Т.А. Ван. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
- Ильин М.В. между словами и смыслами . Основания концепт анализа // Принципы и направления политических исследований. М., 2002.
- Климова И.И. Дискурс и его истоки. М., 2000.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Ильин М.В. Политический дискурс // Политология: Лексикон. М., 2007. С.537-544.

Тема 3. «Исторический путь» и «политический выбор» (4 часа).

Вопросы:

1. Проблема «особого исторического пути» в истории европейской и российской политической мысли 19 – первой половины 20 вв.
2. Аналитические возможности и теоретические недостатки концепций «догоняющего развития» и «демократического транзита».
3. Демократия как политический выбор постсоветской России.

Доклад:

.Концепция «догоняющего развития» В.Л. Иноземцева.

Методические рекомендации:

Подготовка к первому вопросу данного семинарского занятия предполагает использование знаний, полученных при изучении базового курса «история политических учений» (части 2 и 3). Обратите внимание на смысловую связь между

политической потребностью европейских государств 19-го века в легитимации своего национально-государственного суверенитета и возникновением политико-философских представлений о национально-государственной истории как воплощении «особого исторического пути» данного народа, воплощении его особых культурно-политических качеств. Подумайте над тем, почему особенный интерес к этой проблеме проявила российская политико-философская мысль, как в данном случае повлияли на этот интерес процессы Великих реформ и рост антисамодержавных настроений в среде интеллигенции. Выделите моменты сходства и различия в характеристике того, что представляет собой «особый исторический путь России» в философских концепциях отечественных консерваторов, либералов и левых радикалов (революционных народников).

При подготовке ко второму вопросу используйте знания, полученные на лекциях по теме «политическое пространство и политическое время». Анализ функциональности концепций «догоняющего развития» и «демократического транзита» постройте в русле выявления соответствия их доктринальных основ современным представлениям о свойствах политических пространства и времени. Дайте свою оценку социально-политическим последствиям применения теории «догоняющего развития» для научных описаний политических процессов в условиях нарастающей глобализации и обостряющейся конкуренции развитых и развивающихся стран за природные ресурсы. Проследите теоретическую связь между научными представлениями о «модернизациях», пережитых Россией за последние три столетия, и идеологическими установками на то, чтобы «догнать Запад» и «вернуться на магистральную дорогу мировой цивилизации». Выскажите свое мнение относительно того, насколько полно концепция «догоняющего развития» способна охарактеризовать противоречия и трудности в отношениях российских общества и власти в период демократических реформ 90-х гг. и в условиях нарастающего экономического кризиса первого десятилетия XXI века. В этой связи оцените аналитический и политический потенциалы понятия «демократический транзит». Выясните, в каком соотношении находятся теоретические представления об общих для всех демократизирующихся стран закономерностях перехода от авторитарных режимов к демократическим и теоретические представления о специфических для каждой страны условиях, проблемах и порядках такого перехода.

Подготовку третьего вопроса начните с анализа того смысла, который различные исследователи вкладывают в понятие «демократия» и который затем транслируется в массовое сознание российских граждан. В связи с этим сформулируйте свое мнение по вопросу о сущности того, что стоит за формулой «демократический выбор России». Демократия для России это уже состоявшийся выбор, это реальность, система укоренившихся институтов и норм политического общежития? Или же пока это не более чем набор по-разному понимаемых разными исследователями, различными элитарными и общественными группами принципов и норм, которые в силу этих противоречий не могут быть прямо приложены к отечественной политической практике и демократия представляет собой проект политического будущего России. Осуществите систематизацию аргументов, имеющих хождение в научно-исследовательской литературе и публицистике в пользу того и другого толкования сути «демократического выбора» России.

Литература:

Демократия и демократизация на рубеже веков / Ин-т мир. Экономики и международных отношений; ответ. Ред. К.Г. Холодковский. М., 2000.

Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив.- М., 2004.

Гориков М.К., Петухов В.В. Перспективы демократии в России : угрозы реальные и мнимые // Социс, 2004.№8.

Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998.

Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.

Колесникова М.И., Борзунов В.Ф. Проблема славянства в русской классической этносоциологии // Вестник МГУ серия 18., 1998.№3.

Макаренко Б. Демократический транзит в России // Мировая экономика и международные отношения, 2004.№11.

Мареев С. Либерализм и демократия о равенстве и справедливости // Свободная мысль XXI , 2005.№12.

Махматов Т.М. Демократия как объективно-исторический образ жизни и способ политической организации общества // Исторический процесс, 2004.№5.

Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии, 1993.№10.

Межуев В. О демократии на достаточном основании // Свободная мысль, 1993.№12.

Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии, 1996.№10.

Фадеев Д.А. От авторитаризма к демократии: закономерности переходного периода // Полис, 1992.№1-2.

Шпакова Р.П. Легитимность и демократия // Полис, 1994.№2.

Зеленко Б.И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопросы философии. 2008. №5. С.3-13.

Ильин М.В. феномен политического времени // Полис. 2005. №3.

Тема 4. Определения «рациональное» и «иррациональное» в политической теории и практике (4 часа).

Вопросы к семинарскому занятию

1. Современное научное понимание «рациональности» и «иррациональности» мышления и поведения политических субъектов

2. Синтез «рационального» и «иррационального» в категории «менталитет»

3. «Рациональные» и «иррациональные» основания современных либерально-демократических институтов и практик

Доклад:

Применение психоаналитических подходов в философском исследованию социально-политической реальности

Методические рекомендации:

При подготовке первого вопроса обратите внимание на те различия, которые присущи политической науке, философии и психологии в определении критериев «рациональности» и «иррациональности» мышления и поведения человека. Сформулируйте то понимание «рациональности» и «иррациональности», которое свойственно именно современной политической науке. Подумайте над теоретическим и практически-политическим смыслом деления всех мотиваций

человеческого поведения в политике на рациональные и иррациональные. Систематизируйте аргументы, с одной стороны, в пользу мнения, что к иррациональному мышлению и поведению в политике человека подвигают свойства самой политики как процесса, а, с другой стороны, в пользу мнения, что иррациональность в мотивах политического участия укоренена в самой природе человека. Используйте эти аргументы в качестве основы для формулировки собственного определения того, что в политической практике современных обществ можно считать рациональным, а что иррациональным.

Подготовку второго вопроса начните с анализа истории дискуссий по вопросу о содержании понятия «менталитет» в отечественной научной литературе (А.А. Вилков). Выделите специфический политико-культурный смысл, который в понятие «менталитет российского общества» вкладывают отечественные политологи. Выделите позиции, по которым можно обособить категорию «менталитет» от категорий «политическое мировоззрение», политическая культура», политическая традиция», политическое сознание». Сформулируйте на основании таких позиций свое мнение о научной функциональности категории «менталитет» и укажите те направления научного поиска, в продвижении которых может помочь использование этой категории. Отдельно систематизируйте те недостатки в исследовании политических реальностей, которые связаны с ориентацией методологии исследования на выявление ментальных установок мышления и поведения современных субъектов политики.

При подготовке третьего вопроса обратите внимание на то влияние, которое на наше современное восприятие смысла и назначения демократических институтов и процедур оказывает либеральная традиция западноевропейской политической философии. Либеральным теориям свойственно представление о демократии как предельном институциональном, идейном и ценностном воплощении рациональности в политике и об авторитаризме как олицетворении политической иррациональности. Используйте для характеристики и критики этой традиции свои знания по курсу «История политических учений». Выделите наиболее весомые с Вашей точки зрения аргументы в современных теоретических исследованиях проблем демократизации, которые могут быть использованы для доказательства или опровержения такого традиционного подхода. Обратите внимание на то, что в годы «холодной войны» взаимные обвинения в рациональности или иррациональности идейных основ политики были важным моментом в исторической конкуренции двух моделей современной демократии – советской и либеральной. Выясните, какую роль в обосновании иррациональности советской модели демократического развития и всей программы социалистического строительства, а также в обосновании рациональности «демократического выбора» для современной России сыграла концепция «тоталитаризма»

Литература:

- Барулин В.С.* Социально-философская антропология. М., 1994.
Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.
Ильин М.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.
Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? // Полис. 1996. №6., 1997, № 1-2.
Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
Философия власти / Под ред. В.В. Ильина. М., 1993.
Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1989.

- Замятин Н.Ю. Модели политического пространства // Полис, 1999. №4.
Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1996.
Алексеева Т.А. Джон Роулз и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. №10. С. 26-37.
Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001.
Сартр Ж.-П. Избранные произведения. М., 1991
Френкин А.А. Введение в политическую философию // Полис., 1994. №1.
Курбатов В.М. Магия власти. Ростов н/Д., 1996.
Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997.
Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
Иванов В.А. Политическая психология. М., 1990.
Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д., 1996.
Усовская Э.А. Постмодернизм. М., 2004. Митроценков О.А. Политическая философия. Эпистемология. М., 2005.
Лейбин В. Психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
Гаджиев К.С. заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. №5. С.14-31.
Милль Дж. Стюарт Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.
Фромм Э. Бегство от свободы М., 1991.
Капустин Б. Либеральная идея и Россия. «Проблема Гоббса» // Иное. М., 1995. Т.3. №3.
Земляной С. политическая свобода кроет в себе возможности деспотизма // Политический журнал. 2004. №4.
Самарская Е. Новая свобода и старое равенство // Свободная мысль XXI. 2005. №9. С.126-140.
Гизо Ф. Политическая философия: О суверенитете / Классический французский либерализм: Сборник. М., 2000. С.507-588.
Канарин Г.Ю. К вопросу о российском дискурсе справедливости // Полис.. 2008. №5. С.169-168

Тема 5. «Свобода», «равенство», «рабство» (4 часа).

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Трактовки категорий «свобода», «равенство» и «рабство» в европейском либерализме, консерватизме и радикализме.
2. Свобода равенство и рабство как реализации властного и общественного интересов.
3. Особенности российского понимания «свободы» и «равенства»

Доклад:

Религиозный и бытовой подтексты в политическом требовании «свободы» и «справедливости» и «равенства».

Методические рекомендации:

При подготовке первого вопроса семинарского занятия используйте знания первоисточников, полученные при изучении курса «История политических учений». Наметьте основные этапы эволюции смысла понятий «свобода», «равенство» и «рабство» от Античности (Аристотель, Платон), до Нового времени. Постарайтесь связать свое объяснение смысловых трансформаций с логикой изменений в характере социально-политических процессов в европейской истории.

Обратите внимание, что этот более чем тысячелетний опыт политико-философской рефлексии лег в основание современных научных представлений о смысле и политико-культурной роли перечисленных категорий.

Выскажите свое мнение относительно того, что являлось источником многовековых дискуссий о совместимости или несовместимости «свободы» и «равенства», «равенства» и «рабства». Дайте в этой связи оценку теоретической и прикладной функциональности концепции «тоталитаризма» как одной из последних по времени масштабных попыток преодолеть противоречия в философском осмыслении данных категорий. Выскажите свое отношение к стремлению сторонников концепции «тоталитаризма» установить жесткую связь между формой организации политической власти и качеством политического режима, качеством политического режима и традициями политической культуры данного социума.

В ходе подготовки второго вопроса постарайтесь провести систематизацию собственных аргументов и мнений различных исследователей (возможно отобразить ее в виде таблицы в рабочей тетради) за и против того, что интерес к «свободе», «равенству» и «рабству» как форме и качеству социально-политических, экономических и культурных отношений людей свойственен и обществу, и государству. Выскажите свое мнение относительно существующей уже много столетий в «западной» политической философии традиции связывать стремление индивидов к «свободе» (либерализм) и «равенству» (левый радикализм) с прогрессом социально-политических систем, а стремление к «рабству» с их регрессом. Обратите внимание на обозначившееся в рамках этой традиции различие исследователями двух смысловых значений категории «рабство». С одной стороны, «рабством» именовали присущее древним периодам в истории цивилизованных народов состояние экономических и правовых основ общественно-политической жизни, социальной и государственной организации. С другой стороны, в той мере, в какой европейской политической науке нужны были фактические аргументы в пользу абсолютной ценности и естественности «политической свободы», «рабством» именовали некое противоестественное, враждебное прогрессу состояние политической культуры социума, состояние массового сознания. Выскажите свое мнение относительно того, могло ли и каким образом противопоставление «равенства» и «свободы», «свободы» и «рабства», отождествление стремления к «равенству» со склонностью к «рабству» содействовать становлению современных идеологий консерватизма, либерализма и левого радикализма.

Изучение традиционных особенностей российского восприятия ценностей «свободы» и «равенства» начните с поиска ответа на вопрос: может или нет отношение к «свободе» и «равенству», или «рабству» быть базовой исторической традицией обществ, проделавших длительный путь эволюции социально-политической системы. Используйте для этого свои знания по курсам «Отечественная история» и «История политических учений» (часть 3). Обратите внимания на свойственную российской философской мысли тенденцию связывать приверженность русского человека ценностям «свободы» и «равенства» с уникальными свойствами «национального духа» и особенностями православной культуры. Подумайте, насколько характеристики российского понимания «свободы» и «равенства», выработанные отечественной философской мыслью в XIX столетии, оправдали себя в ходе революционных движений начала XX в. и оправдывают себя сегодня..

Литература:

- Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000.
- Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000.
- Пирогов Г.Г., Ефимов Б.А. Социальная справедливость: генезис идей // Социс. 2008. №9. С.3-11.
- Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. №6. 3-
- Басенко Н.А. Свобода и рабство // Политология. Краткий энциклопедический словарь. М., 1997.
- От абсолюта свободы к романтике равенства. Из истории политической философии / Под ред. М.М. Федотова и М.А. Хевеши. М., 1994. С.50-88.
- Басенко Н.А., Милевская Т.В. Политическая свобода: опыт дискурс-анализа // Актуальные проблемы теории коммуникаций: Сб. науч. трудов. СПб., 2004. С.86-97.
- Пустарников В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2001. С. 107-114.
- Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.
- Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10-12.
- Давыдов Ю.Н. Противоречие между равенством и свободой, реальным и идеальным // Вопросы философии. 1997. №1. С.56-68.
- Егоров И.А. Принципы свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. 2000. №3. С.3-4.
- Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск, 2007.
- Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск, 2007.
- Милль Дж. Стюарт Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.
- Денисов В.В. Диалектика свободы: критерии и приоритеты // Философия и общество. 2000. №4. С.48-64.
- Минюшев Ф.И. Свобода! Но как ею пользоваться // Личность. Культура. Общество. Т.2., 2000. №1. С. 37-48.
- Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
- Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. 1997. №3. С.16-30.
- Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Власть и право. Л., 1991.
- Фромм Э. Бегство от свободы М., 1991.
- Токвиль А. де Демократия в Америке. М., 1996.
- Констан Б. Принципы политики / Классический французский либерализм: Сборник. М., 2000. С.23-192.
- Гизо Ф. Политическая философия: О суверенитете / Классический французский либерализм: Сборник. М., 2000. С.507-588.
- Актон Дж. История свободы в античности // Полис, 1993, №3
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Кудряшов С. Пугало для некрофилов. Критические заметки о доктрине тоталитаризма // Родина. Российский исторический журнал. 20-08. №1. С.23-30.
- Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г. Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество. 2008. №3(51). С.20-31.

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Политико-философское определение понятий «насилие» и «ненасилие».
2. Природа насилия и ненасилия; в политике
3. Моральные и функциональные аспекты политического выбора в пользу насилия и ненасилия;
4. Свойства политической системы как условие выбора в пользу насилия или ненасилия в политической практике;

Доклад:

«Гражданское неповиновение» в структуре современных этно-политических конфликтов

Методические рекомендации:

При подготовке первого вопроса постарайтесь сформулировать свое понимание причин, по которым с античности и до сих пор в понятия «насилие» и «ненасилие» ученые вкладывают различный смысл. Необходимы ли такие универсальные понятия с учетом того обстоятельства, что в жизни обществ насилие, например, всегда принимало конкретные и явно различающиеся формы экономического насилия, военного насилия, идейного, административно-правового. Выскажите свое мнение относительно научной функциональности понятия «ненасилие» в процедурах политического исследования с учетом того, что любая политика сопряжена с принуждением индивидов к подчинению властной воле.

Изучение вопроса о природе насилия и ненасилия в политике свяжите со своими знаниями, полученными в курсе «История политических учений». Вспомните, какова была позиция в этом вопросе Н. Макиавелли. Обратите внимание на то, что исторически европейский консерватизм был склонен к поиску источников приверженности людей насилию, либо ненасилию во внутренней природе самих людей, либерализм видел источник этих качеств политической жизни народов в несовершенстве правовых и моральных механизмов ее регламентации, радикализм увязывал происхождение насилия и ненасилия с характеристиками экономической и государственной систем. Выскажите свое мнение относительно возможности сегодня использовать этот разнообразный интеллектуальный опыт европейской политической науки для философского определения сущности и генезиса насилия и ненасилия в практике существования и взаимодействия современных социально-политических систем, во внутренней политике, в международных отношениях, в геополитике.

При подготовке третьего вопроса обратите внимание на то, что любой политический выбор, совершается ли он индивидом или представляет собой позицию социальной группы, всегда имеет очень сложную структуру детерминации. При этом, в большинстве случаев, ключевыми (рамочными) условиями оказываются моральные доводы и доводы практической целесообразности. Проанализируйте позиции современных исследователей относительно возможности преодолеть традиционное для европейской научной мысли противопоставление морали и практической политики на путях демократического транзита и либеральной идеологии. Систематизируйте свои аргументы за и против возможности устранить насилие из политики и сделать ее моральной в результате перехода государства в правовое, а общества в гражданское состояния.

При подготовке четвертого вопроса используйте знания, полученные при изучении курса «Теория политики». В частности, вспомните, что такое политический режим и форма организации власти, и какие между ними

существуют зависимости в рамках политической системы. Обратите внимание, что представление о форме организации политической власти как ключевом факторе, определяющем склонность данной власти к насилию или ненасилию имеет характер традиции европейской политико-философской мысли. Сформулируйте свое отношение к этой традиции с учетом опыта демократического транзита пост-советских политических систем и «западных» либеральных демократий. Выскажите свое отношение к представлению, унаследованному от XIX столетия современной либеральной политической философией, согласно которому «демократии между собой не воюют», что агрессивное поведение демократических систем может быть спровоцировано только необходимостью противостоять «тоталитаризму», а борьба за права и свободы индивида заканчивается там, где начинаются права и свободы другого индивида

Литература:

- Арендт Х.* О насилии // Мораль в политике. Хрестоматия / От вред. Б.Г. Капустин. М., Изд-во МГУ. 2004.
- Вятр Е.* Социология политических отношений. М., 1979.
- Изензее И.* Конституционные права и демократия // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. №6. С.21.
- Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике М., 2004.
- Кравченко И.И.* Введение в исследование политики. М., 1998.
- Соловьев А.И.* Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2000.
- Сорокин П.А.* Современное состояние России // Полис. 1991. №3.
- Тимофеева Л.Н.* Угроза насилия или императив согласия // Власть. 1996. №1.
- Чиркин В.Е.* Власть, ненасилие и социальная справедливость // Советское государство и право. 1991. №1.
- Гусейнов А.А.* Понятие насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. №6.
- Шарп Дж.* Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. №8.
- Шмит К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1.
- Энгельс Ф.* Роль насилия в истории / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.21.

Тема 7. Участие и неучастие в политике (4 часа)

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Критерии определения участия и неучастия человека в политике
2. Особенности политической культуры социума и политическое поведение
3. Оптимальная мера политического участия

Доклад:

Апология политического неучастия

Методические рекомендации:

В процессе подготовки к первому вопросу, поразмышляйте о том, существует ли в принципе возможность (для политически организованных человеческих сообществ) осуществить не формальное, а реальное деление человеческих практик на политические и неполитические? Подумайте, что, в принципе, может привлекать человека в политике и отталкивать от нее? Выскажите свое мнение относительно того, является ли обязательным критерием оценки активности и эффективности политического участия индивида или группы

публичная демонстрация такого участия? Обратите внимание на то, что в разные периоды истории существовали обязательные, но, при этом, совершенно различные общепринятые формы и способы демонстрации политическими субъектами своей активности, либо пассивности, в частности связанные с делением политической сферы на светский и церковный сегменты. Подумайте, какое влияние на выбор индивидом или социальной группой активной, либо пассивной политической позиции оказывают современные иерархии социальных статусов, иерархии экономических возможностей. Насколько, на Ваш взгляд, оправдана политическая активность бизнеса в условиях демократических реформ и соответствующая пассивность рядовых граждан? Выскажите свое мнение относительно того, можно или нет считать критерием оценки политической активности и пассивности граждан функционирование политических партий и общественных организаций, численность людей, вовлеченных в сферу деятельности других институтов гражданского общества. Каким образом, с Вашей точки зрения, на политическую пассивность и активность граждан влияет состояние государственной системы и в какой мере становление правового государства может повлиять на характеристики политического поведения граждан.

Подготовку второго вопроса начните с того, что выберите наиболее приемлемое для себя определение «политической культуры общества», в границах которого Вы будете вести обсуждение проблемы на семинаре. Определитесь с тем, что в структуре российской политической культуры Вы будете считать ее специфическим качеством, а что свидетельством общности с политическими культурами других современных политических сообществ. Подумайте, существует ли возможность осуществить условное ранжирование культурных факторов по степени их воздействия на позицию современного российского гражданина. Оцените значимость для выбора индивидуального и группового стиля политического поведения таких обстоятельств, как приверженность людей религиозным или светским ценностям, этно-культурным традициям, идеологическим и мифологическим установкам. Выскажите свое мнение относительно возможностей современной науки, а также публицистики и современной системы образования повлиять на воспитание гражданской активности, на отношение людей к проблемам политики в целом.

Обратите внимание на то, что именно усилиями науки и публицистики в общественном сознании формируется некий идеальный образ «достойной гражданской позиции». Этот образ фиксирует меру оптимального на данный момент или на перспективу политического участия, но, одновременно, он включает в себя и элементы исторического опыта взаимоотношений между человеком и государственным механизмом.. Поэтому главная задача подготовки к третьему вопросу семинара состоит в том, чтобы выяснить, что представляет собой сегодня, если он есть, идеальный образ «гражданина» в России, какие качественные характеристики включает в себя этот образ и существуют ли каналы (информационные и на уровне социальных практик), по которым этот образ может систематически внедряться в массовое сознание российских граждан.. важно также выяснить, насколько «стандарт гражданственности», пропагандируемый отечественной наукой и публицистикой, соответствует потребностям развития российского государства, условиям, продиктованным глобализацией. Сравните, в этом плане, ситуацию с гражданской активностью в России и в других странах. Желательно, чтобы дискуссия на семинаре подвела Вас к определению собственной позиции в вопросе: каким образом рост политической активности или рост

политической пассивности российских граждан может сказаться на демократической перспективе нашей страны?

Литература:

- Голосов Г.В. Сравнительная политология. М., МГУ, 1995.
Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. М., 2002.
Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
Большаков В.Ю. Эволюция теории поведения. СПб., СПбГУ, 2001
Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
Гудина Ю.В. Активность российских избирателей: политические модели и практика // Полис. 2003. №1.
Ковлер А., Смирнов В. Демократия и участие в политике. М., 1986.
Сергеева Е. политическое участие и политическая ориентация как объект прогнозирования // Политолог: взгляды на современность. Вып. IX. М., 1996.
Смирнов В. Политическое участие / Политология. Курс лекций. М., 1993.
Политическое будущее России: взгляд из региона. (Серия «Научные доклады». Выпуск 10). Саратов, 2007.
Неретина С.С. Памятка о гражданском обществе // Философские науки. 2008. №7. С.23-38.
Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск, 2006.
Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск, 2007.
Головченко В.И. Идеологический фактор в политической жизни современной России. Саратов, 2007.
Соловьев А.И. Политическая культура / Политология. Лексикон. М., 2007. С.365-382.

Тема 8. Имперская и национально-государственная идеи (4 часа)

Вопросы к семинарскому занятию:

1. Государственный порядок как идея.
2. «Идеологии» имперской и национально-государственной форм организации политической жизни.
3. Перспективы имперского и национально государственных принципов организации в условиях современной глобализации.

Доклад:

«Национальная идея» в современной России

Методические рекомендации

При подготовке первого вопроса семинара используйте знания, полученные при изучении курса «История политических учений» (части 1,2 и 3). Подумайте, что побуждало мыслителей прошлого, особенно консервативно настроенных, искать доказательства в пользу представления о государстве как высшей идее, определяющей весь смысл человеческого существования. Обратите внимание на связь этой теоретической позиции с теми процессами размежевания сфер политического влияния религиозных и светских государственных институтов, которые происходили в Европе в 18-19 вв. Попробуйте систематизировать аргументы авторитетных мыслителей прошлого и свои собственные аргументы за и против теоретической и практически-политической интерпретации государственного порядка как высшей идеи. При анализе теоретических и практических последствий интерпретации государственного порядка как идеи

обратите внимание на те возможности, которые данный подход открывал перед леворадикальной политической мыслью в плане конструирования на научной основе планов усовершенствования государственного порядка, альтернативных исторически сложившимся традициям государственного общежития. Подумайте, какими могут быть сегодня плюсы и минусы для демократического процесса в России, если средствами науки и массовых коммуникаций в массовом сознании будет насаждаться отношение к государству как высшей идее, легитимирующей весь комплекс социальных практик.

Второй вопрос семинарского занятия подразумевает необходимость изначально уточнить тот смысл, который в понятие «идеология» будут вкладывать участники семинарского занятия. В данном случае уместным было бы понимание «идеологии» как согласованного между основными субъектами политического процесса видения перспективы развития всей социально-политической системы, целей и форм своего участия в политическом процессе. В этом ракурсе имеет смысл проанализировать общие принципы организации политической жизни в имперской и национально-государственной системе в качестве определенной программы развития данной социально-политической системы в будущем. Попробуйте в ходе подготовки к семинарскому занятию осуществить самую общую систематизацию и сравнение основных принципов организации политической жизни в имперской и национально-государственной системах. С учетом полученного результата сформулируйте свое видение причин, по которым исторически национально-государственная система организации сменяет имперскую, но в структуре идеологии национально-государственной системы в большинстве случаев присутствуют элементы имперского опыта, легитимирующие существование этой системы. Подумайте,

Литература:

Порус В.Н. Имперское сознание ... после империи? (размышления над книгой В.К. Кантора) // Вопросы философии. 2008. №9. С.125-134.

Сендеров В.А. Русская империя против русского национализма // Вопросы философии. 2008. №9. С.135-139.

Кузнецов А.Г. Национальное государство в условиях глобализации: перспективы развития // Перспективы политического развития России. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 19-20 апреля 2007 г. Саратов, 1007. С.184-186.

Александров-Деркаченко П. Государство и федерация // Свободная мысль. 2008. №10. С.87-102.

Мариносян. Х.Э. Национальное самосознание в эпоху глобализации // Философские науки. 2008. №7. С.9-22.

Вестов Ф.А. Этапы формирования понятия института правового государства. Саратов, 2008.

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.

Тема 9. Политические атрибуты цивилизации (4 часа)

Вопросы к семинарскому занятию

1. Политико-философский смысл понятия «цивилизация»;
2. Деление цивилизаций на «восточные» и «западные» по политическим признакам;

3. Демократичность и цивилизованность в условиях современной глобализации.

Доклад:

Государство как атрибут цивилизации

Методические рекомендации:

Цивилизационный подход является сегодня наиболее распространенным в ряду тех, которые используются гуманитарными науками для изучения ретроспективы, современного состояния и прогнозирования будущего социально-политических процессов. Начните подготовку к семинарскому занятию со сравнительного анализа тех смыслов, которыми разные гуманитарные науки обычно нагружают понятие «цивилизация». Общим результатом работы на семинаре должно быть понимание специфического смысла понятия «цивилизация» в структуре политологического текста, особенностей его научного применения в прикладном исследовании. Для этого необходимо, используя предложенные в списке литературы научные публикации, выяснить в связи с какими проблемами и в соотношении с какими понятиями политической философии употребляется понятие «цивилизация». Попытайтесь сформулировать собственное определение «цивилизации», которое на ваш взгляд отвечало бы особенностям предмета и метода политической науки.

При подготовке второго вопроса обратите внимание на то, что в исторической науке, философии и культурологии существует традиционное деление всех мировых цивилизаций на «восточные» и «западные», унаследованное от 19 столетия. Используйте свои знания по курсу «История политических учений» для того, чтобы выяснить: когда и почему возникла такая традиция и каков был ее изначальный политический и философский смысл. Обобщите те политические атрибуты, по которым в прежнее время определяли принадлежность той или иной социально-политической системы к восточному или западному мирам. Выскажите свое мнение относительно того, насколько такое деление выглядит оправданным с точки зрения современных тенденций глобализации, включающей и унификацию режимных и институциональных характеристик демократических систем.

В ходе подготовки третьего вопроса обратите внимание на те различия, которые разные общества вкладывали и сегодня вкладывают в понятие «демократизация». Выделите позиции, по которым можно определить специфику российского понимания «демократизации» и ее антипода – «авторитаризма». Попытайтесь дать собственное объяснение тому факту, что сегодня демократичность или недемократичность становятся одним из ключевых критериев при расстановке политических сил в международных отношениях и при определении приоритетов геополитики.

Литература:

Курсанова А.И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. 2008. №3(51). С.32-43.

Дамье В.В. Тоталитарные тенденции в XX веке // Мир в XX веке. М., 2001. С.53-105.

Согрин В.В. Образование Североамериканского государства: новое прочтение // Новая и новейшая история. 2002. №1. С.18-34.

Малинова О.Ю. Проблема соотношения политики и морали в философии Ханы Арендт. Полис. 2003. №5. С.98-109.

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. М., 2001. №4. С.5-60.;

2002. №2. С.5-73.; 2002. №3. С.5-73.; 2003. №2. С.5-42.; 2003. №3. С.5-57.; 2004. №1. С.5-44.; 2004. №4. С. 3-44.; 2005. №4. С. 5-29..; 2006. №2. С.20-67.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Лесков Л.В. Футуросинергетика западной цивилизации // Общественные науки и современность. 1998. №3. С. 149-160.

Шварценбергер Дж. Политическая власть. Изучение мирового общества // Социально-политический журнал. 1997., №6. С. 169-182.

Каньшиев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. Спб., 2004.

Идея пути и пути идеи: размышления о генеалогии тоталитарных систем // Вопросы философии. 2005. №9. С.168-272.

Емельянов-Лукуянчиков М.А. Концепция «племенизма» К.Н. Леонтьева в цивилизационной историософии XIX- XX веков // Вопросы истории. 2004. №9. С.120-132.

Денисовский Г.М., Козырева П.М. политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М., 2002.

Берлин И. Философия свободы. М., 2001.

Уолц К.Н. Человек, государство и война: теоретический анализ // Социально-политический журнал. 1997. №5. С.198-220.

МЕТОДИКА НАПИСАНИЯ ДОКЛАДОВ И РЕФЕРАТОВ

Реферат представляет собой доклад на определенную тему, включающий обзор соответствующих литературных и других источников или изложение сути книги, статьи, исследования, а также доклад с таким изложением.

Реферат - это сокращенный пересказ содержания первичных источников (или их части) с основными фактическими сведениями и выводами.

Написание реферата практикуется в учебном процесс в целях приобретения студентом необходимой профессиональной подготовки, развития навыков самостоятельного научного поиска: изучения литературы по выбранной теме, анализа различных источников и точек зрения, обобщения материала, выделения главного, формулирования выводов и т.п.

С помощью рефератов студент глубже постигает наиболее сложные проблемы курса политологии, учится лаконично излагать свои мысли, правильно оформлять работу, докладывать результаты своего труда. Подготовка рефератов способствует формированию политической и правовой культуры у будущего специалиста, закреплению у него знаний о механизмах функционирования политической системы, о своих правах, возможностях и обязанностях в этой области, развитию умения самостоятельно анализировать многообразные общественно-политические явления современности, вести научно-обоснованную полемику по вопросам политической жизни

Процесс подготовки реферата включает в себя:

- выбор темы;
- подбор литературы и иных источников, их изучение;
- составление плана;
- написание текста работы и ее оформление;
- устное изложение реферата.

Рефераты пишутся по наиболее актуальным темам. В них на основе тщательного анализа и обобщения научного материала сопоставляются различные

взгляды авторов, изложенные ими в научной литературе и определяется собственная позиция студента с использованием соответствующих аргументов.

Темы рефератов должны охватывать и дискуссионные, проблемные вопросы политической науки. Они призваны отражать передовые научные идеи, обобщать тенденции политической жизни.

Рекомендованная в планах семинарских занятий тематика примерна. Поэтому студент при желании может сам предложить ту или иную тему, согласовав ее предварительно с руководителем семинара. Работу над рефератом следует начинать с общего ознакомления с темой путем прочтения соответствующего раздела учебника, конспектов лекций. После того как общее представление о теме сложилось, студенту следует изучить литературные и иные источники, рекомендованные преподавателем.

Однако круг этих источников не должен связывать инициативу, студента. Он может использовать работы, самостоятельно подобранные в результате изучения библиографии. Особенно внимательно необходимо следить за новой литературой по избранной проблематике, в том числе за статьями в журналах «Полис», «Общественные науки и современность», «Государство и право», «Социально-гуманитарные знания», «Свободная мысль» и т.п.

В процессе изучения литературы рекомендуется делать конспекты, выписки, постепенно группируя и накапливая теоретический и фактический материал.

План реферата должен быть составлен таким образом, чтобы раскрывал название работы.

Реферат, как правило, состоит из введения, в котором кратко обосновывается актуальность, научная и практическая значимость избранной темы, основной части, содержащей суть проблемы и пути ее решения, и заключения, где формируются выводы, оценки, обобщения и предложения.

Внимание в реферате акцентируется на новых сведениях, определяется целесообразность обращения к тем или иным проблемам, книгам, статьям и т.п.

Изложение материала должно быть кратким, точным, последовательным. Необходимо употреблять термины, свойственные данной науке, избегать непривычных понятий и символов, сложных грамматических оборотов. Термины, отдельные слова и словосочетания допускается заменять принятыми текстовыми сокращениями, смысл которых ясен из контекста. Рекомендуется включать в реферат схемы и таблицы, если они помогают раскрыть основное содержание проблемы и сокращают объем реферата.

Объем реферата - от 8 до 12 машинописных страниц или 15-25 страниц написанного от руки текста.

На титульном листе студент указывает название вуза, кафедры, полное наименование темы реферата, свою фамилию и инициалы, а также ученую степень, звание, фамилию и инициалы научного руководителя, дату написания работы.

Особое внимание следует уделить оформлению справочного аппарата и, прежде всего, подстрочных сносок (внизу страницы, под чертой). Сноска должна быть полной: с указанием фамилии и инициалов автора, названия книги, места и года ее издания, страницы, с которой взята цитата. Для статей из журналов, сборников указывают фамилию и инициалы автора, название статьи, затем название журнала или сборника статей с указанием года издания и номера (или выпуска) Для газетной статьи кроме названия и года издания указывают так же дату. (Подробнее описание сносок смотри в разделе «Примерные образцы библиографических описаний»)

Текст полностью написанной и оформленной работы подлежит тщательной проверке. Ошибки и опiski как в тексте, так и в цитатах и в научно-справочном аппарате отрицательно сказываются на оценке.

Содержание реферата студент должен докладывать на семинаре, кружке, научной конференции. Предварительно подготовив тезисы доклада, студент в течение 7-10 минут должен кратко изложить основные положения своей работы. Свободное изложение значительно улучшает восприятие материала слушателями. После доклада автор отвечает на вопросы своих однокурсников и преподавателя. Затем выступают оппоненты, которые должны заранее ознакомиться с текстом реферата и подготовить рецензию, в которой отмечаются его сильные и слабые стороны. На основе обсуждения написанного реферата и выступления по этой теме студенту выставляется соответствующая оценка.

Перечень основной и дополнительной литературы.

Примечание: Основная и дополнительная литература указана в предыдущем разделе по темам семинарских занятий.

В качестве учебных пособий рекомендуются:

Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.

Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.

Учебно-методическая литература, соответствующая рабочей программе (изданная в течение последних пяти лет)

Корольков Н., Цветкова Е., Фролов С. Обладает ли российская элита созидательным потенциалом?// Власть, 2005 г. №7. С.74-83

Симуш П. Демократический проект: почему потерпел фиаско?// Власть, 2005 г. №8. С.14-20

Попов В. Тайны русской власти (социально-коммуникативный психоанализ)// Власть, 2005 г. №10. С.14-21

Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит// Полис, 2006 г. №3. С.29-40

Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»?// ОНС, 2006 г. № 1. С.46-58.

Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита// Полис, 2006 г. №1. С.12-32

Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы// Полис, 2006 г. №1. С.33-44

Ломов В. Региональная власть: оценка легитимности и эффективности// Власть, 2006 г. №4. С.51-58

Шрейдер В. Социальная политика как ступени взаимодействия// Власть, 2006 г. №3. С.3-9

Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л. Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности// Полис, 2005 г. № 3. С.53-66

Гавров С. Необходим ли переход к авторитаризму// Свободная мысль – XXI, 2006 г. №1/2. С.80-89

Ильин М.В. Политический дискурс // Политология: Лексикон. М., 2007. С.537-544.

Марева С. Либерализм и демократия о равенстве и справедливости // Свободная мысль XXI, 2005. №12.

Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. 2005. №3.

Митроценков О.А. Политическая философия. Эпистемология. М., 2005.

- Гаджиев К.С.** заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. №5. С.14-31.
- Миль Дж. Стюарт** Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.
- Самарская Е.** Новая свобода и старое равенство // Свободная мысль XXI. 2005. №9. С.126-140.
- Канарш Г.Ю.** К вопросу о российском дискурсе справедливости // Полис.. 2008. №5. С.169-168
- Пирогов Г.Г., Ефимов Б.А.** Социальная справедливость: генезис идей // Социс. 2008. №9. С.3-11.
- Солнцева С.А.** Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. №6. 3-
- Мизес Л. фон.** Либерализм. Челябинск, 2007.
- Спенсер Г.** Личность и государство. Челябинск, 2007.
- Миль Дж. Стюарт** Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006.
- Кудряшов С.** Пугало для некрофилов. Критические заметки о доктрине тоталитаризма // Родина. Российский исторический журнал. 2008. №1. С.23-30.
- Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г.** Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество. 2008. №3(51). С.20-31.
- Голль Шарль де.** На острие шпаги. М., 2006.
- Неретина С.С.** Памятка о гражданском обществе // Философские науки. 2008. №7. С.23-38.
- Мизес Л. фон.** Бюрократия. Челябинск, 2006.
- Мизес Л. фон.** Либерализм. Челябинск, 2007.
- Соловьев А.И.** Политическая культура / Политология. Лексикон. М., 2007. С.365-382.
- Порус В.Н.** Имперское сознание ... после империи? (размышления над книгой В.К. Кантора) // Вопросы философии. 2008. №9. С.125-134.
- Сендеров В.А.** Русская империя против русского национализма // Вопросы философии. 2008. №9. С.135-139.
- Александров-Деркаченко П.** Государство и федерация // Свободная мысль. 2008. №10. С.87-102.
- Мариносян. Х.Э.** Национальное самосознание в эпоху глобализации // Философские науки. 2008. №7. С.9-22.
- Вестов Ф.А.** Этапы формирования понятия института правового государства. Саратов, 2008.
- Хаген М. фон.** История России как история империи: перспективы федералистского подхода / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005.
- Курсанова А.И.** Хантингтон С. о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. 2008. №3(51). С.32-43.
- Гринин Л. Е.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. М., 2001. №4. С.5-60.; 2002. №2. С.5-73.; 2002. №3. С.5-73.; 2003. №2. С.5-42.; 2003. №3. С.5-57.; 2004. №1. С.5-44.; 2004. №4. С. 3-44.; 2005. №4. С. 5-29..; 2006. №2. С.20-67.
- Идея пути и пути идеи: размышления о генеалогии тоталитарных систем // Вопросы философии. 2005. №9. С.168-272

- Мотрошилова Н.В.* О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. №6.. С.12-33..
- Изергина Н.И.* Теория органической демократии И.А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. Саранск, 2008.
- Гайдар Е.Т.* Власть и собственность. Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009. Кротков В.О. Генезис и особенности либеральной идеологии в постсоветской России. М., 2008.
- Сыров В.Н.* Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли. М., 2006.
- Челлен Р.* Государство как форма жизни. М., 2008.
- Институты власти в языке, литературе и журналистике России: Сб. науч. трудов. Саратов, 2009.
- Харитонов В.Л.* Власть как форма русской истории и общественной мысли // Российский исторический журнал. 2004. №2. С.3-12.
- Безвиконная Е.В.* Системно-синергетическая модель политической системы // Полис. 2009. №3. 113-124.
- Чихарев И.А.* Масштабы и ритмы демократизации // Полис. 2009. №3. С.54-64.
- Кургинян С.* Теория развития (тупики бытийные и метафизические) // Россия XXI. 2009. №1. С.4-43.
- Мусихин Г.И.* Концептуальная гнеоднородность понятия «суверенитет» (сравнительный анализ взглядов Карла Шмита и ганса Кельзена) // Общественные науки и современность. 2009. №3. С.64-74.
- Алексеенкова Е.С.* Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // Полития. 2009. №1. С.23.
- Галкин А.А.* Власть, общество и политический процесс : российская модель // Полития.. 2009. №1. С.5-22.
- Спиридонова В.И.* Российское и европейское понимание развития демократических ценностей // Философские науки. 2009. №5. С.18-29.
- Вельцель К., Ингелхарт Р.* Как развитие ведет к демократии // Россия в глобальной политике. 2009. №3.. С.8-22.
- Покровский М.* Этические основы политики(Предисловие и публикации) // Россия и современный мир. 2009. №1. С.247-259.
- Глебова И.И.* Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в постсоветской России // Россия и современный мир. 20-09. №1. С.5-25.
- Булдаков В.П.* Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма// Россия и современный мир. 2008. №2. С.5-27.
- Уолцер М.* Глобального политического пространства не существует // Свободная мысль.2009. №2. С.5-16.
- Гапонцев И.* Мировая революция или эволюция миросистемы // Свободная мысль.№3. С.109-120.
- Кожев А.* Понятие власти М., 2007. Расторгуев В.Н. Политика без политиков // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 2009. №4. С.18-30.
- Черепанов В.Д.* Демократия как межвидовая борьба: отечественная политическая традиция // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 2009. №3. С.82-94.
- Киселев Г.С.* «Тайна прогресса» и возможность истории // Вопросы философии.2009. №2. С.3-19.

Новичкова Г.А. Р.Арон о политике и власти // Вопросы философии.2009. №2. С.134-143.

Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. №1. С.59-64.

Перечень средств обучения.

Структура и характер учебного курса не требуют специальных средств обучения. Учебная работа проводится с текстовым материалом.

Экзаменационные вопросы по курсу

«Политическая философия»

1. Место политической философии в системе научного знания;
2. Механизм зарождения и специфика основных этапов становления европейского политико-философского знания.
3. Возможность и необходимость концептуализации политического знания: предпосылки и условия;
4. Аналитические и прикладные функции политической философии;
5. Ограничения в предмете и методе исследования как атрибут научности знания. Формальные и неформальные критерии «политичности» знания.
6. Структура внутренних и внешних социально-политических ограничений политико-философского знания.
7. Парадигмы и концепции как самоограничение политико-философского знания. Научная традиция.
8. Истоки современных парадигмальных и концептуальных ограничений политического знания.
9. Внешние условия выбора стратегии политического философствования
10. Внутренние детерминанты выбора стратегии политического философствования
11. Политико-философское понимание «факта»
12. «Факт» и «не факт» в политическом исследовании
13. Научное мнение как факт
14. Политичность и государственность как качественные состояния социальных систем
15. Процесс политизации социальных практик и отношений
16. Политичность и цивилизованность обществ.
17. Исторические подходы к определению меры прогресса социально-политических систем.
18. Аналитические возможности представления о прогрессе как следствии противоречий в развитии социально-политических систем
19. Объективные и субъективные основания представлений о порядке
20. Упорядоченность реальная и моделируемая
21. Модернизация и архаизация политической реальности в процессе ее теоретического упорядочения
22. Упорядочивающий потенциал политической науки
23. Физическое и политическое пространство и время
24. Пространственно-временные характеристики ключевых категорий политической науки
25. Империя и национальное государство: различие пространственно-временных характеристик

26. Возможности моделирования политических пространства и времени и управления ими.
27. Современное состояние проблемы «политического «дискурса»
28. Идеологический дискурс и дискурс политической науки
29. Объективные и субъективные основания конструирования политического дискурса
30. Сущностная определенность и неопределенность политологических понятий
31. Научный смысл теоретического обособления категорий «политический опыт и «политическая память от понятий «исторический опыт» и «историческая память
32. Основания для отождествления истории и современности на уровне «опыта» и «памяти».
33. «Стратегический запас» в структуре политических «опыта» и «памяти»
34. Прикладная функциональность категорий «политический опыт» и «политическая память»

Вопросы к тестовому заданию

Вариант 1.

1. Возникновение политической философии в античном мире было обусловлено:

- а) Переселением народов;
- б) Возникновением ранних империй
- в) Конфликтом новых полисных и традиционных норм общежития;

2. Основной проблематикой политического философствования в Средние века являлось:

- а) проблемы бытия Бога
- б) соотношение власти и собственности
- в) сакральная предопределенность общественно-властных отношений и природы политической власти

3. Стимулом к развитию традиции светского политического философствования в Новое время было:

- а) Открытие Нового Света
- б) Возникновение идеологий
- в) Развитие рационалистических представлений о политике

4. Разделение политической философии в Европе Нового времени на консервативное, либеральное и леворадикальное направления было следствием:

- а) Общего кризиса капитализма
- б) Конфликта науки и религии
- в) Потребности осмыслить европейский опыт реформ и революций.

5. Легитимация политики политической философией это:

- а) Создание законов политического развития обществ
- б) Оправдание насилия в политике
- в) Формирование образа политики как наиболее эффективного способа решения общественных проблем

6. Критика политики политической философией это:

- а) Отрицание ценности политического участия граждан
- б) Выявление противоречий политики и морали

в) Выявление естественных недостатков политики как способа решения общественных проблем

7. Потребность в поиске политической философией связей политики и других сфер человеческой деятельности обусловлена:

- а) Политичностью всех сфер общественной жизни
- б) Постепенной деградацией политической сферы
- в) Взаимной зависимостью политики от неполитических практик и наоборот

8. Одной из основных функций политической философии является:

- а) Урегулирование политических конфликтов
- б) Теоретическое обоснование политических интересов властных элит
- в) Формирование теоретических парадигм изучения политики

9. В прикладных политологических исследованиях политико-философское знание обеспечивает:

- а) Получение достоверного результата независимо от фактических основ исследования
- б) Междисциплинарность исследования
- в) Логическое обоснование выбора исследователем предмета и метода политологического исследования

10. Политическая философия обеспечивает для идеологии:

- а) Постановку целей социально-политического развития
- б) Формулировку лозунгов для мобилизации единомышленников
- в) Теоретические подходы к обоснованию целей и задач политического развития

11. Ограничением для предмета и метода политического философствования являются:

- а) Наличие широкой эмпирической базы для политико-философских обобщений
- б) Доминирование в структуре науки междисциплинарных исследований
- в) Свойства политической культуры социума в данную историческую эпоху

12. Деление теоретических проблем на актуальные и неактуальные обусловлено:

- а) Частными интересами конкретного исследователя
- б) Наличием достаточной фактической основы для решения проблемы
- в) уровнем философского осмысления прикладного и теоретического значения результатов их решения

13. Идеология для политической философии является:

- а) Препятствием к развитию
- б) Стимулом к поиску новых теоретических подходов
- в) Одновременно ограничителем и стимулом к развитию

14. Высокая динамика социально-политических процессов является:

- а) Стимулом к совершенствованию политико-философского знания
- б) Не влияет на состояние политико-философского знания
- в) Объективно ограничивает возможности фундаментального теоретического осмысления политической реальности

15. Современное доминирование либеральных подходов к проблемам политической практики и науки:

- а) Содействует расширению предметного поля политико-философских исследований
- б) Не влияет на состояние предметного поля политической философии

в) Содействует сужению предметного поля политико-философских исследований

16. Внешними ограничениями для предмета и метода политического философствования являются представления:

- а) О связях политической философии с другими научными дисциплинами
- б) Потребности конкуренции различных научных парадигм в философии
- в) Об «опыте мировой политики и политической мысли»

17. Научно-теоретические парадигмы определяют:

- а) Выбор тематики политико-философских исследований
- в) Конкурентный характер концепций, созданных в их рамках
- в) Основное направление концептуализации политико-философского знания

18. «Цивилизационный подход» в политической философии является

- а) Развитием посмодернистской парадигмы в политической философии
- б) Ответом на вызовы современной глобализации

в) Попыткой преодолеть недостатки позитивистской научно-теоретической парадигмы

19. На уровне концептуализации политико-философского знания сказываются:

а) Потребность развития прикладных направлений научных политических исследований

б) Современные тенденции глобализации

в) Потребности реализации политической философией функции предвидения и управления политическими процессами

20. Практика прямого заимствования зарубежных политико-философских концепций:

а) Обеспечивает устойчивый прогресс политико-философского знания

б) Никак не влияет на состояние политико-философского знания

в) Изначально стимулирует развитие политической философии а в дальнейшем начинает его тормозить

Вариант 2

1. Факт в политической науке это:

- а) Объективная политическая реальность
- б) То, что сам исследователь считает достоверным
- в) Реальность, ставшая объектом научного исследования

2. Что является фактом в структуре политико-философского исследования определяется:

а) Масштабом и значимостью политического явления или процесса

б) Опытными данными

в) Задачами, решаемыми исследователем

3. Показателем прогресса политической науки можно считать

- а) Простое расширение фактической базы исследований
- б) Использование фактов из других областей научного знания
- в) Уровень теоретической интерпретации факта

4. Научный факт

а) Информация, вызывающая доверие

б) Сведения, сообщенные авторитетным специалистом

в) Мнение исследователя, подкрепленное теоретической аргументацией и эмпирическими данными

5. Политический прогноз приобретает значение научного факта тогда, когда:

- а) Подтверждается на практике
- б) Не вызывает критики со стороны специалистов
- в) Подкреплен научной аргументацией, основанной на теоретической интерпретации реальности

6. Политичность состояния общественной жизни определяется:

- а) Развитостью государственных институтов
- б) Наличием представлений о гражданских свободах
- в) Конкуренцией властных интересов индивидов и социальных групп

7. Механизмом обеспечения приоритета политического решения перед обычаями и традициями является:

- а) Гражданское общество
- б) Политические партии и общественные движения
- в) Государство

8. Одной из негосударственных форм политической организации человеческого сообщества в истории были:

- а) Родовые структуры
- б) Территориальные соседские общины
- в) Монашеские рыцарские ордена

9. Одной из важных предпосылок политизации общественных отношений является:

- а) Наличие разработанных правовых основ общественной жизни
- б) Формирование государственных институтов
- в) Разделение социальных функций

10. Важным показателем политического прогресса является:

- а) Усложнение иерархической структуры социума
- а) Усиление авторитарных качеств политической власти
- в) Достигнутый уровень политической культуры рядовых граждан

11. Упорядоченное в политической реальности это:

а) Расположение элементов реальности в хронологической последовательности

б) Наличие у каждого элемента политической реальности своего специфического определения

в) Наличие понятных нам связей в объекте или между объектами

12. Неупорядоченное в политической реальности это:

- а) Политические конфликты и их последствия
- б) Интересы политических субъектов
- в) Те связи внутри объекта или между объектами, которые не выявлены

13. Границы политического пространства определяются:

- а) Государственными границами
- б) Численностью действующих политических субъектов
- в) Протяженностью взаимных связей политических субъектов

14. Характеристики политического времени зависят от:

а) Характеристик физического времени
б) Свойств политического режима
в) Интенсивности протекания политических процессов в социально-политической системе

15. Инструментом ускорения хода политического времени являются:

- а) Политические партии

- б) Принципы организации гражданского общества
- в) Реформы и революции

16. Под определение «политический дискурс» более всего попадает:

- а) Словарь политологических терминов
- б) Понятия, позаимствованные из других наук
- в) Политический текст в совокупности составляющих его терминов, процедур рассуждения и их смыслов.

17. Публицистический дискурс от научного политологического отличает:

- а) Обилие специальных терминов
- б) Наличие критических оценок политической реальности
- в) Построение текста с расчетом на эмоциональные реакции читателя

18. Политический опыт социально-политической системы представляет собой:

- а) Всю совокупность проявлений жизнедеятельности данной системы
- б) Неудачи и просчеты в решении политических проблем
- в) Знание о возможном и невозможном в политике

19. Понятие «политическая память социально-политической системы» обозначает способность политических субъектов:

- а) К критической самооценке
- б) К использованию всего лучшего, что есть в политической теории и практике
- в) Дифференцировать знание о прошлом по уровню его значимости для стратегии и тактики развития системы

20. Свойства политической памяти определяются:

- а) Этнической структурой социума
- б) Уровнем развития массовых коммуникаций
- в) Потребностью социально-политической системы в воспроизводстве своей политической и культурной идентичности

Печатная версия: Шестов Н.И. Политическая философия: Учебно-методическое пособие для студентов гуманитарных специальностей. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. – 54. С. ISBN 978-5-91879-063-3.

Оригинал статьи - URL: <http://www.политуправление.рф/архив/2012/01/shapiro.htm>
Копия - URL: <http://www.pu.virmk.ru/архив/2012/01/shapiro.htm>

Марко Папич

Разъединенные Штаты Европы

Marko Papic

The Divided States of Europe

Шапиро Олег Романович (перевод. с англ),
аспирант ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»,
Глава г. Кирсанова
Shapiro Oleg .R. (translation from English),
Postgraduate student of the Tambov State Technical University, Mayor of Kirsanov
e-mail: post@g37.tambov.gov.ru

УДК 327.7

Ш23

Статья является переводом публикации аналитика Stratfor по Евразии Марко Папича (США), опубликованной 28 июня 2011 года в «*Stratfor Global Intelligence*» Оригинал статьи: URL: <http://www.stratfor.com> (дата обращения 11.09.2011).

Европа по-прежнему охвачена экономическим кризисом. Центром международного внимания 28 июня вновь стали Афины, когда греческие парламентарии обсуждали меры жесткой экономии, требуемые от Греции ее партнерами по еврозоне. Если греки проголосуют против этих мер, то в этот раз Афины не получат экономической помощи, что может создать еще более острую кризисную ситуацию в Европе и во всем мире.

Важно понимать, что причина кризиса не в Греции и даже не в задолженности еврозоны. В конце концов, доля Греции во внутреннем валовом продукте (ВВП) еврозоны составляет всего 2,5%, а бюджетные показатели евросоюза не так уж плохи, если рассматривать их в совокупности. Общие долговые показатели и показатели бюджетного дефицита ЕС лучше тех же показателей Соединенных Штатов – дефицит бюджета США находится на отметке 10,6% от ВВП (сравните с 6,4% Евросоюза) – и все же в центре внимания продолжает оставаться Европа.

Это происходит потому, что суть кризиса состоит в более принципиальном вопросе: как должен управляться европейский континент в 21 веке? Европа вышла из состояния подчиненности, в котором находилась в годы «холодной войны», когда регион представлял собой геополитическую шахматную доску для Советского Союза и Соединенных Штатов. Европа завоевала свою независимость по умолчанию, когда сверхдержавы отступили: Россия отказалась от советских сфер влияния, а США после событий 9/11 переключились на Ближний Восток. С 1990-х годов Европа «баловалась» реформами организационной структуры, но оставляла вопрос политической интеграции без внимания, даже при условии экономического сближения. В конечном счете, вот он, источник нынешнего кризиса государственных долгов – недостаток политического контроля над экономической интеграцией, и вот эта интеграция дала сбой.

Экономический кризис еврозоны поместил этот вопрос о политической судьбе Европы в центр обсуждений, но это повторяющаяся проблема. Приблизительно каждые 100 лет Европа сталкивается с данной дилеммой. Континент страдает от перенаселения, но не людьми, а нациями. В Европе показатель независимых национальных государств на квадратный километр выше, чем на любом другом континенте. В то время как Африка больше по площади и по количеству стран, ни на одном континенте нет такого множества богатых и относительно мощных стран, как в Европе. Так случилось потому, что с географической точки зрения континент имеет рельеф, препятствующий формированию единого политического субъекта. Горные цепи, полуострова и острова ограничивают возможность больших стран доминировать или подчинять себе более мелкие государства. Ни одна река не создает единую речную долину, которая может быть главной на континенте. Дунай близок к этому, но он впадает в практически закрытое Черное море, единственный выход из которого – еще одно практически закрытое море – Средиземное море. Это ограничивает возможность Европы создать независимый субъект, способный сосредоточить в себе мировую мощь.

Однако, в Европе все же есть большое количество рек, удобных транспортных маршрутов и хорошо защищенных портов. Это позволяет концентрировать капитал в ряде точек континента, таких как Вена, Париж, Лондон, Франкфурт, Роттердам, Милан, Турин и Гамбург. Поэтому, хотя у больших армий возникают проблемы с физическим продвижением по континенту и собиранием разных наций под единым управлением, у идей, капитала, товаров и услуг таких проблем нет. Это делает Европу богатой (ВВП континента как минимум равен тому же показателю США, и он мог бы быть больше в зависимости от того, как данная величина рассчитывается).

Однако, то, что делает Европу богатой, разделяет ее. Современные политические структуры и структуры безопасности Европы – Евросоюз и НАТО – были предложены США в целях объединения континента, чтобы быть в состоянии противопоставить какой-нибудь единый фронт против Советского Союза. Эти структуры не стали органичным продолжением континента. Это проблема, потому что Москва больше не является угрозой для всех европейских государств, Германия и Франция, например, рассматривают Россию как делового партнера, и европейские страны сталкиваются с первым вызовом, брошенным общим основам управления на континенте из-за разделения, в результате чего недоверие вновь обретает силу. Более тесное объединение и создание чего-то наподобие Соединенных Штатов Европы выглядит очевидным решением проблем, поставленных кризисом суверенных долгов в еврозоне, хотя проблемы еврозоны множественны, и их не так просто решить с помощью лишь интеграции, а география и история Европы поощряет раздробленность.

Европейская Конфедерация

Европейский Союз – это конфедерация государств, которая использует аутсорсинг (передача традиционных функций государства внешним исполнителям — аутсорсерам, высококвалифицированным сторонним

специалистам или организациям – прим. редакции) изо дня в день, передавая управление политической сферой в руки бюрократии (Еврокомиссии), а управление валютной политикой – европейскому Центробанку. Решение важных политических вопросов, таких как оборона, внешняя политика и налогообложение, остается единственной прерогативой государств. Страны и в настоящее время встречаются на разных уровнях для решения этих проблем. Решения греческой, ирландской и португальской финансовых проблем принимаются всеми государствами еврозоны на специальных собраниях в рамках Евросоюза, равно как и вопрос об участии в ливийской военной кампании. Каждое важное решение требует того, чтобы страны собрались и достигли взаимного соглашения, часто приносящего неоптимальные результаты, являющиеся продуктами компромиссов.

Лучшая аналогия нынешней ситуации в Европейском Союзе найдена не в европейской, а в американской истории. Это период между успешной Революционной войной 1783 года и утверждением Конституции США в 1788 году. В рамках этого пятилетнего периода США управлялись рядом законов, изложенных в Статьях Конфедерации. У страны не было никакого единого руководителя, никакого правительства, никакой реальной армии и никакой внешней политики. Штаты сохранили свои собственные армии, многие имели небольшой прибрежный флот. Они вели внешнюю и торговую политику независимо от пожеланий Континентального конгресса надгосударственного органа, у которого было даже меньше власти, чем имеет нынешний Европарламент (и это несмотря на VI статью в Статьях Конфедерации, где оговорено, что штаты не могут вести внешнюю политику без согласия Конгресса). Конгресс должен был собирать со штатов денежные средства, чтобы финансировать континентальную армию, выплачивать льготы ветеранам Войны за независимость и возвращать займы, которые европейские страны предоставили Америке в ходе борьбы против британцев. Однако штаты отказывались давать Конгрессу деньги, и с этим никто ничего не мог сделать. Конгресс был вынужден печатать деньги, что привело к обесцениванию валюты Конфедерации.

Учитывая такую свободную структуру Конфедерации, потери из-за Революционной войны, в конечном счете, стали непосильны для молодой нации. Реалии международной системы, которые сплотили новую нацию против агрессивных европейских держав, желающих подорвать независимость Америки, вскоре заместились идеалами независимости штатов и ограничили правительство. Оказалось, что бремя проблем безопасности, социальных и политических проблем - слишком тяжелое для отдельных штатов и для не имеющего власти Конгресса.

Ничто не довело эту реальность до человеческого сознания лучше, чем восстание в Западном Массачусетсе под предводительством Дэниэля Шейса в 1787 году. Восстание Шейса было, по сути своей, экономическим кризисом. Обремененные требованиями европейских кредиторов вернуть военные долги Америки, экономические системы штатов развалились, а вместе с ними пострадали и средства многих фермеров к существованию, а

большое количество этих фермеров были ветеранами Революционной войны, и им были обещаны льготы. В отношении сельской бедноты были приняты жесткие меры (в их числе – конфискация земель), чтобы расплатиться с европейскими кредиторами. Восстание Шейса было подавлено без помощи континентального Конгресса, в основном местными вооруженными силами Массачусетса, без какого-либо действительного федерального контроля. Восстание было подавлено, но бессилие Америки стало очевидным для всех, как внутри страны, так и за ее пределами.

Экономический кризис, внутренняя нестабильность и постоянный страх британского контрнаступления – Великобритания не демобилизовала свои форты, находившиеся на американской стороне Великих озер – оказали влияние на штаты, поглощенные идеей независимости, и привели к пониманию необходимости «более совершенного Союза». Поэтому, как нам сегодня известно, образовались Соединенные Штаты Америки. Штаты отказались от прав проводить независимую от других штатов внешнюю и торговую политику и отказываться от федеральной помощи. Соединенные Штаты учредили исполнительную власть с полномочиями вести войны и проводить внутреннюю политику, и законодательную власть, которую больше нельзя было игнорировать. В 1794 году, в ответ на так называемую Революцию Виски в западной Пенсильвании, правительство продемонстрировало силу федеративного устройства, что резко контрастировало с подавлением восстания Шейса континентальным Конгрессом. Вашингтон направил армию численностью более 10000 человек, чтобы оказать давление на несколько сотен винокуров, отказывавшихся платить налог на виски для финансирования государственного долга, отчетливо показав, таким образом, невероятную финансовую, политическую и военную мощь нового правительства. Изучая переход от Американской Конфедерации к Соединенным Штатам, можно провести много параллелей с Европейским Союзом, в числе которых слабый центр, независимые государства, экономический кризис и огромное количество долгов. Самое важное отличие США 18 века от Европы 21 века – это уровень внешней угрозы. В 1787 году восстание Шейса показало многим американцам (а особенно Джорджу Вашингтону, который был сильно раздражен кризисом) насколько слабой была страна. Если кучка фермеров могла поставить под угрозу один из самых сильных штатов Конфедерации, тогда на что были способны британские войска, которые все еще находились на американской земле и на севере в Квебеке? Самостоятельно штаты смогли бы кое-как справиться с экономическим кризисом, но они не смогли бы предотвратить контратаку Великобритании или защитить свой торговый флот от берберийских пиратов. Америка не пережила бы еще одного такого инцидента и еще одной такой необоснованной демонстрации военного и политического бессилия.

Преимущество Америки в том, что все штаты объединяет схожая география, равно как и общий язык и культура. И хотя у них разная экономическая политика и разные интересы, все штаты, в конечном счете, зависят от атлантической морской торговли. Угроза того, что эту торговлю

задушит мощный военно-морской флот – или даже пираты из Северной Африки – была ясной и непосредственной. Угроза британской контратаки с севера могла и не быть существенной для южных штатов, но они понимали, что, если Нью-Йорк, Массачусетс и Пенсильвания были бы потеряны, Юг мог бы сохранить некоторую номинальную независимость, но вскоре бы вернулся к де-факто колониальному статусу.

В Европе не существует четкого обозначения угрозы. И хотя существует общее ощущение (по крайней мере, в кругах правящей элиты), что европейцы разделяют экономические интересы, предельно ясно, что их интересы в области безопасности не дополняют друг друга.

Нет общего восприятия понятия «внешняя угроза». Для стран Центральной Европы, которые лишь недавно стали членами Евросоюза и НАТО, Россия все еще представляет угрозу. Они просят НАТО (и даже Евросоюз) сфокусироваться на европейском континенте и подтвердить гарантии альянса по безопасности этих стран. Взамен они наблюдали, как Франция продает России передовые вертолетоносцы, а Германия строит передовой Военно-учебный Центр в России.*

Регионализация Европы

Таким образом, кризис еврозоны (которым поглощены члены ЕС, входящие в еврозону, и который важен для всего Евросоюза сугубо в символическом плане) – это кризис доверия. Нашли ли существующие ныне политические и оборонные организации – Евросоюз и НАТО – правильное сочетание интересов национальных государств? Действительно ли государства-члены этих организаций по-настоящему чувствуют, что у них единая судьба? Хотят ли они, подобно американским колониям в 18 веке, отказаться от своей независимости, чтобы создать общий фронт для решения политических, экономических и оборонных задач? И если ответ на этот вопрос отрицательный, то какие существуют альтернативные меры, способные привлечь во внимание взаимные интересы национальных государств?

Что касается сферы безопасности, у нас уже есть ответ: появление региональных европейских организаций по безопасности. НАТО фактически перестала отвечать интересам национальной безопасности европейских стран. Германия и Франция, к огорчению Прибалтики и Центральной Европы, поддерживают соглашательский подход к России. В ответ на это страны Центральной Европы стали создавать альтернативу. Четыре центрально-европейские страны, образующие Вишеградскую группу, – Польша, Чехия, Словакия и Венгрия – использовали форум как почву для создания Центрально-европейской Боевой Группы. Балтийские государства, которым угрожает общее возрождение России, спешат расширить военное и оборонное сотрудничество со скандинавскими странами, например, Литва начала бороться за вступление в Северную Боевую Группу, членом которой уже является Эстония. В конце 2010 года Франция и Соединенное Королевство решили расширить сотрудничество с помощью открытого военного соглашения, а Лондон также выразил заинтересованность в

сближении с развивающимися военными проектами балтийско-скандинавского сотрудничества.

Сейчас регионализация особенно очевидна в вопросах безопасности, но проявление ее в политических и экономических сферах – это лишь вопрос времени. Например, канцлер Ангела Меркель с энтузиазмом восприняла желание Польши и Чехии форсировать усилия, чтобы войти в еврозону. Недавно обе страны продемонстрировали, что они охладели к идее вступления в еврозону. Конечно, решение во многом зависело от того, что евро находится в состоянии кризиса, но мы не можем недооценивать основное ощущение Варшавы, что Берлин не считает своим долгом обеспечивать безопасность Польши. Сейчас Центральная Европа (за исключением Эстонии, Словении и Словакии) может и не быть в еврозоне, но будущее еврозоны тесно связано с ее привлекательностью для остальной Европы, как в качестве экономического, так и политического блока. Согласно договору (Маастрихтский договор 1992 года, прим. редакции), все члены ЕС обязаны войти в еврозону (кроме Дании и Соединенного Королевства, которые по итогам переговоров получили послабления на обязательность вступления в еврозону). С точки зрения Германии, членство Чехии и Польши важнее, чем членство периферийной Европы. Объемы торговли Германии с Польшей и Чехией больше, чем объемы торговли Германии с Испанией, Грецией, Ирландией и Португалией вместе взятых.

Регионализация безопасности – это не очень хороший знак для будущего еврозоны. Валютный союз нельзя «прививать» на дерево оборонной разрозненности, особенно когда путем выхода еврозоны из кризиса является более высокая степень интеграции. Варшава не собирается предоставлять Берлину право вето на затраты бюджета Польши, если обе страны не едины по вопросам, касающимся безопасности. Этот довод может выглядеть простым и достаточно убедительным, потому что так и есть. Налогообложение – это одна из простейших форм государственной независимости, этим не делятся с государствами, которые не разделяют вашу политическую, экономическую и оборонную судьбу.

Это касается любой страны, не только Польши. Если решение проблем еврозоны лежит в интеграции, то интересы сближающихся государств должны пересекаться в чем-то большем, нежели просто экономических вопросах. Пример США конца 18 века в крайней степени поучителен, так как на его основе можно привести убедительный аргумент: в то время у американских штатов экономические интересы были более разрозненными, нежели сейчас в Европе, однако забота о безопасности все же объединила их. Фактически, когда в середине 19 века, благодаря истощению Европы из-за Наполеоновских войн, внешняя угроза для Америки ослабла, страну потрясла Гражданская война. Культурное и экономическое разделение Америки, которое существовало даже во время Революционной войны, разгорелось огромным пожаром в тот момент, когда внешняя угроза исчезла.

Суть в том, что европейцам придется прийти к соглашению о чем-то большем, нежели просто о 3%-ном дефиците бюджета, что будет служить фундаментом для более тесной интеграции. Контроль над бюджетом

задевает независимость за живое, а европейские страны не откажутся от этого контроля, пока они не будут знать, что их безопасность и политические интересы воспринимаются их соседями всерьез.

Сферы влияния Европы

Таким образом, мы видим, как Европа превращается в ряд региональных группировок. У этих организаций могут быть разные представления о задачах безопасности и экономики, одна страна даже может принадлежать не к одной группировке, но в большинстве случаев членство будет основываться на местоположении на континенте. Но это произойдет не в одночасье. Германия, Франция и другие ключевые экономические силы имеют законный интерес в сохранении еврозоны в ее нынешнем составе на ближайшее время (возможно, лет на 10), так как греческая «зараза» на данный момент – это серьезная причина для беспокойства. Однако в дальнейшем создание региональных организаций-единомышленников, кажется, будет прогрессировать в Европе, особенно если Германия решит, что ее отношения с ключевыми странами еврозоны и Центральной Европой важнее, чем ее отношения с периферией.

Мы можем выделить четыре недавно сложившиеся группы, которые, не исключая друг друга, являются определенного рода моделью, изображающей эволюцию отношений между странами Европы:

1. Сфера влияния Германии (Германия, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Чехия, Венгрия, Хорватия, Швейцария, Словения, Словакия и Финляндия). Эти ключевые экономические силы еврозоны не страдают от конкурентоспособности Германии, либо их экономическая выгода зависит от торговли с Германией, и их обошел стороной генетический страх перед развитием российско-германских отношений. Благодаря отдаленности от остальной Европы и близости к России, Финляндия не беспокоится о возрождении России, но время от времени предпочитает агрессивной политике соседних Польши и Швеции осторожную компромиссную политику Германии. Венгрия, Чехия и Словакия больше всего волнуются из-за российско-германских отношений, но не так сильно, как Польша и балтийские страны, и эти три страны могут решить остаться в сфере влияния Германии по экономическим причинам.

2. Скандинавский региональный блок (Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Эстония, Литва и Латвия). Эти страны, в основном, не входящие в еврозону, обычно рассматривают возрождение России в негативном свете. Балтийские страны рассматриваются как скандинавская сфера влияния (особенно Швеции), что приводит к проблемам с Россией. Германия – важный торговый партнер, но ее также рассматривают как властолюбивое государство и как конкурента. Финляндия находится на стыке этой группы и немецкой сферы влияния и принимает ту или другую сторону, в зависимости от решаемого вопроса.

3. Вышеград-плюс (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария). В данный момент члены Вышеградской группы относятся к разным сферам влияния. Чехия, Словакия и Венгрия не чувствуют для себя угрозу от возрождения России настолько, насколько это ощущают Румыния

и Польша. Но и они не удовлетворены отношением Германии к России. Польша недостаточно сильна экономически, чтобы возглавить этот блок, как возглавляет Скандинавский блок Швеция. В данный момент страны Вышеградской группы мало что могут предложить друг другу помимо сотрудничества в сфере безопасности. Польша намеревается изменить ситуацию, активно выступая за большее финансирование стран-новичков в ЕС в ближайшие шесть месяцев своего председательства в ЕС. Однако это все равно не означает экономическое лидерство.

4. Средиземноморская Европа (Италия, Испания, Португалия, Греция, Кипр, Мальта). Это периферийные государства Европы. Их проблемы безопасности являются уникальными из-за воздействия на них нелегальной иммиграции через турецкие и североафриканские маршруты. С географической точки зрения, эти страны изолированы от основных торговых путей, и им не хватает генерирующего капитал североевропейских центров, за исключением итальянской долины реки По (которая во многом не принадлежит этой группе, но может рассматриваться как отдельное единство и часть сферы влияния Германии). Таким образом, эти страны сталкиваются с аналогичными проблемами чрезвычайной задолженности и недостатком конкурентоспособности. Вопрос в том, кто будет главным?

И затем следуют Франция и Соединенное Королевство. Фактически, эти страны не принадлежат ни к одному блоку. Это традиционная позиция Лондона по отношению к континентальной Европе, хотя недавно страна начала налаживать отношения с группой Северных и Балтийских стран. Франция, тем временем, может рассматриваться как часть немецкой сферы влияния. Париж пытается удержать свою лидирующую роль в еврозоне и модернизирует правила своего рынка труда и социального обеспечения, чтобы поддерживать связь с возглавляемым Германией валютным союзом, а это болезненный процесс. Однако, традиционно Франция еще и средиземноморская страна, и рассматривает альянсы с группами Центральной Европы, чтобы окружить Германию. Кроме того, Париж недавно вступил в новые двусторонние военные отношения с Соединенным Королевством, используя их, в том числе, как инструмент против близких отношений Великобритании с Германией. Если Франция решит прекратить партнерские отношения с Германией, то она могла бы взять в свои руки контроль над своей обычной сферой влияния на Средиземноморье, возможно, это даже нашло бы активную поддержку со стороны других держав, таких как США и Великобритания. Фактически, обсуждение создания Средиземноморского Союза было политической перестраховкой, страховым полисом именно от такого будущего.

Цена регионального господства

Альтернатива регионализации Европы – явное лидерство Германии, которое подразумевает – как в политическом, так и в экономическом плане – большую европейскую интеграцию. Если Берлину удастся преодолеть антиевропейский популизм, который подпитывается кредитной усталостью ключевых экономик еврозоны, то Германия могла бы продолжить поддерживать периферию и доказать свою преданность еврозоне и

Европейскому Союзу. Германия также пытается показать Центральной Европе, что ее отношения с Россией носят исключительно позитивный характер, используя свои переговоры с Москвой о Молдове в качестве примера немецкого политического влияния.

Центральная Европа, однако, уже устраивает проверку для немецкого лидерства и преданности. Польша приняла председательство в ЕС 1 июля и приняла обязательство увеличить денежную помощь новым членам ЕС, равно как и расширить сотрудничество в сфере безопасности. Оба эти направления политики – проверка для Германии и возможность для нее повернуть вспять происходящий процесс регионализации. Если Германия скажет «нет» очередному финансированию недавно вступивших в союз стран – под угрозой окажется финансирование политики интеграции ЕС, которая на период 2007-2013 гг. определена в 177 млрд. евро – и договорам об обороне и безопасности, затрагивающим всю Европу, то ответ со стороны Варшавы, Праги и других центрально-европейских столиц не заставит себя ждать. Вопрос в том, действительно ли Германия настроена стать лидером Европы и готова ли она заплатить за звание гегемона объединенной Европы, что означало бы не только оказание финансовой помощи, но и противостояние с Россией. Если Германия ставит свои отношения с Россией выше союза с Центральной Европой, тогда центрально-европейским странам будет трудно следовать за Берлином. Это будет означать, что регионализация системы безопасности в Европе – через Вышеградскую группу и Боевые группы Северных и Балтийских стран – имеет смысл. Это также будет означать, что Центральной Европе придется искать новые способы привлечь в регион США для обеспечения безопасности.

Общее восприятие безопасности связано с осознанием государствами того, что они разделяют общую судьбу. Американские штаты поняли это в конце 18 века, и поэтому они отказались от своей независимости и создали США на своем пути к статусу сверхдержавы. Европейцы – по крайней мере, на данный момент – не видят ситуацию (или мир) в таком же свете. Экономическая помощь оказывается не потому, что греки и немцы разделяют общую судьбу, а потому что немецкие банкиры разделяют судьбу немецких налогоплательщиков. Это показывает, что интеграция развилась до такой степени, когда экономическая судьба стала общей для всех, но этого недостаточно для базы, на которой строится общий политический союз.

Спасение Греции рассматривают как оскорбление немецких налогоплательщиков, хотя те же самые немецкие налогоплательщики много выиграли от создания еврозоны. Немецкое правительство понимает преимущества сохранения еврозоны – поэтому оно продолжает помогать периферийным странам – но в Германии не было общенациональной дискуссии, чтобы объяснить эту логику населению. Германия все еще ожидает открытого разговора с самой собой - о своей роли, о своем будущем, а особенно о том, какую цену она может заплатить за региональную гегемонию и сохранение своего места в мире, где доминируют державы, способные воспользоваться ресурсами целых континентов.

Без ясного понимания того, что в Европе все страны разделяют одну судьбу, у греческого кризиса мало шансов стать европейским восстанием Шейса, подталкивающим к единению. Тогда, в перспективе у Европы – не Соединенные Штаты Европы, а происходящая уже сейчас регионализация.